

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

9
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

- 5.9.3. Literary theory (Philology)
- 5.9.4. Folkloristics (Philology)
- 5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Cultural Studies)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (History)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Art Studies)

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047

e-mail: iurganov@yandex.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: iurganov@yandex.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

I.I. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

- E.Yu. Ivanova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway
- A.V. Kostina*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- G.E. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.A. Krongauz*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium
- I.A. Kuptsova*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
- A.B. Letuchii*, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
- M.N. Lipovetskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Maltsev*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- I.G. Matyushina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.E. Pekelis*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.I. Reinhold*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation
- E.L. Rudnitskaya*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

- B.L. Shapiro*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Sharoff*, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom
- I.A. Sharonov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.V. Sideltsev*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- A.E. Skvortsov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
- N.A. Slioussar*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- A.N. Taganov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- Ya.G. Testeleets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- Yu.I. Tsvetkov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.G. Vladimirova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- V.I. Zabolotkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.V. Zagidullina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation
- A.V. Zimmerling*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Executive editor

A.L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Аницферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бурлак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Грищев, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковская, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- М.В. Загидуллина*, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
- Е.Ю. Иванова*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорбонна, Париж, Франция
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада
- А.В. Костина*, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
- Г.Е. Крейдлин*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.А. Кронгауз*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия
- И.А. Кушцова*, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Б. Летучий*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- М.Н. Литовецкий*, доктор филологических наук, Колумбийский университет, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Мальцев*, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
- И.Г. Матюшина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.П. Одесский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Е. Пекелис*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.И. Рейнгольд*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
- Е.Л. Рудницкая*, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
- А.В. Сидельцев*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

- А.Э. Скворцов*, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Российская Федерация
- Н.А. Слюсарь*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- А.Н. Таганов*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.В. Федорова*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.М. Фельдман*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.Л. Цветков*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- А.В. Циммерлинг*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.И. Чельшева*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Б.Л. Шапиро*, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Шаров*, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
- И.А. Шаронов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

CONTENTS

<i>Introduction</i> . Historical context as an issue and experience of reconstruction. <i>Andrei L. Yurganov</i>	12
<i>Aleksei E. Belikov</i> Virgil's cultural studies and discord in an epic context. On an interpretation of Aen. 12.837	20
<i>Claudio Ingerflom</i> The phenomenon of imposture. Transcendental legitimacy of power in political modernity	30
<i>Igor V. Kurukin</i> Count Platon Ivanovich Musin-Pushkin. The fate of a nobleman of the "palace coups epoch" (cultural aspect)	42
<i>Oleg M. Buranok, Aleksandr O. Buranok</i> The first translation of Cervantes into Russian	66
<i>Oksana I. Kiyanskaya</i> Fathers and children in literature and everyday life of the late 18 th – early 19 th century	89
<i>Olga A. Meerson</i> Truth versus truth in context in Dostoevsky. Polyphony vs relativism. The case of a conversation between father and son over the brandy	112
<i>Andrei L. Yurganov</i> Friendship and betrayal in dramaturgical and life contexts of the Stalinist era	130
<i>Mikhail P. Odesskii</i> Soviet historical painting in various ideological contexts	149
<i>Galina V. Zyкова</i> Vsevolod Nekrasov's poem "And I mean the Cosmic" in the context of 1959	161
<i>Pavel E. Spivakovskii</i> "Early-printed" books in the metamodern context of Tatyana Tolstaya's novel "The Slynx". Archaic and avant-garde cultural trends	174

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение. Исторический контекст как проблема и опыт реконструкции.</i> <i>Андрей Л. Юрганов</i>	12
<i>Алексей Е. Беликов</i> Культурология Вергилия и разногласия в эпическом контексте: к интерпретации Аен. 12.837	20
<i>Клаудио Ингерфлом</i> Феномен самозванчества: трансцендентная легитимность власти в политическом модерне	30
<i>Игорь В. Курукин</i> Граф Платон Иванович Мусин-Пушкин: судьба вельможи «эпохи дворцовых переворотов» (культурологический аспект)	42
<i>Олег М. Буранок, Александр О. Буранок</i> Первый перевод Сервантеса на русский язык	66
<i>Оксана И. Киянская</i> Отцы и дети в литературе и повседневной жизни конца XVIII – начала XIX в.	89
<i>Ольга А. Меерсон</i> Истина и «истина в контексте» у Достоевского. Полифония против релятивизма: случай беседы отца с сыном за коньячком	112
<i>Андрей Л. Юрганов</i> Дружба и предательство в драматургическом и жизненном контекстах эпохи сталинизма	130
<i>Михаил П. Одесский</i> Советская историческая живопись в идеологических контекстах	149
<i>Галина В. Зыкова</i> Стихотворение Всеволода Некрасова «И я про космическое» в контексте 1959 года	161
<i>Павел Е. Стиваковский</i> «Старопечатные» книги в метамодернистском контексте романа Т.Н. Толстой «Кысь»: архаические и авангардные культурные тенденции	174

Введение

Исторический контекст как проблема и опыт реконструкции

Теория, основной принцип которой заключен в словах Ф. Анкерсмита о «непосредственном историческом опыте»¹, определяет собой драматургию современного состояния гуманитарной науки, ищущей выход из кризиса объективизма. Если прибавить к словам Анкерсмита слова Гумбрехта о «производстве присутствия», то окажется, что гуманитарий может и даже должен доверять себе, личным впечатлениям и чувствам, уходя от предпосылочного знания, всяких готовых интерпретационных схем, чтобы обнаружить связь времен путем своеобразного «вживания» в исторический контекст. Утверждается мысль, что при всей инаковости, чуждости «прошлого» сам этот очищенный контакт (похожий на медитацию) возможен. В конце концов с этим можно было бы и согласиться, но как доказать, что беспредпосылочное «вживание» гарантирует адекватное понимание исторического контекста. И как это проверить?

Анкерсмит подчеркивал: «...переживание прошлого является переживанием не там, где оно точь-в-точь соответствует воспоминаниям, ожиданиям и практическим убеждениям историка, но именно там, где оно бросает вызов всем нашим интуициям о мире. Только здесь мы можем встретиться с прошлым как таковым в его бескомпромиссной и радикальной чуждости, то есть в его “возвышенности”... Только здесь мы действительно открываем прошлое и текст, который бросает вызов всем нашим категориям, делающим мир осмысленным. И это может превратить прошлое в чуждый и волшебный мир, каким оно в сущности и является...»² Анкерсмит отмечал, что гуманитарий, вовлекаясь в возвышенный мир прошлого, открывает для себя чуждый мир, чуждую информационную среду через вхождение во внутренний мир чужой ему метафизики («возвышенности») и таким образом – уже оказавшись в ней как бы соучастником и непосредственным наблюдателем – он постигает логику исторического контекста.

Гумбрехт с неменьшей радикальностью, чем Анкерсмит, говорил о необходимости выхода за пределы, очерченные жизненным

© Юрганов А.Л., 2024

¹ Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 140.

² Там же. С. 109.

миром познающего. Он настаивал на том, что опыт трансцендирования не только возможен, но изначально присущ человеку³.

Анкерсмит и Гумбрехт – противники герменевтики, потому что ее теоретическим эпицентром является интерпретация, позволяющая исследователю оставаться самим собой в контактах с прошлым, что неизбежно влечет за собой модернизацию исторического контекста.

Анкерсмит отмечал: «...герменевтика, семантика, семиотика и т. д. ненамеренно пытаются не столько показать нам путь к значению текста, сколько разъяснить, почему мы всегда и неизбежно обречены упускать это значение»⁴. Но идеальная модель Анкерсмита становится сложнейшей проблемой, ибо адекватность наблюдателя, отказавшегося от обыденных установок своего жизненного мира, практически выходит за пределы всякой верификации. Такая модель отрицает прежнюю – в самом деле устаревшую модель «диалога» в духе исторической антропологии – но не дает оснований для того, чтобы судить о качестве диалога «непосредственного наблюдателя». Не желая познавать прошлое при помощи метаязыка интерпретационной науки, Анкерсмит предлагает вживание в «возвышенный опыт» нетекстовой реальности, например, при анализе венецианского пейзажа Гварди. Но как бы он ни пересказывал свои впечатления от контакта с этим произведением искусства, Анкерсмит вынужден обращаться к историческим текстам эпохи, чтобы верифицировать собственные впечатления.

Как заметил в свое время М.Л. Гаспаров, в познавательном процессе разграничиваются две процедуры: одна апеллирует к убедительности (это искусство), а другая апеллирует к доказательности (это наука)⁵. Убедительность порождает само-суггестию, доказательность требует аргументов.

На мой взгляд, одна из причин двойственности концепции Анкерсмита заключается в том, что он не обсуждает теоретически – что есть исторический контекст. Современная научная литература тоже равнодушна к этой проблеме. А между тем все, что принимается по умолчанию – принимается на веру...

Сложность понятия «исторический контекст» состоит в том, что обсуждать его природу можно только тогда, когда правильно

³ Гумбрехт Х. Производство присутствия: чего не может передать значение. М., 2006.

⁴ Анкерсмит Ф. Указ. соч. С. 138.

⁵ Гаспаров М.Л. Научность и художественность в творчестве Тынянова // Достоверность и доказательность в исследованиях по истории и теории культуры. М., 2002. С. 290.

выбрана система координат и взаимосвязь с другими понятиями, маркирующими собой картину того, что мы по привычке называем «прошлым». Нередко понятием «контекст» определяют максимальные границы изучаемого времени. Как будто контекст «один на всех»...

История – это самосознание людей во времени. Такое определение максимально удаляет гуманитарную науку от объективистской парадигмы, в которой первичен процесс сам по себе, потому что принимается как аксиома, что «сознание» вторично по отношению к «бытию». В необъективистском модусе, который, я думаю, определяет собой новейшее состояние гуманитарных и философских наук, бытие и есть сознание, и все, что было в прошлом, происходило прежде всего в сознании людей. Сталкиваются не только разные формы сознания, сталкиваются разные жизненные миры, разные установки осмысленной повседневности. Нередко понятие «исторический контекст» приобретает в научном объяснении такую устойчивость, как если бы речь шла о неподвижном предмете. Любой исторический контекст есть реальность осмысленной повседневности, которая на периферии жизненного мира постоянно видоизменяется. Но движение (как самоизменение) только тогда будет замечено, когда имеется константа, или «точка неподвижности». Попадая в любой исторический контекст, мы видим в нем не частное мнение кого бы то ни было, а *общепринятое мировосприятие (мнение)*, которое допускает внутри себя множество разных объяснений, вплоть до противоположных, и это нисколько не отрицает общий и обязательный «центр неподвижности». В эпоху Смуты общепринятым было мнение, что для утверждения законности власти необходимы основания, свидетельствующие о близости к угасшему роду Калитичей. Ибо само государство было наследственной монархией с наследственной корпорацией служилых людей. Вокруг этого смыслового эпицентра кружилось много разных и порой противоположных объяснений, которые исключали друг друга во всем, кроме того аргумента, о котором сказано выше.

Таким образом «исторический контекст» – это континуум, содержащий множество конвенциональных моделей, типичных объяснений того, что происходит «здесь-и-сейчас», но в рамках генерального тезиса – установки видеть причинно-следственную связь такой именно, а не другой.

Понятие «исторический контекст» не является единым и неделимым.

В исследовательском опыте существенно видеть, что любая контекстуальная данность раскрывается как явление само собой разумеющегося. В этом и заключен основной парадокс прошлого –

в необъективистском модусе труднее всего понять чужую очевидность, не требующую от себя манифестаций и доказательств. Исследователю же неочевидна установка генерального тезиса другой исторической эпохи – и попасть в нее путем «вживания» не получится, потому что для этого требуется опыт реконструкции. Требуются аналитические процедуры, доказывающие, что выявленные факты самосознания – действительно история, а не картина мира исследователя.

В идеальной модели Анкерсмита «история» создается (в конечном счете) интерпретатором, который воспроизводит свой опыт, будучи уверенным, что адекватная передача чужого смысла невозможна.

Факты самосознания людей во времени даны нам прежде всего в словах – в сферах понятий. Не зная словесных aberrаций значений слов, постоянно меняющихся, вживание не состоится еще и потому, что «вживаться» надо не в свои эмоции от увиденного, а в сложные процессы словесных изменений сознания человека – что тоже требует аналитических процедур, а не личных впечатлений.

Понятие «повседневность» используется чаще всего как некая единая, неделимая категория. Между тем нет никакой одной и неделимой повседневности, которая покрывала бы собой «жизнь людей». Мы имеем дело с модусами повседневности⁶, которые выражают собой огромное разнообразие жизненного мира, не лишеного своего культурно-исторического единства.

«Контекст» осуществляется во множестве конвенциональных моделей; «повседневность» – это разнообразные модусы осмысленной ежедневности. Словом, любая абстракция, превращенная в историческую реальность, лишает нас возможности понять человеческое самосознание во времени.

Идея «вживания» выглядит абстрактной категорией, которая игнорирует всю сложность аналитической работы исследователя.

Настоящий выпуск «Вестника РГГУ» показывает, какое значение современная гуманитарная наука придает аналитическим процедурам, чтобы прорваться к человеку в его исторической обусловленности, в его осмысленной повседневности.

В центре внимания статьи А.Е. Беликова («Культурология Вергилия и разногласия в эпическом контексте: к интерпре-

⁶ Юрганов А.Л. Жизненный мир и модусы повседневности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 1–14; *Он же*. Логика допущения в модусах повседневности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 12–16.

тации Аеп. 12.837») – сложнейшая коммуникативная ситуация. Анализ семантики слов *fidus, discors, os (oris)*, управления глаголов *signare, facere*, реалий описываемых событий в Трое (2.420-423) и в древней Италии (12.821-840) позволяет автору высказать критику тех комментариев и переводов, которые предполагают в указанных отрывках отсылки к другим языкам. Опыт реконструкции приводит автора к мнению, что существовала «эпическая условность», в рамках которой боги и герои говорят на том же языке, на каком говорит автор с читателем.

В теоретической статье Клаудио Ингерфлома «Феномен самозванчества: трансцендентная легитимность власти в политическом модерне» рассматривается своеобразное «выживание» самозванчества в других контекстах, когда само историческое событие уже пережито и даже забыто. Ученый называет эту ситуацию «отложением» в культуре, которая способна воспроизвести в своем настоящем этот угасший, но не исчезнувший феномен. Это наблюдение еще больше усложняет наше понимание исторического контекста, который очевидным образом не состоит только из современных переживаний и смыслов. Автор приходит к выводу, что самозванчество открывает сущностную характеристику русской правовой традиции, в которой не было формальных правовых оснований. Как в истории самодержавия залегает мистическая идея власти, так и самозванчество держится на постулатах обыденного сознания, которое регулируется теми или иными религиозными установками. Здесь мы видим, что константа – обычное право как традиция – управляет контекстуальной природой самодержавия и самозванчества, явлений одного порядка на протяжении веков, включая и советский период.

Статья И.В. Курукина «Граф Платон Иванович Мусин-Пушкин: судьба вельможи “эпохи дворцовых переворотов” (культурологический аспект)» рассматривает жизненный путь одного из «птенцов» Петра Великого – графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина. Речь не идет о событийной истории, в которой он занимал свое место. Исследователь сосредоточился на культурологическом аспекте – на том, как жил и действовал в своих обстоятельствах человек «второго плана». И оказывается, что аристократическое происхождение Мусина-Пушкина нисколько не помешало ему легко вписаться в петровское общество, получить заграничное образование, попробовать себя на дипломатическом поприще, в должности губернатора. Ничто не помешало Мусину-Пушкину, не замеченному в особом карьеризме, оказаться и под следствием во времена Анны Иоанновны, получить смертный приговор, замененный на ссылку в Соловецкий монастырь. Люди «второго плана»

помогают понять, насколько нестабильным и непредсказуемым был век «дворцовых переворотов». Один из главных источников о судьбе человека в России – это судебные материалы, опыт их изучения требует наведения оптики исследователя таким образом, чтобы увидеть в допросах не испуганного своей участью человека, а присущие ему взгляды на жизнь.

В статье О.М. Буранка и А.О. Буранка «Первый перевод Сервантеса на русский язык» рассматривается история первого перевода знаменитого испанского автора. О.М. Буранок обнаружил в архиве рукопись Никанора Ивановича Ознобишина «Корнелия» (1761), это оказался первый из известных переводов Мигеля де Сервантеса на русский язык. Ознобишин переводил «Корнелию» не с испанского, а с французского перевода – что было типично для XVIII в. Исследователи раскрывают различные аспекты того, как читатели воспринимали испанского автора, каким было их отношение к простодушному рассказу о судьбе героев, о любви и преданности, о великодушии. Фабулой управляет господин великий «случай» – и это нравилось читателю. Исследователи отмечают, каким сложно устроенным был читательский интерес, совмещавший в себе и прежние, почти древнерусские мотивы, и новые, усвоенные уроками петровских реформ.

В статье О.И. Киянской «Отцы и дети в литературе и повседневной жизни конца XVIII – начала XIX в.» исследуются отношения отцов и детей. В центре внимание – две семьи: декабристов П.И. Пестеля и С.И. Муравьева-Апостола. Анализ документов приводит автора к мысли, что между родителями и детьми существовал серьезный мировоззренческий конфликт. И тут существенно, что Киянская уловила разницу – одно дело жизненный контекст, а другое дело – литературный контекст. В литературе той эпохи господствовала конвенциональная модель, согласно которой между родителями и детьми нет и не может быть конфликта – эти отношения не выходят за пределы традиции. А вот в жизненных ситуациях, которые выражали собой осмысленную повседневность, споры и конфликты оказались на поверхности. Но можно ли уловить в хаосе семейных дразг какую-нибудь единую контекстуальную природу? Да – она просматривается в константе культурной традиции. Это идея патриотизма. Родители рассматривали патриотизм как неперемную основу службы государству, дети усваивали патриотизм как идею служения Отечеству. Конфликт отцов и детей раскрывает глубинную суть декабристского движения.

В статье О.А. Меерсон «Истина и “истина в контексте” у Достоевского: Полифония против релятивизма: Случай беседы отца с

сыном за коньячком» рассматривается история осмыслений слова «истина» в разных контекстах – и в том числе в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Опыт реконструкции показал, что слово «истина» существует в полифоническом контексте, в котором каждый персонаж романа претендует на свою интерпретацию смысла, восходящего к личности Христа. Достоевский как художник обнажал семантическую девиацию и показывал, что истину пытается присвоить и левый радикализм, и правый триумфализм.

В статье «Дружба и предательство в драматургическом и жизненном контекстах эпохи сталинизма» А.Л. Юрганов рассматривает контекстуальный мир переживаний человека эпохи сталинизма. Как судить о дружбе и предательстве, если вместо метафизического единодушия мы встречаем глубокие разрывы в коммуникациях между историческими эпохами? В качестве примера взяты отношения драматурга А.Н. Афиногенова и писателя Всеволода Иванова в 1937 г., – этот жизненный контекст сопоставляется с пьесой «Страх», в которой возникает подобная нравственная дилемма, но в ней Афиногенов выступает в роли человека, оправдывающего нравственную необходимость предательства дружбы ради верности коллективистской морали.

В статье М.П. Одесского «Советская историческая живопись в идеологических контекстах» рассматривается история картины художников А.Н. Яр-Кравченко и А.Н. Зарубина, на которой была изображена встреча И.В. Сталина с советскими писателями в 1932 г. Чрезвычайно важно, что картину переделывали под новый общественно-политический контекст – при Н.С. Хрущеве авторы заменили Сталина на Горького. История картины позволяет выявить конвенциональные модели в меняющихся идеологических кампаниях советского времени. Автор статьи ставит вопрос о том, что никакого определенного «социалистического канона» не существовало, политика партии утверждала свою власть в непредсказуемости политических поворотов и соответствующих обвинений кого угодно в чем угодно.

Г.В. Зыкова в статье «Стихотворение Всеволода Некрасова “И я про космическое” в контексте 1959 года» рассматривает особенности влияния «космического» ажиотажа 1959 г. на образный строй и тематику произведений советских поэтов «старшего» поколения, творчество которых ценил Всеволод Некрасов. Зыкова высказывает предположение, что одним из осознанных претекстов для стихотворения Некрасова могла быть «Параболическая баллада» Андрея Вознесенского.

П.Е. Спиваковский в статье «Старопечатные книги в метамодернистском контексте романа Т.Н. Толстой “Кысь” (архаические

и авангардные культурные тенденции)» рассматривает роль книг и книжной культуры в романе «Кысь» Татьяны Толстой. Опыт реконструкции приводит Спиваковского к мысли, что этот роман следует отнести к метамодернистским, поскольку в нем сосуществуют и переплетаются, конфликтно взаимодействуя, и модернистские, и постмодернистские, и романтические тенденции. Спиваковский видит в этом романе и влияние феномена «Черного квадрата» Казимира Малевича.

Подводя итог, следует отметить, что наука, осваивая огромные просторы исторических контекстов разными аналитическими процедурами, – что видно по статьям этого выпуска «Вестника РГГУ», – может и должна обратить внимание на теоретические аспекты, объясняющие сложную структуру понятийной сферы исторического контекста как одного из важнейших понятий необъективистской парадигмы познания. Именно взаимодействие культурологов, языковедов и литературоведов может стать трамплином к новому уровню развития гуманитарной сферы.

Андрей Л. Юрганов

Культурология Вергилия
и разногласия в эпическом контексте:
к интерпретации Aen. 12.837

Алексей Е. Беликов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия;*

Национальный исследовательский университет

«Московский физико-технический институт»,

Долгопрудный, Московская обл., Россия, belikov.smu@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются контексты из «Энеиды» Вергилия (2.376–377, 2.420–423, 8.722–723, 12.821–840) с точки зрения возможного указания на проблему межъязыковой коммуникации в эпосе. Анализ семантики слов *fidus*, *discors*, *os* (*oris*), управления глаголов *signare*, *facere*, реалий описываемых событий в Трое (2.420–423) и в древней Италии (12.821–840) позволяют высказать критику современных комментариев и переводов, предполагающих во всех или в части указанных мест отсылку к другим языкам. Выражение *ora sono discordia signant* (2.423) предлагается понимать как «они звуком (криком) отмечают враждебные лица», а выражение *faciamque omnis uno ore Latinos* (12.837) как «и сделаю их всех – на устах у всех – латинянами» (что соответствует переводу Фредерика Аля). Это позволяет сохранить ненарушенной эпическую условность, в рамках которой все боги и герои поэмы говорят друг с другом на том же языке, на котором автор говорит с читателем, а для одной из важнейших заключительных сцен (12.821–840) восстановить симметрию в просьбах Юноны и ответах Юпитера. Указание на различные языки народов может появляться только как атрибут культуры наряду с одеждой, вооружением и т. д. (8.722–723, 12.825, 12.834), то есть как элемент описания, но не как указание на сложность коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: Вергилий, Энеида, эпическая условность, комментарий, коммуникация

Для цитирования: Беликов А.Е. Культурология Вергилия и разногласия в эпическом контексте: к интерпретации Aen. 12.837 // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 20–29. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-20-29

Virgil's cultural studies and discord in an epic context. On an interpretation of Aen. 12.837

Aleksei E. Belikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

Moscow Institute of Physics and Technology,

Dolgoprudny, Moscow Region, Russia, belikov.smu@gmail.com

Abstract. The article considers the contexts from Virgil's Aeneid (2.376–377, 2.420–423, 8.722–723, 12.821–840) with regard to a possible indication of the issue of interlingual communication in the epic. The analysis of the semantics of the words *fidus*, *discors*, *os* (*oris*), the government of the verbs *signare*, *facere*, the realities of the described events in Troy (2.420–423) and in ancient Italy (12.821–840) allows criticizing modern commentaries and translations, suggesting in all or part of the above places a reference to other languages. The expression *ora sono discordia signant* (2.423) is suggested to be understood as “they mark hostile persons with sound (shout)”, and the expression *faciamque omnis uno ore Latinos* (12.837) as “and I will make them all – on everyone's lips – Latins” (which corresponds to the translation by Frederick Ahl). It allows the epic conventionality to remain intact, in which all the gods and heroes of the poem speak to each other in the same language as the author speaks to the reader, and for one of the most important final scenes (12.821–840) to restore symmetry in the requests of Juno and the answers of Jupiter. An indication of the various languages of peoples can only appear as an attribute of culture along with clothing, weapons, etc. (8.722–723, 12.825, 12.834), that is, as an element of description, but not as an indication of the complexity of the communicative situation.

Keywords: Virgil, Aeneid, epic conventionality, commentary, communication

For citation: Belikov, A.E. (2024), “Virgil's cultural studies and discord in an epic context. On an interpretation of Aen. 12.837”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 20–29, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-20-29

Повторяющейся, но редко отмечаемой чертой античной эпической поэзии является отсутствие коммуникативных сложностей у персонажей, которые должны были бы говорить на разных языках, – чертой тем более характерной, что эпическое пространство зачастую предполагает описание разнообразных, подчас удаленных и экзотических народов и культур. Чаще всего об этой условности говорят применительно к «Илиаде» Гомера, в которой троянцы и греки общаются на одном языке, но то же самое верно и для экзотического путешествия аргонавтов (что в греческой версии

Аполлония Родосского, что в латинской Валерия Флакка), и для продолжения «Илиады» Квинта Смирнского, и для позднеантичного Нонна Паннополитанского, который в «Деяниях Диониса» изображает «грекоязычными» древних индов (например, речь Оронта в 17.249–261). Обращаясь к «Энеиде» Вергилия, мы можем найти множество ситуаций коммуникации между разноязычными народами, когда языковой вопрос никак не обозначается (и не упоминаются какие-либо посредники-переводчики): чего только стоит эпизод с риторически выстроенным выступлением греческого ложного перебежчика Синона перед царем Приамом (2.57–198) – но ситуация станет еще интереснее, если мы вспомним, что эта история – часть рассказа Энея перед карфагенской царицей Дидоной, причем рассказа на латинском языке.

Комментаторы выделяют в тексте «Энеиды» лишь несколько мест, которые потенциально могли бы нарушить обозначенную условность¹.

1. Стихи 2.376–377 *dixit et extemplo (neque enim responsa dabantur / fida satis) sensit medios delapsus in hostis*, «Молвил – и понял он вдруг, не услышав ясных ответов / Ни от кого, что в гуще врагов оказался нежданно»². Остин [Austin 1964, p. 159] вслед за Сервием полагает, что имеется в виду пароль; как альтернатива предлагается языковая разница, но в поддержку этой версии может служить только аналогичное истолкование следующего места, которое я отвергаю по обозначенным ниже причинам. Кроме того, этой интерпретации противоречит семантика прилагательного *fidus*, для которого мне не удалось обнаружить контекстов, связанных с неуверенным владением иностранным языком.

2. Один из наиболее спорных пассажей: 2.420–423 *illi etiam, si quos obscura nocte per umbram / fudimus insidiis totaque agitavimus urbe, / apparent; primi clipeos mentitaque tela / agnoscunt atque ora sono discordia* signant. В традиционном переводе: «Даже и те, кого удалось во тьме непроглядной / Хитростью нам разогнать и рассеять по городу, – снова / Все появляются здесь: щиты и подложные копыя / Тотчас они узнают, услышав наш выговор странный».

¹ Интересно, что комментаторы не включают в этот список контекст 1.661 *quippe domum timet ambiguum Tyriosque bilinguis*, единогласно понимая прилагательное в переносном смысле как «двуличие, лживость», но в остальных контекстах настойчиво пытаются найти отсылку к многоязычию.

² *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат. С.А. Ошерова под ред. Ф.А. Петровского; коммент. Н.А. Старостиной. М., 1979. Здесь и далее – русский перевод С.А. Ошерова, если мною не оговорен собственный вариант.

Остин [Austin 1964, p. 172] пишет, что это один из немногих случаев нарушения эпической условности, а в качестве параллелей приводит места из других поэтических жанров (гомеровский гимн к Афродите) и прозы (Ливий, Квинтилиан), что, на наш взгляд, не может служить надежным подтверждением такой интерпретации. При этом Остин отмечает, что глагол *signant* употребляется в необычном значении «привлекать внимание к чему-л.». Мне представляется, что это является отправной точкой для опровержения подобных построений: не следует вводить в словарь новое значение глагола и нетипичную для него синтаксическую конструкцию без иных параллелей только для объяснения одного места, причем места, которое в этой интерпретации тоже предстает исключением (параллельно отметим, что и употребление прилагательного *discors* с аблативом нетипично для Вергилия). Гораздо более естественным представляется типичная для этого глагола конструкция с аблативом – *sono... signant* «обозначают звуком»; при этом переплетенный порядок слов *ora* (a1) *sono* (b1) *discordia* (a2) *signant* (b2), согласующихся «через одно», является вполне нормальным для Вергилия³. Таким образом, предлагается перевод «они первыми узнают щиты и подложные копыя и звуком (криком) отмечают враждебные лица», который гораздо лучше подходит и с точки зрения смысла: Энея и его спутников в ложном греческом вооружении опознают те, кто уже пострадал от их действий ранее, и криком привлекают внимание к противнику, тогда как появившиеся «на сцене» ранее Атриды и Аякс не понимают, что происходит (в традиционном же переводе остается непонятным, почему странный «троянский акцент» опознали только последние из сбежавшихся греческих воинов)⁴.

3. Стихи 8.722–723 *...incedunt victae longo ordine gentes, / quam variae linguis, habitu tam vestis et armis*, «...вереницей идут побежденные длинной, – / Столько же разных одежд и оружия, сколько наречий». Это место не вызывает возражений и потребуются нам в дальнейших рассуждениях. Пока же отметим, что речь идет о ситуации вне эпического действия – это не разные языки сражающихся в поэме народов, а описание триумфальной процессии Августа в ис-

³ Ср. 2.399, 3.281, 7.632, 8.722, 9.98, 12.714.

⁴ Более подробный разбор этого места представлен в докладе А.Е. Беликова «*Ora sono Discordia*» на конференции «Классическая филология в контексте мировой культуры – XIII: Научные чтения, посвященные 265-летию Московского университета», прошедшей 9–12 декабря 2020 г. на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Запись доклада доступна по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=w4AJDkE1-Dw>, с 32-й по 65-ю минуту (дата обращения 28.05.2024).

торической реальности (и в будущем времени по отношению к времени поэмы). Также отметим, что различие в языках побежденных народов отмечено лексически максимально точно и не требует образных истолкований или необычных синтаксических конструкций.

4. Диалог Юноны и Юпитера в 12.821–840. Это одно из важнейших мест в финале поэмы, предшествующее финальному поединку, в котором гневная богиня уступает прямой воле Юпитера и соглашается прекратить преследование Энея в обмен на некоторые условия – условия, объясняющие исчезновение троянского самоназвания у новообразованного народа латинян – будущих римлян. Поскольку сцена строится на симметрии требований Юноны и их удовлетворения ее супругом, приведем эти стихи параллельно (с опущением не относящихся к делу элементов):

<p>cum jam conubiis pacem felicibus, esto, component, cum jam leges et foedera jungent, ne vetus indigenas nomen mutare Latinos neu Troas fieri jubeas Teucrosque vocari aut <i>vocem mutare</i> viros aut vertere vestem. sit Latium, sint Albani per saecula reges, sit Romana potens Itala virtute propago; occidit, oppcideritque sinas cum nomine Troja.</p>	<p><i>sermonem</i> Ausonii <i>patrium</i> moresque tenebunt, utque est, nomen erit; commixti corpore tantum subsident Teucri. morem ritusque sacrorum adjiciam faciamque omnis <i>uno ore Latinos</i>. hinc genus Ausonio mixtum quod sanguine surget, supra homines, supra ire deos pietate videbis nec gens ulla tuos aequae celebrabit honores.</p>
<p>Пусть примирятся враги, пусть на счастье празднуют свадьбу, Но, с пришлецами союз на любых заключая условиях, Древнего имени пусть не меняет племя латинян; Тевкрами ты не вели иль троянцами им называться, Речь ли родную менять, в чужеземное ль платье рядиться. Лаций да будет всегда, и веками пусть царствует Альба, Римский да будет народ италийской доблестью мощен. Трои нет. Так дозволь, чтобы с ней даже имя исчезло.</p>	<p>Пусть и нравы отцов и язык сохранят авзониды С именем прежним своим. Пусть останутся в Лации тевкры, Но растворятся среди них. Учрежу я обрядов священных Чин, единый для всех, и свяжу народы наречьем. Род в Авзонийской земле возникнет от смешанной крови, Всех благочестьем своим превзойдет бессмертных и смертных Этот народ и тебя почитать всех усерднее будет.</p>

В научной литературе можно встретить много вопросов, связанных с общей интерпретацией этого места. Так, Сайдер [Seider 2013, pp. 171–178] подчеркивает уничтожающую роль забвения и, в конечном счете, победу Юноны над исчезнувшей Троей и забытыми троянцами; Адлер [Adler 2003, pp. 182–191] говорит об установлении мира в Италии и об особом характере священных обрядов, дарованных новому народу Юпитером; Сталь [Stahl 1990, p. 194] поясняет, что Вергилий соотносит свое собственное время с мифической нормой; Вест [West 2009, pp. 304–307] указывает на политическое значение названия народа «латины (латиняне)» и на скрывающуюся за «албанскими царями» отсылку к роду Юлиев. При этом последний считает [West 2009, p. 307], что тройное упоминание сохранения местного языка (825 в просьбе Юноны, 834 в ответе Юпитера и у него же ударное заключительное 837) соответствует интересам Августа к языковым проблемам и отражает тот факт, что ко времени Вергилия латынь стала «официальным языком права, политики и торговли», так что «баски, кельты и италийцы первого века до н. э., сосуществующие с могущественными соседями и наблюдающие исчезновение своих собственных языков, склонны ощущать утрату», а «послание Вергилия для них в том, что это – воля Юпитера».

Я еще позволю себе вернуться к логическим (и историческим) противоречиям, возникающим из такой трактовки, но пока вынужден констатировать, что эта интерпретация строки 837 ... *faciamque omnis uno ore Latinos* присутствует в большинстве переводов: С.А. Ошеров «и свяжу народы наречьем», Вест [West 2009, p. 307] “I shall make them Latins, all speaking the same language”, Фэйрклоу⁵ “make all to be Latins of one tongue”, Адлер [Adler 2003, p. 185] “...with one tongue”, Тэррэнт⁶ “speaking one language”. Последний, правда, справедливо отмечает, что *uno ore* также можно понять как «единогласно, по общему мнению». Именно такое понимание наиболее соответствует узусу латинского языка, тогда как попытка увидеть в этом контексте отсылку к общему латинскому языку вызывает проблемы с синтаксисом, которые отчасти можно видеть и в переводах: если фразу *faciamque omnis... Latinos* еще можно понять как «сделаю их латиноязычными», то функция аблатива *uno ore* здесь неясна. Отрадно видеть, что более естественному пониманию следует в свежем переводе

⁵ *Virgil*. Aeneid VII–XII. The minor poems / With an engl. transl. by H.R. Fairclough. L.; N.Y., 1918. P. 356.

⁶ *Virgil*. Aeneid. Book XII / Ed. by R. Tarrant. Cambridge; N.Y., 2012. P. 304.

«Энеиды» Аль⁷: “And I’ll ensure that they’ll all be collectively known as ‘the Latins’ ”⁸.

Другим доводом против распространенной интерпретации может стать структура просьбы-ответа. Довольно часто в парных речах у Вергилия можно найти строгую симметрию в обеих частях, и этот случай – не исключение.

1. Sermonem Ausonii patrium moresque tenebunt «Пусть и нравы отцов, и язык сохранят авзониды» отвечает aut vocem mutate viros aut vertere vestem «речь ли родную менять, в чужеземное ль платье рядиться»; язык в обоих случаях обозначен предельно ясно и стоит в одном ряду с одеждой как черта, отличающая народы и придающая своеобразие их культуре. Именно здесь нам стоит вспомнить стихи 8.722–723 *...incedunt victae longo ordine gentes, / quam variae linguis, habitu tam vestis et armis*, «...вереницей идут побежденные длинной, – / Столько же разных одежд и оружия, сколько наречий». Интересно, что Адлер, хотя и придерживается традиционного перевода, рассуждая о сага, дарованных Юпитером новому народу, весьма справедливо пишет [Adler 2003, p. 187]: «поскольку именно местные божества, а не местные языки, системы правления и обычаи, делают нации нациями» и далее [Adler 2003, p. 190]: «становится ясно, что тем, что делало их нациями (т. е. чужими народами), в первую очередь были не различные языки и наряды, *которые не изменились*, но их различные божества». При таком весьма глубоком понимании значения этого места интерпретация слов uno ore Latinos в лингвистическом смысле становится несовместимой.

2. Hinc genus Ausonio mixtum quod sanguine surget, / supra homines, supra ire deos pietate videbis / nec gens ulla tuos aequae celebrabit honores «Род в Авзонийской земле возникнет от смешанной крови, / Всех благочестьем своим превзойдет бессмертных и смертных / Этот народ и тебя почитать всех усерднее будет» должно соответствовать sit Latium, sint Albani per saecula reges, / sit Romana potens Itala virtute propago; / occidit, oppccideritque sinas

⁷ *Virgil. The Aeneid / Transl. with notes by F. Ahl; with an introd. by E. Fantham. Oxford, 2007. P. 324.*

⁸ Я бы хотел привести еще перевод Флетчера [Fletcher 2014, p. 250]: “And I will make them all Latins with one face”. Я предполагаю, что понимание uno ore как «на одно лицо», вероятно, строится на противопоставлении сказанному commixti corpore «смешанные телом». Хотя это и кажется мне несколько чрезмерным, первая часть перевода Флетчера вполне соответствует и переводу Аля, и тому пониманию этого пассажа, которое я пытаюсь обосновать.

сум nomine Troja «Лаций да будет всегда, и веками пусть царствует Альба, / Римский да будет народ италийской доблестью мощен. / Трои нет. Так дозволю, чтобы с ней даже имя исчезло». В обоих случаях первые две строки вполне соответствуют политической интерпретации Веста. При этом следует отметить изящно добавленную поэтом асимметрию в третьей строке – если Юнона настаивает на окончательном уничтожении Трои (ср. интерпретацию Сайдера), то Юпитер тактично не повторяет это ненавистное для нее имя и настаивает на примирении нового народа с гневной богиней путем особенного почитания (что особенно интересно в контексте того, что наиболее почитающим богиню народом ранее были названы карфагеняне; этот исторический конфликт оказывается не только намечен в поэме как предстоящий, но уже и обозначен как разрешившийся).

3. Осталось соотнести слова Юноны *ne vetus indigenas nomen mutare Latinos / neu Troas fieri jubeas Teucrosque vocari* «Древнего имени пусть не меняет племя латинян; Тевкрами ты не вели иль троянцами им называться» с ответом Юпитера *utque est, nomen erit; commixti corpore tantum / subsident Teucri. morem ritusque sacrorum / adjiciam faciamque omnis uno ore Latinos* «С именем прежним своим. Пусть останутся в Лации тевкры, / Но растворятся среди них. Учрежу я обрядов священных, / Чин (далее перевод мой) и сделаю их всех – на устах у всех – латинянами». В согласии с переводом Аля я полагаю, что речь в спорной строке идет о смене названия с тевкров на латинян, что подчеркивает единогласие и согласие в этом вопросе (т. е. буквально не найдется ни одного рта, который называл бы их другим именем). Мне представляется, что подобная интерпретация согласуется и с рассуждениями Сид [Syed 2005, pp. 205–210] о важности этого самоназвания для объединенного народа.

Представляется очевидным, что интерпретация *uno ore* в 12.837 как указания на единый для всех латинский язык нарушает обнаруженную нами симметрию. Но подобная интерпретация неизбежно вызывает и следующий ряд противоречий: 1) Юнона говорит именно о сохранении неизменного языка, тогда как *faciam* предполагает создание новой латиноязычной общности; 2) Вергилий должен был прекрасно себе представлять (даже если это специально не оговаривал), что в древней Италии присутствовало множество языков, поэтому дихотомия троянский-латинский неверна в принципе, и даже Юпитер не сделал в те давние времена всех жителей Италии латиноязычными! Можно возразить, что речь идет о будущем, – но ведь исчезновение троянского языка, одежд и имени по просьбе Юноны и по приказу Юпитера

происходит еще до основания Рима; 3) даже если относить образ единого языка к эпохе Августа, как того хочет Вест, это едва ли представляется возможным при упорстве сохранения как италийских языков, так и языков покоренных народов [Weeda 2015, pp. 34–35], исчезновение которых Вест, как кажется, слишком ускоряет.

Я же попытался обосновать, что понимание *in ope* в традиционном для латинского языка смысле позволяет восстановить симметрию двойной речи Юноны и Юпитера, подчеркнуть вслед за Адлер и Сид значимость нового возникшего латинского народа (а не языка) и убрать последний случай разногласия в эпосе Вергилия. Указание на различные языки народов может появляться только как атрибут культуры наряду с одеждой, вооружением и т. д., т. е. как элемент описания, но не как указание на сложность коммуникативной ситуации. Условность эпического мира, где все говорят друг с другом на том же языке, на котором автор говорит с читателем, не нарушается и не становится предметом критического размышления.

Литература

- Adler 2003 – *Adler E.* Vergil's empire. Political thought in the Aeneid. Lanham; Boulder; N. Y.; Oxford: Rowman & Littlefield, 2003. 350 p.
- Fletcher 2014 – *Fletcher K.F.B.* Finding Italy. Travel, nation and colonization in Vergil's Aeneid. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2014. 280 p.
- Seider 2013 – *Seider A.M.* Memory in Vergil's Aeneid. Creating the past. Cambridge: University Printing House, 2013. 230 p.
- Stahl 1990 – *Stahl H.P.* The death of Turnus. Augustan Vergil and the political rival // Between republic and empire. Interpretations of Augustus and his principate / Ed. by K.A. Raafaub, M. Toher. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1990. P. 174–211.
- Syed 2005 – *Syed Ya.* Vergil's Aeneid and the Roman self. Subject and nation in literary discourse. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2005. 277 p.
- Austin 1964 – *Austin R.G. P.* Commentary // Vergili Maronis Aeneidos liber secundus. Oxford, 1964. 311 p.
- Weeda 2015 – *Weeda L.* Vergil's political commentary in the Eclogues, Georgics and Aeneid. Warsaw; Berlin: De Gruyter Open Ltd, 2015. 175 p.
- West 2009 – *West D.* The end and the meaning Aeneid 12.791–842 // Vergil's Aeneid. Augustan epic and political context / Ed. by H.-P. Stahl. Swansea: The Classical Press of Wales, 2009. P. 303–318.

References

- Adler, E. (2003), *Vergil's empire. Political thought in the Aeneid*, Rowman & Littlefield, Lanham, Boulder, New York, USA, Oxford, UK.
- Fletcher, K.F.B. (2014), *Finding Italy. Travel, nation and colonization in Vergil's Aeneid*, The University of Michigan Press, Ann Arbor, USA.
- Seider, A.M. (2013), *Memory in Vergil's Aeneid. Creating the past*, University Printing House, Cambridge, UK.
- Stahl, H.P. (1990), "The death of Turnus. Augustan Vergil and the political rival", in Raaflaub, K.A. and Toher, M., eds., *Between republic and empire. Interpretations of Augustus and his principate*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, USA, Oxford, United Kingdom, pp. 174–211.
- Syed, Ya. (2005), *Vergil's Aeneid and the Roman self. Subject and nation in literary discourse*, The University of Michigan Press, Ann Arbor, USA.
- Austin, R.G. (1964), "Commentary", in Vergili Maronis Publius, *Aeneidos liber secundus*, Clarendon Press, Oxford, UK.
- Weeda, L. (2015), *Vergil's political commentary in the Eclogues, Georgics and Aeneid*, De Gruyter Open Ltd, Warsaw, Poland, Berlin, Germany.
- West, D. (2009), "The end and the meaning Aeneid 12.791–842", in Stahl, H.-P., ed., *Vergil's Aeneid. Augustan epic and political context*, The Classical Press of Wales, Swansea, UK, pp. 303–318.

Информация об авторе

Алексей Е. Беликов, кандидат филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51,

Национальный исследовательский университет «Московский физико-технический институт», Долгопрудный, Московская обл., Россия; 141701, Россия, Московская обл., Долгопрудный, Первомайская ул., д. 3; belikov.smu@gmail.com

Information about the author

Aleksei E. Belikov, Cand. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 119991, Russia, Moscow, bldg. 51, bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia;

Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Moscow Region, Russia; 3, Pervomayskaya St., Dolgoprudny, Moscow Region, Russia, 141701; belikov.smu@gmail.com

Феномен самозванчества:
трансцендентная легитимность власти
в политическом модерне

Клаудио Ингерфлом

*Национальный центр научных исследований, Париж, Франция;
Национальный университет Сан-Мартин, Сан-Мартин, Аргентина,
claudio.ingerflom@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается теоретическая проблема изучения самозванчества как феномена истории, в котором нередко видят только событийную канву, относящуюся к определенному времени. Но самозванчество повторяется, становится хроническим, и потому нуждается в осмыслении не только как событийный феномен, но и как своеобразная константа русской действительности, в которой вместе с «настоящим» сосуществуют так называемые отложения, свидетельствующие о более глубокой природе «прошлого в настоящем». Автор приходит к мысли, что своеобразной константой русской истории была неформализованная власть, изначально утверждавшая свою не правовую (гражданскую) функцию, а трансцендентную. Она определялась как религиозными постулатами, так и политической спецификой самого региона. Феномен самозванчества может быть расширен до пределов истории самого самодержавия. Во всяком случае, предлагаемая модель включения самозванчества в историю самодержавия ставит перед исследователем новый вопрос – о природе законности в неформальной правовой традиции России на протяжении веков.

Ключевые слова: Смута, самозванец, самозванчество, история понятий, Мишель Фуко, история понятий, теории истории, тоталитаризм, фашизм, обычное право, большевизм

Для цитирования: Ингерфлом К. Феномен самозванчества: трансцендентная легитимность власти в политическом модерне // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 30–41. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-30-41

The phenomenon of imposture. Transcendental legitimacy of power in political modernity

Claudio Ingerflom

*French National Centre for Scientific Research, Paris, France;
National University of General San Martín, Buenos Aires, Argentina,
claudio.ingerflom@gmail.com*

Abstract. The article deals with the theoretical problem of studying imposture as a phenomenon of history, which is often seen only as an event frame relating to a certain time. But imposture is recurrent, becomes chronic, and therefore needs to be conceptualized not only as an event phenomenon, but also as a peculiar constant of Russian reality, in which together with the “present” coexist the so-called “sediments”, testifying to the deeper nature of the “past in the present”. The author comes to the idea that a peculiar constant of Russian history was the informalized power, initially asserting its transcendent rather than legal (civil) function. It was determined by both religious postulates and the political specifics of the region itself. The phenomenon of imposture can be extended to the limits of the history of the autocracy itself. In any case, the proposed model of including imposture in the history of the autocracy poses a new question to the researcher – about the nature of legitimacy in the informal legal tradition of Russia throughout the centuries.

Keywords: Distemper, impostor, imposture, history of concepts, theories of history, totalitarianism, fascism, customary law

For citation: Ingerflom, C. (2024), “The phenomenon of imposture. Transcendental legitimacy of power in political modernity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 30–41, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-30-41

Самозванчество в России не всегда было проявлением сопротивления самодержавию. Неверно и то, что это сопротивление часто принимало форму самозванчества. Мишель Фуко указывал¹ на то, что формы сопротивления обнажают формы

¹ *Foucault M. Dits et écrits. T. 4: 1980–1988. P.: Gallimard, 1994. P. 225.* Фуко вел диалог с В.О. Ключевским, сам того не ведая. Русский историк писал: «Самозванство становилось стереотипной формой русского политического мышления, в которую отливало всякое общественное недовольство» (*Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. С. 333*).

господства. В связи с установлением политического модерна в России, которое произошло благодаря революции 1905 года, классическое самозванчество окончательно перестало быть приоритетной формой сопротивления власти. С одной стороны, речь идет о том, что Рикер называл «социальным временем» события, когда после своего фактического завершения возникает переосмысление случившегося в модусе будущего, – и только так событие прошлого обнажает новое семантическое содержание. С другой стороны, событийные смыслы, которые когда-то были лишь потенциальными, включаются в новое настоящее². Этот процесс затрагивает отношения между временами: речь идет об активном присутствии семантико-временных отложений из прошлого в каждом историческом изменении, каким бы радикальным оно ни казалось³.

Когнитивное напряжение между очевидным и истинным значением

Если спросить любого гражданина, что такое самозванчество, то велика вероятность того, что ответ будет вращаться вокруг обмана, узурпации власти, ее функций. Действительно, если взять, к примеру, знаковый случай с лже-Дмитрием, то *очевидно*, что он воплощал в себе вышеупомянутый ответ. Как объясняет этимология, очевидность – это то, что предстает ясным перед глазами. Но функция историка, как и любого другого исследователя в гуманитарных науках, состоит в том, чтобы превратить якобы очевидное в неочевидное.

В противном случае, когда исследование подчинено очевидности, велик риск прийти к когнитивным искажениям объекта. Приведу пример. Все ученые в нашей области знают труд К.В. Чистова, опубликованный в 1967 г. [Чистов 1967]. В переиздании 2003 г. автор добавил новую главу, один из разделов которой был озаглавлен так: «О термине “самозванчество”». Критикуя трактовки коллег, Чистов противопоставил им «подлинное самозванчество» [Чистов 2003], «точное» определение которого дано в словаре Ушакова (1935–1940): а) «Самозванец – лицо, самовольно или незаконно присвоившее себе чужое имя или

² Ricœur P. Temps et récit. P.: Seuil, 1985. Т. 3: Le temps raconté. Note 29. P. 398.

³ Koselleck R. Zeitschichten [1995] // Koselleck R. Zeitschichten. Studien zur Historik. Frankfurt a/M., 2000.

титул, выдающее себя за другое лицо» или б) «Эпитет лица, присвоившего себе имя царя или кого-либо из членов царского дома в борьбе за политическую власть»⁴. Опираясь на словарь Ушакова, Чистов передает тот смысл, который хотели придать термину «самозванчество» имперские и советские политические власти. Но, как известно, закон и его кодификация – это не истина, а всегда выражение интересов, причем исторически обусловленных. Если учитывать не только официальные юридические документы, но и социально-политическую реальность, а также повседневный язык, то значение термина становится гораздо шире и не ограничивается сферой утопического мышления. Действительно, мы знаем, что когда составлялись уголовные кодексы, самозванчество понималось в гораздо более широком смысле. Дело не только в народном дискурсе: «точное» определение «подлинного» самозванца, отстаиваемое Чистовым, не соответствует тому значению, которое приписывается этому слову в источниках с момента его появления в XVII веке. Так, самая ранняя из известных мне записей, во «Временнике» Ивана Тимофеева, объединяет лже-Дмитрия, Годунова и Шуйского под одним и тем же обвинением в самозванчестве, хотя последние двое не выдавали себя за других людей.

Анализ источников показывает, что, кроме словарных значений, существуют и другие смысловые элементы, которые могут быть выявлены благодаря герменевтической работе. Речь идет о том, что с момента появления слова «самозванец» оно обозначает человека, который зван на власть не Богом, а самим собой или приближенными.

⁴ Знакомство с российскими уголовными кодексами показывает, что Ушаков воспринял формулировки и определения раздела IX, главы II Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845) и ряда статей, таких как 1415 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (изд. 1885), 134 Уголовного уложения (1903) и, в некоторой степени, из статей 91 и 77 Уголовного кодекса РСФСР (1922 и 1926), соответственно. Эти статьи были взяты для определения состава преступления самозванства в статье 194 Уголовного кодекса РСФСР (1971). См.: *Маятников П.Н., Муравьев Н.К.* Законы о политических и общественных преступлениях: Практический комментарий / Сост. Н.Н. Полянский, А.Ю. Рапопорт, И.С. Урысон. СПб.: Изд. юр. кн. скл. «Право», 1910. С. 101–102, 162–163; *Koselleck R.* Krise // *Geschichtliche Historisches Lexicon zur politisch-sozialen*: in 8 vols / Hrsg O. Brunner, W. Konze, R. Koselleck. Vol. 3. Stuttgart: Klett-Cotta, 1982. P. 617–651.

Активное присутствие прошлого в настоящем

Когда интерпретация останавливается на очевидном и, по существу, им и ограничивается, она упускает возможность понять историчность объекта. Историчность заключается в прерывании оригинальных событий, вызванных повторением предыдущих структур. Приведу пример: когда я пишу эти строки и когда вы, уважаемый/ая читатель/ница, читаете их, мы с вами осуществляем новое взаимодействие, которое может быть повторено, но никогда не воспроизводится идентичным образом. Но в свою очередь этот факт смыслового взаимодействия порождается повторением языковой структуры – русского языка, на котором мы с вами общаемся⁵. В этом и заключается специфика историчности⁶. Исторические структуры не состоят из одного «куска», а складываются из разных элементов, каждый из которых обладает своей особой темпоральностью, чем-то вроде собственной биографии. Некоторые из них старше, более изношены и имеют тенденцию к исчезновению, другие – более поздние и все еще активны. Возьмем, к примеру, 1789 год. Феодалные права и большое количество привилегий были отменены в ночь на 4 августа. Но другие факторы, такие как политические требования либерализма, демократия, государство, свобода и равенство, превратились в отложения, практическая реализация которых либо достигалась постепенно на протяжении более чем столетия, либо до сих пор остаются актуальными, как, например, расширение политической демократии в сторону демократии социальной. Эти отложения, оставаясь актуальными, функционировали и продолжают функционировать как активные факторы реальности.

Такая интерпретация отношений между тремя временами – прошлым, настоящим и будущим, то есть теория истории, которую от Дройзена до Козеллека называли по-немецки *Historik*, подтверждается на примере самозванчества. После «роя претендентов», который казацкие войска с XV по начало XVII в. бросили на завоевание молдавского престола, явление самозванчества переместилось в Московское государство, где оно ознаменовалось феерическим успехом первого лже-Дмитрия⁷. Его эпопея создала многовековой феномен, который русские назвали самозванчеством, претенду-

⁵ Koselleck R. Wiederholungsstrukturen in Sprache und Geschichte // Koselleck R. Vom Sinn und Unsinn der Geschichte. Berlin: Suhrkamp, 2010.

⁶ Ricoeur P., Castoriadis C. Dialogue sur l'histoire et l'imaginaire social. P.: Éditions de l'École des Hautes Études en Sciences Sociales, 2016. P. 58.

⁷ Iorga N. Histoire des Roumains et de la Romanité orientale. Bucarest: Academia Romana, 1940. Vol. 5. P. 111–128.

ющим на высшее титульное достоинство базилевса. По словам В.О. Ключевского, возникла «хроническая болезнь русского государства»⁸. Очевидно, что эта «болезнь» – симптом определенного представления о легитимности высшей политической власти⁹. Вопрос – симптомом чего было самозванчество, если в средневековой России не было никакого юридического понимания законности политической власти?

Повторяющееся на протяжении веков самозванчество Ключевский назвал «хроническим»: это то, что, вслед за Козеллеком, мы называем «отложением».

Как и в геологии, отложения в истории, отнюдь не являясь очевидными, не всегда заметны. Точно так же, как и землетрясения являются результатом столкновения геологических пластов. Конфликты, подобные тем, что возникают, когда «появляется»¹⁰ самозванец, открывают брешь, через которую можно наблюдать «отложения», и в данном случае это сам критерий легитимности. Конфликтные ситуации и наличие в них древних временных отложений не являются монополией российской истории. Прояснение неочевидного модуса российского самозванчества приводит к рассуждениям о теоретических предпосылках и методологических процедурах, выходящих за пределы российской истории.

Трансцендентная легитимность политической власти

Труды Б.А. Успенского стали научным прорывом в понимании самозванчества, они обозначили переломный момент в исследовании темы [Успенский 1982]. Следуя по его стопам, я рассматривал генеалогию слова и то, как оно трансформировалось в понятие¹¹.

⁸ *Ключевский В.О.* Сочинения: В 8 т. М.: Госполитиздат, 1956–1959. Т. 3. С. 27.

⁹ *Koselleck R.* Krise... P. 617–651.

¹⁰ «Когда появлялась подобная личность <самозванец>, народ употреблял даже для этого известное подходящее выражение, что вот-де, «*проявился* такой-то», и личности эти он называл «*явленными*», как он привык выражаться о явлении чудотворных икон или мощей угодников» (*Мордовцев Д.Л.* Один из Лже-Константинов // Отечественные записки. 1869. № 10. С. 432).

¹¹ *Ingerflom C.* Towards a conceptual-historical critique of the essentialist and teleological interpretations of Russian history. Part 1 // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11. No. 2. P. 677–702; No. 3. P. 1075–1098.

Ограничусь кратким изложением первоначального значения, приписываемого термину «самозванец»: это человек не по божьему произволению есть высшая власть, а только по своему хотению. Таким образом, с начала XVII в. «явление» каждого самозванного претендента на царский трон неоднократно подтверждало общественный консенсус относительно религиозного характера критерия легитимности – самой высшей власти и ее представителя.

Это коллективное согласие не означает, что институализированная религия, то есть церковь, держит в своих руках реальную власть, но она ее сопровождает и использует, с необходимыми предосторожностями и внешним уважением.

«Потусторонность» земной, социальной и политической жизни не ограничивается религией в строгом смысле. Это явление более широкое, поскольку религиозный критерий политической легитимности – это прежде всего *трансцендентный* критерий, т. е. недоступный человеческому вмешательству. Какой другой критерий имела легитимность советской власти, утверждавшая марксистско-ленинские «законы» истории, кроме трансцендентного? Трансцендентность самозванчества – это древнее семантико-временное отложение, которое сохранило свое действие и после 1917 г.

Испанский фашизм

Как мы видим, трансцендентность может определять критерий политической легитимности не только как исключительно религиозный ориентир. Представляет интерес повторяемость исторических структур и их роль в производстве оригинальных событий, то есть понимание того, как современные «отложения» становятся функциональными и конститутивными для порядка, внедренного в современный мир. Фашизм в его испанской версии, то есть франкизм, является классическим примером этой процедуры, которая заключалась в обращении к прошлому путем *изобретения национальной сущности* – по преимуществу внеисторической категории – для основания и легитимации нового юридико-политического порядка. Обе операции были сформулированы на основе а) идеи «Испаноязычного мира», кристаллизованной в выражении “Hispanidad”; б) формулы «Священной войны» 1936–1939 гг., задуманной как «Крестовый поход». Это две составляющие линии нового порядка, пересекающиеся с реакционным отказом перевернуть страницу бывшей испанской империи, с антимодернистской и антилиберальной идеологией и архаичными ценностями национал-католицизма.

*Концентрат эссенциализма:
миф об «Испаноязычном мире»*

Испаноязычные американские страны завоевали свою независимость в первой половине XIX в., но в глазах недовольного испанского национализма они оставались продолжением испанской идентичности. В 1926 г. испанский священник Закариас де Вискаarra предложил заменить название *Fiesta de la Raza* (Фестиваль расы), связанное с празднованием дня прибытия Колумба на американский берег, на *Día de la Hispanidad* (Фестиваль Испаноязычного мира). В то время как слово «раса» несвободно от дискриминации по отношению к многонациональным американским странам, формула «Испаноязычный мир» избегала расистского прочтения, обозначая содружество испаноязычных стран и общее духовное наследие. Однако он утверждал, что эти страны были историческим продуктом испанской евангелизации, а их прискорбная независимость стала результатом либеральной секуляризации. «Испаноязычный мир» насаждал реакционную националистическую жажду реконкисты (возвращения), поддерживаемую универсальной проекцией национал-католицизма этих стран. Как будто прошлое не было колониальным, имперская ностальгия, присутствующая в понятии «Испаноязычный мир», содержала концепцию отношений, которые Испания сплела в прошлом с народами по другую сторону Атлантики как щедрая цивилизаторская евангелизация. «Америка – это наше произведение; эта работа, по сути, является работой католицизма. Поэтому между расой или испаноязычностью и католицизмом существуют отношения равенства»¹². Миф об «Испаноязычном мире» включал в себя мысль о единстве империи и католической монархии, ориентируясь на то, чтобы вернуть себе роль духовного проводника и интегратора содружества упомянутых стран. В то же время этот миф был направлен на то, чтобы затормозить перспективу перехода всех этих стран под опеку Соединенных Штатов. Но и в самой Испании миф выполнял двойную внутреннюю функцию: смягчал обиду за утраченную империю, а его националистический потенциал легитимизировал новый фашистский порядок. Национализм как «эссенциалистский вирус»¹³ режима Франко.

¹² *Gomá T. Apología de la Hispanidad // Acción Española. 1934. Vol. 11. No. 64–65. P. 193–230, цит. по: Marcilhacy D. La Hispanidad bajo el franquismo. Madrid, 2014. P. 6.*

¹³ Цит. по: *Imaginar España durante el franquismo / Sous la direction X.M. Núñez Seixas, S. Michonneau. Madrid: Casa de Velázquez, 2014. P. 1.*

Франкизм опирался на прошлое, чтобы создать эссенциализм, на котором основывалась его легитимность. Восстание под руководством Франко и гражданская война проходили во имя Креста и той воображаемой вечной Испании, которая после Республики возрождалась вдвойне. События 1936–1939 гг. были возобновлением эпопеи 1492 г. – завоевание и колонизация Америки – это с одной стороны, а с другой – это восстановление «смежности между государством и церковью, олицетворяя национал-католическое измерение режима»¹⁴.

*«Крестовый поход»: «священная война»,
узаконившая фашистский порядок*

В одной из своих последних книг испанский философ и историк Хосе Луис Вильяканьяс Берланга анализирует стремление Франко превратить себя из кондотьера в нового и долговечного принца. Идеалом испаноязычного человека для Франко был идальго, который, как резюмировал Вильяканьяс, характеризовался «трезвыми моральными и религиозными добродетелями, мистицизмом, мужеством и чувством чести». Самым интересным было имперское состояние этой касты, ее желание завоевывать и «оплодотворять» народы за географическими рамками Испании, со стремлением сохранить испанское влияние над Испанской Америкой¹⁵. Это оправдывало «тотальную войну, в которую включился Франко, потому что эта война стала бы горнилом, которое вновь обобщило бы тип идальго»¹⁶. Для ранних теоретиков «Испаноязычного мира», таких как Рамиро де Маэсту и Вальехо-Нагера, «духовные и расовые ценности» и другие связанные с ними идеи «были полностью совместимы с католической верой. Таким образом, защищалась семья, понимаемая как естественная форма жизни. Поскольку семья была частью естественного права, евгеника также проскользнула в эту дверь, и таким образом было показано, что темная наука социальной гигиены сходится с католической доктриной, и была предложена основа для христианизации общества таким образом, который не был несовместим с тоталитарным государством»¹⁷.

¹⁴ *Di Febo G.* Ritos de guerra y de victoria en la España franquista. Valencia: PUV, 2012. P. 35.

¹⁵ *Villacañas Berlanga L.* La Revolución pasiva de Franco. HarperCollins Ibérica, 2022. P. 48.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Ibid.*

Католическая церковь была представлена как неотделимая от национального сознания. Особое место в идеологической системе Франко отводилось преемственности терминологии, связанной с формулой «Крестовый поход» (*Cruzada*). В Основных законах Королевства Испания, утвержденных в 1967 г., установлено, что «главой государства является Каудильо Испании и Крестового похода, генералиссимус военных сил дон Франсиско Франко». Таким образом, выражение «Крестовый поход», которое двадцатью годами ранее уже определяло «Священную войну» против Республики, было снова взято на вооружение. Об использовании термина «Крестовый поход» в качестве легитимирующего ресурса и генератора дискриминационных моделей врага, оправдывающих насилие вплоть до истребления, написано немало. Недавно историк Пабло Санчес де Леон показал, что Крестовый поход, неоднократно присутствовавший в законодательстве на протяжении всего франкистского периода, также выступал в качестве «эталона закона, а значит, и *основателя порядка*», то есть Священная война как основатель и легитиматор правового режима, призванного регулировать жизнь не только побежденных, но и победителей¹⁸. Средневековые крестовые походы породили целые библиотеки текстов, изучающих религиозный характер и насилие, которые эти священные войны развязали в современном мире. Однако риторический и средневековый призыв к мобилизации, с которым фашизм обозначил гражданскую войну в Испании как Крестовый поход и Священную войну, прошел через «социальное время» Рикёра, чтобы раскрыть сегодня, в современном мире, смыслы, которые не сводятся к риторическому «во имя Креста».

«Священные войны» – актуальное явление сегодня; вспомним терроризм и конфликты во имя религиозного фундаментализма, они происходят в мире, пропитанном секулярными, то есть современными ценностями, в мире, в котором изгнание Бога из полиса, по Макиавелли, уже прошло долгий путь в пять веков, даже если не все страны отделили Церковь от государства.

Повторяемость структур и фактическая инновация, или Несовременность в современности

Что стоит на кону в актуализации выражения «Священная война»? Что оно обозначает в условиях политического модерна? Испанский пример может внести ясность, если мы зададимся во-

¹⁸ *Sánchez Leon P.* Destitución de ciudadanía: la dimensión jurídica de la Cruzada de 1936. 2022. 21 Apr.

просом об одновременности старого мира в виде архаичных семейных ценностей национал-католицизма, ностальгии по имперскому и мистифицированному прошлому, мук идентичности перед лицом особых идентичностей (каталонской, баскской, галисийской и других), синтезированных в Священной войне с современностью (Республиканский и демократический режим в Испании 1930-х гг.). Правда, республиканский и демократический режим был свергнут. Но, помимо языка, то, что последовало за этим, не было простым возвращением в Средневековье. Интерес испанского случая заключается в том, что инициаторы этого опыта одержали победу и довели его до конечных последствий, прикрываясь национально-религиозной сущностью и вновь возводя старую историческую структуру, основанную на трансцендентной легитимности власти.

Идеологические основы национального католицизма оправдывали цель Священной войны: не только победить врага, но и уничтожить его, потому что он является «абсолютным врагом»: «то есть субъектом, само существование которого ставит под сомнение *трансцендентальные* ценности» той группы, которая определяется этими ценностями. Следовательно, это враг, который глубоко затрагивает коллективную идентичность тех, кто чувствует угрозу из-за его существования, поэтому насилие, которое Священная война развязывает, направлено не только на победу, но и на уничтожение¹⁹. Для этого священная война должна была быть растянута во времени символически в виде крестового похода. Но не только уничтожение врага было целью: построение нового политического порядка, предполагающего «удаление гражданства» в современной политике, то есть удаление политической сферы, автономной от религии, – это именно то, чего добивались тоже.

Насилие и новый порядок неразделимы. Одно не может существовать без другого.

Русское самозванчество было симптомом самодержавия. Без второго у первого не было причин для существования. Самозванчество обнажало архаичную историческую основу самодержавного господства: власть – это эманация потустороннего мира, это вне социального праксиса. Власть само-легитимирующая себя в трансцендентной инстанции – по природе своей самозванная. Дело не в отдельных самозванцах, а в сущности самой политической власти: что и было зафиксировано в документах эпохи, когда, во имя народного представительства, то есть *имманентности*, крестьяне отказывали в легитимности молодой советской власти, руководствующейся большевистской идеологией.

¹⁹ Ibid.

Литература

- Чистов 1967 – *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 339 с.
- Чистов 2003 – *Чистов К.В.* Русская народная утопия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 546 с.
- Успенский 1982 – *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: Самозванчество в России как историко-культурный феномен // *Художественный язык Средневековья*. М.: Наука, 1982. С. 201–235.

References

- Chistov, K. (1967), *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk socio-utopian legends of the 17th–19th centuries], Nauka, Moscow, Russia.
- Chistov, K. (2003), *Russkaya narodnaya utopiya* [Russian folk utopia], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia.
- Uspenskii, B. (1982), “The tsar and the impostor. Imposture in Russia as a historical and cultural phenomenon”, *Khudozhestvennyi yazyk Srednevekov'ya* [Artistic language of the Middle Ages], Nauka, Moscow, Russia, pp. 201–235.

Информация об авторе

Клаудио Ингерфлом, Национальный центр научных исследований, Париж, Франция; Франция, Париж, б-р де л'Опиталь, д. 47;
Национальный университет Сан-Мартин, Буэнос-Айрес, В1650, Аргентина; Аргентина, Сан-Мартин, провинция Буэнос-Айрес, пр-кт 25 де Майо, д. 1169; claudio.ingerfлом@gmail.com
ORCID 0000-0003-4162-285

Information about the author

Claudio Ingerfлом, French National Centre for Scientific Research, Paris, France; 47, Boulevard de l'Hôpital, Paris, France;
National University of General San Martín, Buenos Aires, Argentina; 1169, 25 de Mayo Av., San Martín, Province of Buenos Aires, Argentina, B1650; claudio.ingerfлом@gmail.com
ORCID 0000-0003-4162-285

УДК 94(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-42-65

Граф Платон Иванович Мусин-Пушкин:
судьба вельможи «эпохи дворцовых переворотов»
(культурологический аспект)

Игорь В. Курукин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kurukin@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена жизненному пути не самого знаменитого из «птенцов» Петра I – графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина (1698–1742). Благодаря изъятым после его ареста документам можно восстановить извилистую биографию человека «второго плана». Мусин-Пушкин, несмотря на аристократическое происхождение, вполне вписался в петровское общество: получил заграничное образование, состоял в гвардии, пробовал себя на дипломатической службе, в целом успешно работал провинциальным губернатором и чиновником центрального аппарата. В «политику» с ее интригами и «партиями» граф не стремился, но на излете царствования суровой Анны Иоанновны попал под следствие, завершившееся смертным приговором и конфискацией имущества с последующей заменой казни ссылкой в Соловецкий монастырь. Следственные материалы демонстрируют нестабильность в высших эшелонах общества, когда даже лояльные функционеры в одночасье теряли карьеру, имущество, а иногда и жизнь.

Ключевые слова: Петр I, П.И. Мусин-Пушкин, А.П. Волынский, Анна Иоанновна

Для цитирования: Курукин И.В. Граф Платон Иванович Мусин-Пушкин: судьба вельможи «эпохи дворцовых переворотов» (культурологический аспект) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2024. № 9. С. 42–65. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-42-65

© Курукин И.В., 2024

Count Platon Ivanovich Musin-Pushkin.
The fate of a nobleman of the “palace coups epoch”
(cultural aspect)

Igor V. Kurukin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kurukin@mail.ru*

Abstract. The article is about the life path of not the most famous of the “fledglings” of Peter the Great – Count Platon Ivanovich Musin-Pushkin (1698–1742). Thanks to the documents seized after his arrest, it is possible to restore the tortuous biography of a man of the “second plan”. Musin-Pushkin, despite his aristocratic origin, completely fit into Peter’s society: he was educated abroad, served in the guard, tried his hand at the diplomatic service, and generally successfully worked as a provincial governor and an official of the central apparatus. The count did not seek “politics” with its intrigues and “parties”, but at the end of the reign of the stern Anna Ioannovna he came under investigation, which ended with a death sentence and confiscation of property, followed by the replacement of the execution by exile to the Solovetsky monastery. Investigative materials demonstrate instability in the upper echelons of society, when even loyal functionaries lost their careers, property, and sometimes their lives overnight.

Keywords: Peter I, P.I. Musin-Pushkin, A.P. Volynsky, Anna Ioannovna

For citation: Kurukin, I.V. (2024), “Count Platon Ivanovich Musin-Pushkin. The fate of the nobleman of the ‘palace coups epoch’ (cultural aspect)”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 42–65, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-42-65

Родившийся в 1698 г. сын графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина начал жизненный путь с учебы за границей. В январе 1711 г. Платон и его младший брат Аполлос стали студентами университета в Галле, но до того успев поучиться в гимназии Бреслау [Андреев 2005, с. 123, 362]. Затем последовало путешествие по Европе, что еще не скоро стало обычным делом для знатного юноши XVIII столетия.

По возвращении Платон был зачислен в гвардейский Преображенский полк, что уже было традицией-привилегией отпрысков знатных семейств. Строевой службой «недоросль» не занимался – Петр I, в шутку называвший его «племянником», использовал его «на посылках». Молодой гвардеец носился по Европе: в Пирмонт на «воды», в Гамбург, Кельн, голландские города, Париж, Копен-

гаген, Берлин, Кассель. Перебрасывая своих «птенцов» с военного на гражданское поприще, на флот, за границу, на следствие о хищениях, царь отбирал наиболее хватких и на все способных помощников. Но дипломатом граф так и не стал, да и не очень хотел – не раз просил, «дабы меня отсюда паки в отечество мое взяли». Государь, хорошо разбиравшийся в людях, видимо, понял это и больше Мусина-Пушкина за границу не посылал.

Царь по-прежнему благоволил к «племяннику» – в сентябре 1721 г. стал посаженным отцом на его свадьбе с Марфой Черкасской, состоявшейся вскоре после смерти первой жены Марии Ржевской. Отныне гвардеец Мусин-Пушкин нес не слишком обременительную службу при герцоге Голштинском, сопровождал его на балы и прочие увеселения с обильными возлияниями. Но «молодой граф Пушкин» проявлял воздержанность, удивлявшую его немецких подопечных. На петровских празднествах он не напивался, а притворялся пьяным, «чтоб не пить более и смотреть на дурачества других»¹.

Светские обязанности Платон Мусин-Пушкин исполнял до конца царствования Петра I. После смерти государя он получил повышение – стал в 1725 г. капитан-поручиком гвардии. «Сверхкомплектный» офицер был отправлен в помощь отцу, исполнявшему обязанности московского градоначальника, и «перечислен» в статские советники. Для бывшего царского курьера-дипломата настала пора административной рутины. Он контролировал золочение иконостаса в церкви Петра и Павла, описывал товары прибывшего в Москву казенного китайского каравана и отчитывался об их продаже. В марте 1726 г. он безрезультатно просил о пожаловании в действительные статские советники; в июле с тем же успехом просился в годовой отпуск к своим «разоренным имениям»².

Наконец, о Мусиных-Пушкиных вспомнила Екатерина I. Им предстояло выполнить важное задание – организовать выпуск 2 млн медных пятаков (они чеканились на 40 руб. из пуда меди при рыночной цене 8–10 руб. за пуд). Указом от 7 марта 1727 г. императрица подчинила денежные дворы новому учреждению – Монетной конторе. «Первым членом» конторы был утвержден московский губернатор А.Л. Плещеев, а В.Н. Татищев и П.А. Мусин-Пушкин вместе с отцом вошли в ее состав в сентябре [Юхт 1985, с. 195]. Татищев с Плещеевым ладил, но отношения с Мусиными-Пушкиными у него не складывались. Однако, несмотря на разногласия,

¹ *Фоккеродт И.-Г., Берхгольц Ф.-В.* Неистовый реформатор. М., 2000. С. 183.

² РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 78. Л. 450, 497.

работа шла: в октябре 1727 г. Иван Алексеевич доложил Верховному тайному совету об изготовлении монет на сумму 1 919 500 руб.³

В феврале 1728 г. при коронации Петра II Платон получил генеральский чин действительного статского советника. Спокойная служба была прервана неожиданными событиями во время междоусобия после смерти юного императора в январе 1730 г. Вместе с другими дворянами Епафродит и Платон Мусины-Пушкины вместе с отцом выслушали оглашённые в Кремле 2 февраля 1730 г. «кондиции» и удостоверили ознакомление своими подписями.

Едва ли Мусины-Пушкины, как и другие представители знатного «шляхетства», одобряли всевластие Верховного тайного совета, где заправляли фамилии Голицыных и Долгоруковых. Другое дело, насколько серьезно семья разделяла «конституционные» идеи. Однако они вовремя сориентировались: 25 февраля братья оказались во дворце и подписали прошение о восстановлении самодержавия, правда, наград при коронационных торжествах не получили.

Новая императрица отсылала подальше замеченных в подозрительной активности представителей генералитета. Дошла очередь и до Мусина-Пушкина: 18 декабря 1730 г. именным указом он был назначен губернатором в Смоленск, а 31 декабря 1731 г. отправлен еще дальше – в Казань⁴. Начались годы рутинной службы провинциального администратора, ставшей «школой», позволившей ему позднее занять ряд ответственных постов в столице. Но сначала надо было достойно показать себя.

Дело «о правеже штрафа с казанского губернатора из жалования на два месяца за невзыскание табелей о состоянии гарнизона» началось по жалобе Военной коллегии, которая еще в 1731 г. не раз отправляла в Казань указ о присылке соответствующего рапорта. Мусин-Пушкин в феврале 1734 г. оправдывался, что поручение «исправить было невозможно», поскольку комендант в город назначен лишь недавно, а единственный гарнизонный канцелярист был «болен и умре»⁵. Сенаторы сочли объяснение неудовлетворительным и приговорили губернатора к вычету из жалованья, какого он, впрочем, не получал, как и многие другие чиновники того

³ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 гг. / Под ред. Н.Ф. Дубровина // Сборник Русского исторического общества. Т. 69. СПб., 1889. С. 481.

⁴ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве. Т. 2. СПб., 1875. № 3926, 4136.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 399. Л. 610, 613. Требуемый рапорт о состоянии гарнизона граф Платон все же прислал в октябре 1734 г. (см.: Сборник Русского исторического общества. Т. 108. СПб., 1900. С. 430).

времени. Губернаторскую зарплату ему выдали только в 1736 г. уже на новом месте службы и по особому распоряжению Кабинета министров, без которого Сенат сделать это не решился⁶.

В Казани Платон Мусин-Пушкин прослужил четыре с лишним года. За это время умер (в октябре 1733 г.) его брат Епафродит, и его малолетние дети остались на попечение семейства. Но отпускать в столицу младшего власти не торопились; ему по-прежнему приходилось выполнять срочные требования Петербурга: отсылать В.Н. Татищеву грамотных канцеляристов на казенные уральские заводы, определять в службу сосланного за придворные шалости камер-юнкера Ивана Брылкина, вести розыск в казанском цейхгаузе, отправлять к тому же Татищеву 1200 шведских «полоненных» ружей-«фузей». Отчеты об исполнении поступали вовремя, и претензий к губернатору не было⁷.

Процание с Казанью ускорило начавшееся в 1735 г. восстание, вызванное строительством на башкирских землях крепостей и казенных заводов. В этих тревожных условиях нужен был более решительный администратор, чем «статский» Мусин-Пушкин, которого Кабинет решил перевести в Ревель. Именной указ от 21 октября предписывал ему «без всякого замедления» прибыть к новому месту службы⁸. Так с востока империи граф прибыл на ее запад, в недавно присоединенную Эстляндию. Заботы, впрочем, во многом оставались прежними, рапорты о состоянии ревельского гарнизона он представлял вовремя. Вновь пришлось просить о зарплате: Кабинет отправил прошение в Сенат и только в июне 1736 г. назначил Мусину-Пушкину «половинное» (по сравнению с окладом армейского генерал-майора) жалованье, как и другим представителям генералитета на «статских» должностях⁹.

28 апреля 1736 г. Платон Мусин-Пушкин был произведен в тайные советники и вскоре был назначен президентом Коммерц-коллегии, т. е. вошел в состав высшего столичного чиновничества¹⁰. Надо полагать, Анна и ее окружение сумели оценить его

⁶ Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 5415; Сборник Русского исторического общества. Т. 114. Юрьев, 1902. С. 102, 116, 251.

⁷ Сборник Русского исторического общества. Т. 111. Юрьев, 1901. С. 240, 255, 319, 321, 394.

⁸ Там же. С. 412, 417.

⁹ Сборник Русского исторического общества. Т. 114. С. 104, 110, 116, 233, 251; Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1915. № 3790.

¹⁰ Сборник Русского исторического общества. Т. 114. С. 186, 351; Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 5456, 5575.

исполнительность, добросовестность и отсутствие политических амбиций. Но монаршее доверие нужно было оправдать: 7 января 1737 г. граф в числе других лиц «по высочайше утвержденному реестру» был назначен в состав суда над бывшим «верховником» князем Дмитрием Михайловичем Голицыным. Судьи в тот же день приговорили Голицына за превышение должностных полномочий и «богопротивные» идеи к смертной казни, милостиво замененной вечным заключением в Шлиссельбурге¹¹.

Как вел себя граф во время этого процесса, неизвестно, хотя его едва ли могла порадовать расправа с заслуженным и «фамильным» человеком. Зато другие возложенные на него обязанности он выполнял ревностно. 15 мая 1737 г. «под дирекцию» Мусина-Пушкина была передана Канцелярия конфискаций, ведавшая изъятием, хранением и реализацией движимого и недвижимого имущества осужденных по уголовным и политическим делам.

С этого времени в делах и журналах Кабинета постоянно встречаются присланные Мусиным-Пушкиным предложения и доклады по делам подведомственных ему учреждений. Сразу после назначения в Коммерц-коллегию он подал доношение о выдаче денег за привезенный ремень купцу Якову Маслову. Затем последовал доклад о продаже за границу смольчуга (отборной густой смолы). Президент коллегии защищал интересы подчиненных ей предприятий, отстаивая освобождение приписанных к казенным поташным заводам мужиков от посылки на строительство кораблей; заботился об эффективности работы коллегии, для чего даже предложил в августе 1737 г. «убавить» количество ее членов, но включить в ее состав асессора «из купцов, которые в чужих краях бывали и знают иностранные языки»; он настойчиво просил выдать жалованье своим чиновникам. В следующем году он работал в комиссии, решавшей вопрос, оставить ли горные заводы в казенном владении или передать их в частные руки; последнее было признано более эффективным¹².

На службу президент являлся регулярно. В его бумагах можно встретить черновики отчетов, в которых президент подсчитывал, сколько дел «слушано», сколько протоколов подписано, сколько доношений и промеморий отправлено¹³. На каждом заседании через

¹¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 117. Юрьев, 1904. С. 8–10.

¹² Там же. Т. 114. С. 610–611; Т. 117. Юрьев, 1904. С. 84–85, 487–489, 500; Т. 126. Юрьев, 1907. С. 129–130; Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 6627.

¹³ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Л. 52, 53–58.

руки графа и его коллег (Ивана Аленина, Ивана Мелиссино, Ивана Алексеева и секретаря Романа Симонова) проходили десятки дел: о коммерческих спорах иностранных купцов между собой и с российскими партнерами, об условиях продажи казенных товаров, о борьбе с контрабандой (сами купцы доносили на конкурентов), о сборе «домок» с задолжавших казне. Приходилось порой решать и не вполне обычные задачи – например, оценивать качество верблюжьей шерсти¹⁴, искать в Академии наук переводчиков выписанных из Англии «о банкротах, как с ними тамо поступают, прав» (таковых ни в Коммерц-коллегии, ни в Коллегии иностранных дел не нашлось), добывать для той же Академии образцовый российский аршин для «свидетельствования с английским футом»¹⁵. Они же устраивали и «распродажи» «китайских товаров», привезенных из Сибири казенными караванами¹⁶. При этом президент не имел полноты власти даже в рамках своих полномочий – к примеру, Кабинет министров указывал ему, кому именно из купцов надлежит отдать право на реализацию за рубежом принадлежавших казне товаров. Попытки же взыскать с таких агентов недоимки иной раз пресекались «сверху»¹⁷.

Наиболее ревностно Мусин-Пушкин взялся за преобразование Канцелярии конфискации. Очевидно, его и назначили как раз для того, чтобы обеспечить в этом, как говорили в XVIII в., «интересном» (т. е. связанном с переделом собственности) учреждении относительный порядок. Неслучайно именной указ о назначении давал новому начальнику право по своему усмотрению «перемешать» нерадивых и нечистых на руку чиновников любого ранга.

Судя по докладам самого Мусина-Пушкина, персонал канцелярии работал спустя рукава: конфискованные имения порой оставались в руках прежних хозяев; контроля за ними не велось, и продавались они неизвестно кому. Чиновники «утрачивали» ценные вещи из конфискованного имущества или покупали их для себя через подставных лиц под самый конец торгов, когда «знатные купцы» уходили и оставались одни «лапотники»¹⁸. Граф принялся за наведение в канцелярии «добраго порядка», о чем свидетельствуют его донесения Кабинету. Новый «директор» подбирал сотрудни-

¹⁴ РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. № 3048, 3049: Протоколы Коммерц-коллегии за 1739 г.

¹⁵ Материалы для истории императорской Академии наук: В 10 т. Т. 4. СПб., 1887. С. 388, 608.

¹⁶ Сборник Русского исторического общества. Т. 126. С. 425; Т. 130. Юрьев, 1909. С. 16.

¹⁷ Там же. Т. 117. С. 459; Т. 120. Юрьев, 1905. С. 116–119.

¹⁸ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Л. 24–26.

ков: «выбил» к себе секретаря Петра Зеленого (видимо, отличного специалиста, поскольку за него соперничало несколько ведомств) и подал несколько докладов о штате и жалованье. Бригадира С. Грекова, имевшего репутацию человека честного и «подложно не покупавшего» имений, он предложил оставить во главе столичной канцелярии; туда же назначил ассессором майора А. Потемкина (отца фаворита Екатерины II), а в московскую контору конфискации – статского советника П. Сумарокова и ассессора И. Сукина¹⁹.

Мусин-Пушкин сам провел следствие о «непорядочных делах» подчиненных, по итогам которого в августе и октябре 1737 г. подал в Кабинет доклады о злоупотреблениях советников Ю. Голенищева-Кутузова и И. Кохиуса, ассессора Глазунова, секретаря Бушуева, обер-кригскомиссара Сухово-Кобылина²⁰. Он настоял на привлечении к суду бывшего комиссара Канцелярии конфискации Г. Языкова и на взыскании штрафа за «подложную» продажу деревни генералу В.Я. Левашову. В ноябре 1739 г. Платон Иванович представил Кабинету доклад о провинциальных чиновниках, кои по-тихому сумели распорядиться отписными деревнями и доходы с них собирали «себе»²¹. Новый начальник поднял прежние дела купцов Р. Чиркина, Г. Ковылина и других, в том числе «винных подрядчиков» М. Бронницкого «с товарищи», с которых предложил потребовать недоплаченное казне с 1718 г. Купцы пытались уменьшить размеры недоимок. В конце концов недостающие суммы граф решил взыскать с виновных Голенищева-Кутузова и Кохиуса, предоставив им самостоятельно разделяться с неисправными должниками²².

На Канцелярии конфискации лежала также обязанность взыскивать недоимки по налогам, что в условиях войны с турками и финансового дефицита делало работу Мусина-Пушкина крайне важной для правительства Анны Иоанновны. Периодически он подавал доношения о «доимках», которые ему предписывалось «править», и рапорты о «собранной денежной казне»²³. Полученные средства тут же передавались Военной коллегии или Артил-

¹⁹ Сборник Русского исторического общества. Т. 117. С. 305, 313–315; Т. 120. С. 35, 55, 63, 133, 142, 143, 160.

²⁰ Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Т. 3. Ч. 1. № 5169, 5406.

²¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 130. С. 537.

²² Там же. Т. 117. С. 653, 737, 757; Т. 120. С. 250–253, 339, 340, 360; Т. 130. С. 151.

²³ Там же. Т. 117. С. 529; Т. 120. С. 417, 474; Т. 130. С. 76, 77; РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Л. 36–48.

лерийской конторе на экстренные расходы, после чего необходимо было проводить «счеты» с этими учреждениями²⁴.

Не все предложенные графом меры осуществлялись; тогда он делал Кабинету запросы (например, с кого и каким образом надлежит взysкивать недоимки по судебным пошлинам начиная с 1719 г.), требовал разрешить взимать казенные долги с важных «персон» и настаивал на скорейшем определении в подведомственную ему канцелярию «комиссаров» и «приемщиков», без которых, писал он в июле 1738 г., «конфискованным имениям продажи и поныне не имеется». Однако нужных чиновников за несколько месяцев не сумели найти. Упорный граф бомбардировал Сенат и Кабинет справками, в которых указывал количество отправленных им «доношений», на которые не получил ответа²⁵.

Он был администратором усердным, но не слишком суровым. Составленная в 1742 г. ведомость о доходах Канцелярии конфискации за предыдущие годы показывает, что сборы ведомства Мусина-Пушкина не росли, а падали: в 1736 г. государство получило от него 27 563 руб. 35 коп., в 1737-м – 17 690 руб. 20 коп., в 1738-м – только 9406 руб. 93 коп., в 1739-м – 18 547 руб. 80 коп. Зато выросли сборы недоимок – в 1738 г. они составили 38 466 руб.²⁶

Протоколы Канцелярии конфискации показывают ее вполне рутинную деятельность по «штрафованию» нерадивых воевод и чиновников, взysканиям с недобросовестных или прогоревших подрядчиков казны, выявлению «похищений» государственных средств, взиманию недоимок. Дела о конфискациях в царствование Анны показывают, что имения и дворы отбирались не у «патриотов», а за невыполнение подрядных обязательств по отношению к казне, долги по векселям, «похищение казны». Трудно причислить к жертвам «бироновщины», например, московского «канонира» Петра Семенова, продававшего «налево» гарнизонные пушки, или разбойничавшего на Муромской дороге помещика Ивана Чиркова²⁷.

²⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. 120. С. 303, 304, 432, 473–475; Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Т. 3. Ч. 1. № 5. С. 414.

²⁵ Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Т. 3. Ч. 1. № 5277; Сборник Русского исторического общества. Т. 117. С. 486; Т. 120. С. 271; Т. 124. Юрьев, 1906. С. 75, 409–411; Т. 126. С. 308, 413–416; Т. 138. Юрьев, 1912. С. 21.

²⁶ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Д. 12960. Л. 5 об., 38 об. – 49.

²⁷ Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35293. Л. 7 об; Д. 51926. Л. 8; Ф. 248. Оп. 5. Д. 234. Л. 599–604, 896–913: Списки конфискованных имений с указанием причин конфискации.

Новый начальник стремился сделать работу ведомства более эффективной и прозрачной. Он поставил вопрос, как определять цену продаваемых имений – по предполагаемому доходу с них или по оценке на торгах; установил новый порядок учета конфискованного добра и правила продажи серебряной посуды (золотые и серебряные монеты указал сразу передавать в Монетную контору – очевидно, во избежание соблазна для подчиненных)²⁸; требовал от персонала обязательной публикации известий о предстоящих распродажах «отписных пожитков» и предложил тем, кому стало известно о покупке конфискованного имущества служащими канцелярии, «объявить» об этом за вознаграждение²⁹.

Верховная власть оценила работоспособность и активность Платона Ивановича. 21 мая 1739 г. он стал сенатором, а 9 ноября был назначен руководить Коллегией экономии синодального ведомства, обеспечивавшей поступление в казну доли доходов от церковных и монастырских имений. Ознакомившись с делами, Мусин-Пушкин, как и в Канцелярии конфискации, заменил чиновников и определил размеры недоимки с архиерейских домов в 100 000 руб., о чем доложил императрице 4 января 1740 г.³⁰ 6 марта он представил Анне Иоанновне новый доклад, где обвинил духовенство в корыстолюбии, из-за которого на «заопределенных» вотчинах накопились недоимки, и предложил передать эти владения в распоряжение Коллегии экономии, чтобы она не только ведала управлением и сбором доходов, но и вела в них хозяйство. Параллельно он успел выяснить, какие именно синодальные села были ранее отданы приятелю Петра II Ивану Долгорукову, предоставил сведения о доходах и расходах архиерейских дворов и выяснил размеры недоимки с Новоиерусалимского монастыря; в качестве члена «комиссии для размножения конских заводов» предложил Кабинету собрать на казенные заводы породистых кобыл с синодальной области, епархиальных и монастырских владений³¹.

Перегруженный массой дел, Мусин-Пушкин находил время регулярно заседать в Сенате, о чем свидетельствуют его подписи под

²⁸ Андреевский И.Е. Канцелярия конфискации 1729–1780 // Русская старина. 1881. № 6. С. 178; Сборник Русского исторического общества. Т. 117. С. 411, 582, 609, 697; Т. 120. С. 408, 491; Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 6552.

²⁹ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.

³⁰ Там же. Л. 88.

³¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 130. С. 469, 470; Т. 138. С. 9, 73, 182.

протоколами и решениями по запутанным судебным делам³². Но зато на заседаниях Коллегии экономии, где обсуждалась обычная текучка, он появлялся нечасто, оставляя вместо себя родственника, который подписывал протоколы: «Иван Мусин-Пушкин»³³. Сам же начальник только изредка требовал доставить к себе ведомости о синодальных расходах или конкретные судебные дела.

25 апреля 1740 г. императрица наложила на доклад графа резолюцию: «Учинить по сему представлению». Это решение означало фактическую секуляризацию церковных вотчин. Мусин-Пушкин сразу же распорядился послать во все вотчины новых «управителей и комиссаров», чтобы провести перепись населения и хозяйства, принять по этим описям все имущество от прежних управителей и выслать их из вотчин.

Удачная карьера «фамильного» русского вельможи во времена пресловутой «биринощины» вовсе не так парадоксальна, как кажется на первый взгляд. Младший Мусин-Пушкин ни о какой оппозиции существовавшей в России «форме правления» не мечтал, достойно выдержал испытание губернаторством и вписался в круг высших администраторов того времени. В 20–30-е годы с политической сцены сошли крупные фигуры, представители старшего поколения петровских выдвиженцев: А.Д. Меншиков, И.И. Бутурлин, А.В. Макаров, П.П. Шафиров, Ф.М. Апраксин, Я.В. Брюс, П.А. Толстой, старшие братья Голицыны, В.Л. и В.В. Долгоруковы, П.И. Ягужинский; одни из них умерли или в силу возраста отошли от дел, другие пробилась к вершине власти, но стремительно скатились с нее в политическое небытие. Их наследники, в отличие от ходивших в атаке, строивших корабли и заседавших на «всеобщем соборе» отцов, уже не являлись реформаторами. Теперь были востребованы служилые и верноподданные, а главной политической наукой стали придворные «коньектуры».

Фаворит императрицы Бирон поддерживал таких ревностных слуг государства, как обер-секретарь Сената Иван Кирилов или обер-прокурор Анисим Маслов, что, кстати, не является доказательством его стремления к процветанию России. Верховная власть объективно нуждалась в добросовестных и компетентных деятелях «второго ряда», своими трудами раздвигавших границы

³² Там же. Т. 130. С. 117, 224, 231, 232, 255, 271–273, 287, 299, 306, 334, 370, 437, 447, 451, 459, 485, 508, 525, 531, 619, 621, 626, 630, 675, 676; Т. 138. С. 15, 17, 41, 58, 60, 88, 156, 165, 205, 217, 223–228, 231, 237, 249, 254, 256, 258, 265, 270, 275, 280, 286, 323, 340, 347, 371, 390, 392, 398, 400, 404, 459, 519, 561, 564.

³³ РГАДА. Ф. 280. Оп. 4. Д. 126. Л. 2 и сл.

империи, обеспечивавших относительный порядок в системе управления и особенно в финансах, разоблачавших промахи и злоупотребления других администраторов. Этим патриотов всегда можно было использовать в борьбе за власть и влияние. Фаворит же для них являлся, по словам Кирилова, «скорым помощником», при поддержке которого можно было получить царскую санкцию и запустить механизм исполнения «полезных дел», чтобы нужные решения не «залежались» в очередной канцелярии.

Правда, покровительство оказывалось при обязательном условии – повседневной демонстрации преданности в духе времени. А здесь-то граф должным образом себя не проявил. Среди бумаг Бирона отсутствуют доношения или просьбы Мусина-Пушкина, подобные прошению о выдаче жалованья его ровесника, московского губернатора князя Б.Г. Юсупова: «Впредь рабственно ноги целую, и прославлять высочайшее имя вашей высококняжеской светлости и милость до смерти не престану». От придворных и выслужившихся чиновников графа отличало еще одно обстоятельство: он был богат, а потому чужд «хищениям» и выпрашиванию «пенсион» или иных подачек.

К закату своей карьеры Платон Иванович был владельцем 9576 душ – около 20 тысяч крепостных обоего пола, что делало его одним из богатейших людей России [Троицкий 1972, с. 97–110]. Он бережно хранил переписку с управляющими и приказчиками, которая, хотя и частично утраченная и попорченная в результате небрежного обращения в подвалах Тайной канцелярии, все же отражает географию владений графа и круг его хозяйственных интересов. Его вотчины были сосредоточены в нечерноземном центре: села в Ржевском (Мельницы), Галицком (Бушнево), Вологодском (Толстиково), Ярославском (Сменцово), Симбирском (Ивановское), Рязанском (Полоски, Парши и Локны), Костромском (Рождественское) уездах. Множество владений было у него в Новгородской губернии, а основными хозяйственными центрами оставались унаследованный от отца подмосковный комплекс и родовое село Угодичи под Ростовом.

Барин требовал от приказчиков регулярной присылки отчетов о сделанных заготовках и расходах, которые (например, «тетрадь учета Сакульского погоста») проверял и хранил вместе с другими бумагами; сам же нередко отвечал на доклады управляющих «милостивому государю, графу Платону Ивановичу». Его, как любого другого землевладельца, огорчали случаи бегства мужиков, которых, правда, вернуть ему было легче, чем рядовому помещику. «А что изволите писать о присылке ко мне моево беглого крестьянина на караблях, и о сем ваше превосходительство покорно прошу,

чем я весьма доволен», – писал он 3 мая 1740 г. неизвестному чиновнику Военной коллегии³⁴. Важной персоне крепостного можно было доставить и на военном корабле...

Граф был рачительным хозяином: строил в своих владениях церкви, приказывал вовремя ремонтировать мельницы, а на своем «приморском» дворе сдавал купцу Фоме Молчину в аренду место под «пивную и медовую продажу», очевидно, в летний сезон дававшую неплохой доход. В селе Рожествено он открыл школу, где в 1738 г. учились грамоте четверо крестьянских ребят и один из них, по доношению приказчика, уже выучился писать – скорее всего, так барин готовил будущих крепостных управленцев.

Оборотистые крестьяне ростовской вотчины, издавна промышлявшие огородничеством, состояли на денежном оброке и платили хозяину с 986 душ 31 руб. 13 коп. Хлеб же в Москву и Петербург шел из южных рязанских вотчин. Подмосковные деревни поставляли сено для конюшни, мясо и кожу; там имелось образцовое животноводческое хозяйство, за которым Мусин-Пушкин следил и близко к сердцу принял известие о падеже сразу трех коров холмогорской породы.

Свежее масло хозяин получал с расположенной рядом с Петербургом «Клопицкой мызы». А костромские мужики обязаны были поставлять к барскому двору белорыбицу и осетрину. Судя по подробностям хозяйственной переписки, граф был знатоком и любителем рыбы – требовал присылать осетров размером не меньше полутора аршин, а стерлядей не меньше аршина, причем целых 30 штук. Пришлось приказчику почтительно доложить, что «только количества сыскать не можно» – не успели стерлядки вырасти до потребного размера³⁵. Доставляли такую рыбку в северную столицу живой, поскольку у графа на воде стояла целая барка-бассейн для ее хранения.

Все эти и другие «припасы» (вино, холст, крупа, мука, сало, мясо, птица, мед, пух, щетина) направлялись в обе столицы, где были расположены резиденции графа – шесть дворов в Москве (включая купленное в 1726 г. загородное владение в Лужниках) и пять в Петербурге (включая «приморский»). Главными среди них считались московское родовое гнездо на Арбате в приходе церкви Бориса и Глеба и каменный дом на Мойке в Петербурге.

Как полагалось вельможе, граф Платон Иванович жил «пышно». Согласно «росписи денежного жалования служителей дому его сиятельства» 1730 г., в его московских владениях состояли на

³⁴ РГВИА. Ф. 393. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.

³⁵ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Ч. 3. Л. 3, 9–10, 14.

службе 11 конюхов, 11 поваров, 9 лакеев, 4 дровосека, 5 столяров, 2 кузнеца, 2 «оловянщика», портной, «оконешник» и неуставленное количество «девок и вдов», обслуживавших барское хозяйство; имелись также калмыки и «киргизы», а также купленный по случаю мальчик-персиянин из оккупированных иранских провинций³⁶. «Разбор» дворовых петербургской резиденции после ареста имущества Мусина-Пушкина в 1740 г. показал, что их было около сотни. Описи конфискованного в 1740 г. имущества Платона Ивановича дают возможность представить обстановку его столичной резиденции.

На большом пространстве городской усадьбы (граф «прихватил» к ней два соседних пустующих «места») размещались конюшня, каретный двор (в распоряжении владельца были две кареты, две «полуберлины» и четыре коляски) и речных шхербота. Просторные комнаты были декорированы шпалерами и картинами (портретами государей и менее официальными – «Птицы и древа», «Птицы петухи» «5 картин разных животных») вместе с 23 иконами и оправленным в серебро Евангелием, зеркалами в золоченых рамах, часами. К последним граф был явно равнодушен и специально приобретал дорогие механизмы: «золотые с репетиром», серебряные, «столовые» в хрустальном футляре. Быт хозяина и его домочадцев украшали разнообразные «шкатулы» и табакерки; на стол в особых случаях выставлялась дорогая серебряная и фарфоровая посуда; на каждый день имелась попроще – стеклянная и медная «англинской работы». Должно быть, в качестве надежного вклада семейство держало дома почти 8 пудов серебра.

Хозяйке и дочерям принадлежали «алмазные вещи» общей стоимостью 20 тысяч руб. Гости могли по достоинству оценить винный погреб с сотнями бутылок шампанского, бургундского, венгерского, секта, киршвейна и английского пива. Среди обеденных яств была не только свежая рыба, но и деликатесы с ревельской таможни: бочонок винограда, три бочонка яблок, а также «33 утенка и 25 гусенков», полученные в 1737 г. Дом Мусина-Пушкина имел поместительную оранжерею с вишневыми и «помаранцевыми» деревьями, кустами «розанов» и «розмаринов».

Что же касается духовных запросов графа, то о них дает представление его библиотека. Большинство из 237 книг (128 названий) было издано в петровское время и попало к Платону Ивановичу от отца, руководившего Монастырским приказом и типографиями. Историческая литература составляет почти четверть названий, а в целом книги по гуманитарным наукам – треть, что, видимо,

³⁶ Там же. Л. 43–48.

отражало наклонности владельца. Подбор книг по военному и морскому делу, географии, истории не оригинален: общие курсы географии, изданные при Петре «Описание артиллерии», «Новая манера укрепления городов...», «Генеральные сигналы, надзираемые во флоте», «Новое корабельное строение» К. Алларда, «Инструкция и артикулы военные, надлежащие к российскому флоту». Рядом с ними находились традиционные богослужбные издания и такие нужные при дворе Анны Иоанновны и Бирона пособия, как «Совершенный егерь барона Флеминга» или «Руководство по выезде лошадей» герцога Ньюкасла. «Беседы Иоанна Златоустого» соседствовали с «Историей троянской» и «Алкораном турецкого закону» [Луппов 1980, с. 413–415].

Можно, пожалуй, выделить только «Введение в историю европейскую» Самуила Пуфендорфа, из которой можно было почерпнуть сведения о прочих «формах правления» – например, об «аристократии» и «димократии»³⁷. Рядом с сочинениями, вызванными петровскими реформами, граф хранил еще одну «коллекцию»: «святые мощи (27 святых. – И. К.) в сорока двух бумажках с надписями», которые после его ареста были переданы в Синод и в конце концов поступили на хранение в Петропавловский собор³⁸.

Именно такой, умеренно просвещенный и исполнительный, вельможа был востребован в то время. К концу царствования Анны Иоанновны Платон Иванович стал самостоятельной фигурой, инициатором масштабной государственной реформы. Но его затянуло в омут следствия «дело» Волынского.

Артемий Петрович Волынский сделал при Анне удачную карьеру, однако быстро вышел из роли «креатуры» Бирона, что в итоге привело его к «падению». У нетерпеливого кабинет-министра не хватало умения приспосабливаться к стилю руководства государыни; он горячился, в раздражении заявлял, что «резюльции от нее никакой не добьешься, и ныне у нас герцог что захочет, то и делает».

Триумфом Волынского стало празднество с Ледяным домом и шутовской свадьбой. Но сразу после успеха Бирон нанес ему удар. В челобитной на августейшее имя российский обер-камергер и курляндский герцог обвинил кабинет-министра в сочинении поданного императрице письма против тех, кто «к высокой вашего императорского величества персоне доступ имеет», в котором

³⁷ Пуфендорф С. Введение в историю европейскую. СПб., 1718. С. 10.

³⁸ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. Т. 22. М., 1914. С. 1079–1080.

тот возвел «напрасное на безвинных людей сумнение». Бирон также напомнил государыне, что дебошир Волынский осмелился 6 февраля 1740 г. «в покоях моих некоторого здешней Академии наук секретаря Третьяковского (поэта В.К. Третьяковского. – *И. К.*) побоями обругать» и делал это даже в «апартаментах вашего императорского величества», а это уже можно было расценить как оскорбление императрицы³⁹. Волынскому запретили являться ко двору, 12 апреля заключили под домашний арест, а через три дня начали допрашивать.

Его могло ждать обычное в таких случаях «падение» в виде ссылки в армию или в «деревни» с последующим прощением и отправкой на вице-губернаторство куда-нибудь в Сибирь. Но вокруг него сложился кружок единомышленников; его «конфидентами» стали в основном «фамильные», но образованные люди: архитектор Петр Михайлович Еропкин, горный инженер Андрей Федорович Хрущов, морской инженер и ученый Федор Иванович Соймонов, секретарь императрицы Иван Эйхлер.

Компания собиралась по вечерам в доме Волынского на Мойке, рассуждала на разные темы: «о гражданстве», «надлежит ли иметь мужским персонам дружбу с дамскими», «каким образом суд и милость государям иметь надобно». Интеллектуальные беседы подвинули министра на сочинение проекта, который он сам на следствии называл «Рассуждением о приключаящихся вредах особе государя и обще всему государству и отчего происходили и происходят». Отдельные части проекта не только обсуждались в кружке, но даже «публично читывались» в более широкой аудитории.

Волынский «переправлял» свое сочинение вплоть до самого ареста, затем черновики сжег, а переписанную набело часть предоставил в Тайную канцелярию, где этот пакет и сгинул⁴⁰. Сам проект трудно назвать крамольным – он носил сугубо бюрократический характер и находился в тех же рамках петровской системы, которые пытались несколько раздвинуть «шляхетство» в 1730 г. Прощумевшие «дворские бури» оказали деморализующее влияние на «благородное» общество. На первый план выходил не способ осуществления преобразований, а то, чья «партия» будет в милости. Такие перестановки могли осуществиться либо путем интриг и «организации» соответствующего решения монарха, либо с помощью дворцового переворота.

³⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 196. Л. 1–6.

⁴⁰ *Готье Ю.В.* Проект о поправлении государственных дел А.П. Волынского // Дела и дни. 1922. № 3. С. 23–27; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 200. Л. 10; Д. 201. Л. 7 об., 15; Д. 203. Л. 3 об., 13 об. – 14 об.; Д. 221. Л. 17, 19.

Планы Волынского так и были истолкованы следователями; дворецкий подозреваемого Василий Кубанец не только выдал его служебные преступления (министр был взяточником), но и обвинил хозяина в намерении «сделать свою партию и всех к себе преклонить; для того ласкал офицеров гвардии и хвастался знатностью своей фамилии, а кто не склонится, тех де убивать можно». Еропкин и Соймонов на пытке подтвердили показание Кубанца о намерении Волынского произвести переворот⁴¹.

Первый допрос Мусина-Пушкина состоялся 30 мая 1740 г., вел его сам начальник Тайной канцелярии Андрей Иванович Ушаков. Заготовленные вопросы показывают, что следователей больше всего интересовал не проект Волынского, а то, какие «непристойные слова» были им и прочими участниками кружка сказаны про Анну, в чем заключалось «явное предсуждение» российских порядков и «какую злобу имели» они по этому поводу. Кроме того, власти интересовались, зачем граф Платон Иванович посещал уже помещенного под домашний арест кабинет-министра, когда уже всем было ясно, что тот находится в опале.

Поначалу Мусин-Пушкин отрицал какое-либо участие в «противных делах»; признавал, что с Волынским встречался часто, но утверждал, что их разговоры вращались вокруг «награждений» и текущих дел; проект Волынского «видел и слышал», но участия в его составлении не принимал⁴². На протоколе допроса подследственный уверенно расписался: «Граф Платон Мусин-Пушкин руку приложил».

Но к тому времени следователи уже располагали показаниями самого Волынского и его «конфидентов» о том, что граф «ведал» о проекте, был «одного мнения» с другими и даже об «опасности от того ему, Волынскому, он, Платон, представлял». Мусин-Пушкин поначалу заявлял, что «не упомнит», но затем шаг за шагом признавал, что предоставлял Волынскому документы и ведомости своей коллегии; вспоминал, что кабинет-министр позволял себе критические высказывания: что «его высококняжеская светлость владеющей герцог Курляндской в сем государстве правит, и чрез правление де его светлости в государстве нашем худо происходит», «великие денежные расходы стали и роскоши в платье, и в госу-

⁴¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 67 об.

⁴² Там же. Д. 200. Л. 6–7. Граф был арестован не сразу – он вместе с коллегами по Сенату еще подписывал его «сообщения» от 24 и 31 мая 1740 г. (см.: Сборник Русского исторического общества. Т. 146. Юрьев, 1915. С. 25, 28).

дарстве бедность стала, а государыня во всем ему волю дала, а сама ничего не смотрит».

На естественный вопрос следователей, почему же не донес, Мусин-Пушкин заявил, что не хотел «быть доводчиком» и даже счел своим долгом заехать к опальному Волынскому «для посещения в болезни». Но, узнав о новой порции признаний Волынского (граф их не ожидал и не был удивлен), он подтвердил свое участие в беседах, затрагивавших честь императорской фамилии: о попытке Бирона женить своего сына на племяннице императрицы Анне Леопольдовне. Волынский не скрывал радости от провала сватовства: если бы оно удалось, то «иноземцы... чрез то владычествовали над рускими, и руские б де в покорении у них, иноземцов, были»⁴³. Этот эпизод стал одним из главных аргументов обвинения в адрес Мусина-Пушкина. В остальном протоколы его допросов выглядят едва ли не самыми скучными по сравнению с «делами» его товарищей по несчастью. Они-то действительно участвовали в разработке проекта Волынского, а граф Платон заверял, что собственных «рассуждений» не делал, с кабинет-министром не спорил «из угождения» ему и в целом «такой злости в себе самом не имел».

Ему не поверили, и на допросе 6 июня в застенке подняли на дыбу и дали 14 ударов; однако ничего нового подследственный не сообщил⁴⁴. В итоге главной виной графа было признано его присутствие при обсуждении проекта, «оуждавшего» государственные порядки и тот факт, что он не только не возражал, но и «прямо притакал и оставался при тех его, Волынского, злодейственных рассуждениях», вместо того чтобы немедленно о них донести⁴⁵.

Анна повелела «более розысков не производить». В обвинительном «изображении о преступлении» ничего не было сказано о якобы готовившемся захвате власти. Старавшиеся отличиться судьи приговорили к четвертованию всех членов кружка Волынского, хотя признали, что Мусин-Пушкин в этой «партии» не состоял. 23 июня императрица утвердила приговор. 27 июня 1740 г. на Сытном рынке столицы Волынского четвертовали, Еропкину и Хрущову отсекали головы. Остальным обвиняемым смертная казнь была заменена вечной ссылкой. Приговор Мусину-Пушкину гласил: «...урезав языка, послать его в Соловецкой монастырь и содержать в наикрепчайшей тамо тюрьме под крепким караулом, никуда не выпуская». По меркам политических процессов аннинского царствования граф Платон был наказан легче всех и даже

⁴³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 200. Л. 11 об., 12.

⁴⁴ Там же. Л. 18 об.

⁴⁵ Там же. Д. 208. Л. 37–38.

не бит кнутом, как Ф.И. Соймонов. Ему также оказали другую милость: обязательная конфискация имущества не распространялась на родовые владения, которые отходили детям⁴⁶. Причин смягчения приговора мы не знаем, но сам факт наказания с символическим «урезанием языка» – основного орудия преступления – должен был послужить острасткой.

После приговора последовала процедура конфискации и перераспределения движимого и недвижимого имущества – за ним сразу же выстроилась очередь. Генерал-прокурор Н.Ю. Трубецкой первым подал слезную челобитную, в которой просил «для его недостатков и самой крайней нужды» отдать ему дворец графа Платона на Мойке. Другой каменный дом графа на Набережной линии Васильевского острова отошел казне для размещения дворцовых «служителей». «Приморскую» дачу «близ Петергофа» императрица пожаловала фельдмаршалу Миниху; копорскую «мызу» – брату фаворита Густаву Бирону⁴⁷. Но большинство «отписных» земель и душ осталось в дворцовом ведомстве.

С Мусиным-Пушкиным и здесь обошлись относительно милостиво: в казну поступили «только» 8207 душ и 21 036 четвертей земли, а также пять дворов в Москве и четыре (из них два каменных) в Петербурге, да еще приморская «дача». Жене Мусина-Пушкина оставили родовые владения мужа и каменный дом в Москве на Арбате, «а сверх того детям ево обоих жен обще недвижимое имение их прадеда, а ево деда, что за ним, Платоном»⁴⁸. Но зато подчистую отобрали гардероб, и бедная Марфа Петровна безуспешно пыталась отстоять свои платья, «белье и прочие уборы женские». На волю были отпущены восемь «девок» и две вдовы; из 29 женатых «служителей» 16 отправили в армию, восемь – на придворную службу; в солдаты сдали и большую часть (29 из 41) холостых дворовых.

Наличные «пожитки» в ту пору нестеснительно выгребались из домов арестованных. Принадлежавшие графу золотые монеты (638 руб.) и слитки отправили в Монетную контору; туда же поступило золото и серебро из «алмазных вещей» (оцененных в 19 300 руб.) на сумму 5294 руб. 97 коп. Остальные драгоценности остались в Канцелярии конфискации, и их последующая судьба неизвестна. После воцарения Елизаветы Петровны племянники графа Платона претендовали на их часть, но не смогли предоставить письменных доказательств принадлежности требуемых

⁴⁶ Там же. Л. 15, 18 об.

⁴⁷ Сборник Русского исторического общества. Т. 146. С. 321, 322, 417.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 8. Л. 4, 25.

вещей их матери. Правда, при Елизавете наследникам отдали 7 пудов 12 фунтов графского серебра, хранившегося, по-видимому, в слитках.

К дележу в первую очередь допускались избранные. К себе в «комнату» императрица взяла четырех графских попугаев; в Кабинет были переданы два ордена Александра Невского; в Конюшенную контору переехали «каreta голландская», «берлин ревельской», «полуберлины» и коляски. Породистые «ревельские коровы» удостоились чести попасть на императорский «скотский двор», а дворцовая кухня получила целую барку с 216 живыми стерлядями. Герцог Бирон, известный знаток лошадей, лично осмотрел конюшню Мусина-Пушкина, однако не обнаружил ничего для себя интересного и распорядился передать 13 лошадей графа в Конную гвардию⁴⁹. Цесаревна Елизавета отобрала себе «винные» и «помаранцевые» деревья, кусты «розанов» и «розмаринов».

Иностранные и допетровские монеты императрица распорядилась отдать в Академию наук, где нумизматическая коллекция графа помогла разработать научную классификацию древних русских монет. А вот библиотека Мусина-Пушкина в эпоху, когда чтение являлось подозрительным занятием, осталась невостребованной и в 1742 г. по-прежнему хранилась в Канцелярии конфискации.

Остальная гора вещей (по оценке на 14 539 руб. 74 $\frac{1}{4}$ коп.) была пущена с публичных торгов, в результате чего казна до нового переворота успела выручить 6552 руб. да еще получила 1061 руб. 24 коп. «наддачи». Такие «распродажи» привлекали столичную публику: знатные и «подлые» обыватели демократично торговались за имущество опальных.

Гвардейский сержант Алексей Трусов приобрел за 95 руб. «часы золотые с репетициею», семеновский солдат князь Петр Щербатов потратился на золотую «готовальню» (335 руб. при стартовой цене в 200 руб.). Капитан князь Алексей Волконский заинтересовался комплектом из 12 стульев с «плетеными подушками» (12 руб. 70 коп.), а статский советник Федор Сухово-Кобылин прикупил другой комплект, подешевле, с креслом в придачу.

Тайный советник Василий Никитич Татищев пополнил свой винный погреб 370 бутылками «секта» по 30 коп. за штуку, а гвардии прапорщик Петр Воейков скупил 370 бутылок красного вина всего 81 руб. 40 коп., 73 бутылки шампанского по 1 руб., 71 бутылку венгерского по 50 коп., а заодно и 105 бутылок английского пива по 15 коп. Кабинет-министр Алексей Петрович Бестужев-Рюмин выказал более высокие запросы: он купил четыре больших зеркала

⁴⁹ Там же. Л. 6 об.

в «позолоченных рамах» за 122 руб. и еще два «средних» за 30 руб. Те же импортные товары в обычной продаже стоили дороже.

Менее утонченная публика разбирала предметы повседневного обихода и столовые припасы, вплоть до заплесневелых соленых огурцов и рыжиков из кладовых. Никого не заинтересовали картины графа («женщина старообразная», «птицы петухи», «персона короля шведского» и прочие по 3 руб. за штуку). Нераскупленным остался зеленый и черный чай в «склянках» – он еще не стал у россиян популярным напитком. Зато соль, свечи, платки, салфетки, перчатки, одеяла, барская (фарфоровая и серебряная) и «людская» (деревянная) посуда, котлы, сковородки, стаканы, кофейники, ножи расходились влёт. Нашли новых владельцев «немецкие луженые» перегонные кубы, «медная посуда англинской работы» (ее купил бывший подчиненный графа советник Иван Сукин), «меха, чем огонь раздувать», «четверо желез ножных и два стула с чепми» (актуальная вещь для наказания дворовых) и даже господские «унитаз» («судно дубовое, оклеено орехом с двумя ящичками») и ночной горшок («уринник с ложкой и крышкой»).

На распродаже ссыльного графа можно было и приодеться. В.Н. Татищев купил себе суконовый «коришневой» подбитый гродетуром кафтан с камзолом золотой парчи «с шелковыми травами по пунцовой земле» (50 руб.), а другой, похожий, уступил майору гвардии Никите Соковину. Купцы приобретали платье попроще за 10–15 руб. Отличился будущий герой дворцового переворота 1741 г. лейб-медик Елизаветы Петровны Арман Лесток: он скупал дорогие парчовые кафтаны по 80 руб., «серебряные» штаны, поношенные беличьи меха, галуны, бумажные чулки, полотняные рубахи (60 шт. за 60 руб.). Судя по мелькавшим в деле именам и фамилиям, столичный бомонд вполне мог встречаться в бывших графских палатах в одежде с его плеча. Капитаны и поручики гвардии приобретали платья, юбки, шлафроки, кофты, фижмы, «шальки» и белье – надо полагать, чтобы порадовать своих дам; капрал-гвардеец Тютчев торговал даже «ношенные» и «ветхие женские рубахи»⁵⁰.

После экзекуции на Сытном рынке последовали ссылка и заключение в каземате монастырской тюрьмы. Подпоручик гвардии Вындомский, прибывший туда через несколько месяцев для дополнительного допроса, обнаружил узника уже тяжелобольным и харкавшим кровью. К счастью, заключение было недолгим. После

⁵⁰ Приведенные примеры, взятые из «Щетной выписки отписным Платона Мусина-Пушкина пожиткам, которые вступили в оценку», см: РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. № 237. Л. 1–143.

кончины Анны Иоанновны герцог Бирон решил отметить свое регентство при младенце-императоре Иоанне Антоновиче милостями и заменил графу Платону монастырскую келью именем жены.

После устранения Бирона правительница Анна Леопольдовна потребовала к себе дело Волынского, а затем Тайной канцелярии было предписано подать «экстракты» обо всех ссыльных в царствование ее тетки⁵¹. Платона Мусина-Пушкина одним из первых было разрешено возвратить из ссылки; но в столицу изувеченный граф не вернулся и не был реабилитирован процедурой «возвращения чести». Очевидно, преемники Анны Иоанновны не могли официально признать несостоятельность ее суда и приговора. Правительница указала вернуть конфискованное имущество графа его наследникам – племянникам Аполлосу и Алексею Епафродитовичам Мусиным-Пушкиным и князю Александру Петровичу Голицыну (сыну его сестры Елизаветы)⁵², что в короткое царствование Иоанна Антоновича так и не было выполнено. Поэтому кредиторы получали удовлетворение своих претензий из денег, вырученных от продажи конфискованного имущества⁵³.

Сам же граф, скорее всего, приходил в себя после пережитого в имениях жены. Там его и застал переворот, возведший на престол Елизавету Петровну. 3 декабря 1741 г. новая императрица разрешила опальному выезжать из деревень и жить в Москве⁵⁴. Окончательная реабилитация затянулась; только 25 июля 1742 г. последовал указ: «Платону Мусину-Пушкину по известному об нем делу вину отпустить и, одобря ево, прикрыв знаменем, шпагу ему отдать и быть в отставке, а к делам ево ни х каким не определять»⁵⁵. В сентябре того же года граф Мусин-Пушкин «при роте Кабардинского полка и при собравшемся народе знаменем прикрыт, и шпага ему отдана». На этом известия о судьбе реабилитированного вельможи обрываются. По-видимому, Платон Иванович скончался в том же году – в деле о возвращении имущества сам он больше не фигурирует.

Вдове и наследникам предстояла долгая тяжба за возвращение перешедших в другие руки имений и частично проданной, частично разбросанной по подвалам казенных учреждений обстановки. Желających добровольно расстаться с «деревнями» и прочим пожалованным или по дешевке приобретенным имуществом не было;

⁵¹ Там же. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 9. Л. 113, 121.

⁵² Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 3. СПб., 1878. № 8324.

⁵³ Там же. № 8218, 8445.

⁵⁴ Там же. № 8687.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 208. Л. 7.

только в 1748 г., наконец, последовал указ о выдаче наследникам оставшихся «пожитков», многие из которых к тому времени уже стали «тленными».

Вернуть же имения долгое время не удавалось. Новое царствование возносило к вершине власти новые фамилии, и судьба семейства умершего графа никого не интересовала. Из восьми с лишним тысяч конфискованных душ 4854 оказались розданными; их получили уже приближенные Елизаветы: гардеробмейстер В.Г. Шкурин, шталмейстер П.М. Голицын. Новый канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, когда-то уже прибравший к рукам зеркала из дома Мусина-Пушкина, теперь, несмотря на все предыдущие указы, добился пожалования себе нескольких подмосковных сел графа (Образцово, Горетово, Новорожествено и др. – всего 3141 душа)⁵⁶. Только в 1757 г. Елизавета запретила раздавать еще оставшиеся в дворцовом ведомстве имения Мусиных-Пушкиных.

Опала Платона Ивановича Мусина-Пушкина по-своему типична для аннинского царствования. Правление племянницы Петра Великого заставило дворян забыть о попытках «вольности себе прибавить». В этом, нам кажется, и состояла главная «заслуга» бироновщины перед российским самодержавием. Но даже признавшим такие «правила игры» новые времена ничего не гарантировали: прочное, казалось бы, положение могло в любую минуту обернуться катастрофой – незаслуженной и оттого еще более страшной и позорной опалой...

Литература

- Андреев 2005 – *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. М.: Знак, 2005. 432 с.
- Луппов 1980 – *Луппов С.П.* Собрание книг П.И. Мусина-Пушкина // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1979. Л.: Наука, 1980. С. 409–415.
- Троицкий 1972 – *Троицкий С.М.* Оскупке земель А.Д. Меншиковым, А.В. Макаровым и И.А. и П.И. Мусиными-Пушкиными (из истории крупного феодального землевладения в России первой трети XVIII в.) // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1972. С. 88–102.
- Юхт 1985 – *Юхт А.И.* Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20 – начале 30-х годов XVIII в. М.: Наука, 1985. 367 с.

⁵⁶ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.

References

- Andreev, A.Yu. (2005), *Russkie studenty v nemetskikh universitetakh XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [Russian students at German universities of the 18th – first half of the 19th century, Znak, Moscow, Russia.
- Lupov, S.P. (1980), “Book collection of P.I. Musin-Pushkin”, in *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya: Ezhegodnik. 1979* [Monuments of culture. New discoveries. Yearbook 1979], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 409–415.
- Troitskii, S.M. (1972), “On the purchase of land by A.D. Menshikov, A.V. Makarov and I.A. and P.I. Musin-Pushkin (from the history of large feudal land ownership in Russia in the first third of the 18th century”, in *Voprosy agrarnoi istorii Tsentra u Severo-Zapada RSFSR* [Questions of agrarian history of the Center and the North-West the RSFSR], Smolensk, USSR, pp. 88–102.
- Yukht, A.I. (1985), *Gosudarstvennaya deyatelnost V.N. Tatishcheva v 20 – nachale 30-x godov XVIII v.* [V.N. Tatishchev's state activity in the 20s – early 30s of the 18th century], Nauka, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Игорь В. Курукин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kurukin@mail.ru

Information about the author

Igor V. Kurukin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kurukin@mail.ru

Первый перевод Сервантеса на русский язык

Олег М. Буранок

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия, olegburanok@yandex.ru*

Александр О. Буранок

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, buranok@yandex.ru*

Аннотация. Обнаруженная О.М. Буранком рукопись Никанора Ивановича Ознобишина «Корнелия» – это наиболее *ранний* (1761 г.), *первый* из известных на сегодняшний день переводов Мигеля де Сервантеса на русский язык. До этого, как указывает А.Д. Умикян, первым переводом на русский язык считалась новелла «Две любовницы» (“*Las dos doncellas*”) из «Назидательных новелл», переведенная и изданная при Московском университете в 1763 г. Ознобишин переводил Сервантеса не с испанского, а с французского языка, что было типично для переводов XVIII в. Переводы Сервантеса на русский язык изучались ранее такими исследователями, как Б.А. Кржевский, Н.Я. Берковский, К.Н. Державин, Б. Франк, М.В. Алпатов, М.П. Алексеев, В.Е. Багно и другие. Однако никому из них перевод новеллы «Сеньора Корнелия», выполненный Н.И. Ознобишиным, известен не был. Таким образом, перед нами стояли задачи исследовать данный перевод; сравнить его с другими, более поздними переводами Ф. Кабрита 1805 г. и Б. Кржевского 1934 г.; разобрать содержание перевода Н.И. Ознобишина; попытаться выяснить место данного перевода в контексте переводной литературы XVIII в. в России.

Ключевые слова: Мигель де Сервантес Сааведра, «Сеньора Корнелия», Никанор Иванович Ознобишин, перевод

Для цитирования: *Буранок О.М., Буранок А.О.* Первый перевод Сервантеса на русский язык // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 66–88. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-66-88

The first translation of Cervantes into Russian

Oleg M. Buranok

*Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russia, olegburanok@yandex.ru*

Aleksandr O. Buranok

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, buranok@yandex.ru*

Abstract. “Cornelia”, the manuscript by Nikanor Ivanovich Oznobishin, which was discovered by O.M. Buranok, is the earliest (1761) of the currently known translations of Miguel de Cervantes into Russian. Prior to that, as A.D. Umikyan points out that the novella “Two Mistresses” (“Las dos doncellas”) from the “Exemplary Novels” was considered the first translation into Russian (completed and published at Moscow University in 1763). Oznobishin translated Cervantes not from Spanish, but from French, which was typical for translations of the 18th century. Cervantes’ translations into Russian were studied earlier by such researchers as B.A. Krzhevsky, N.Ya. Berkovsky, K.N. Derzhavin, B. Frank, M.V. Alpatov, M.P. Alekseev, V.E. Bagno, etc. However, none of them knew the translation of the novella ‘Senora Cornelia’ by N.I. Oznobishin. Thus, the article aims at comparing that translation with other later translations by F. Kabrit in 1805 and B. Krzhevsky in 1934; analyzing the content of N.I. Oznobishin’s translation; determining the place of this translation in the context of translated literature of the 18th century in Russia.

Keywords: Miguel de Cervantes Saavedra, ‘Senora Cornelia’, Nikanor Ivanovich Oznobishin, translation

For citation: Buranok, O.M. and Buranok, A.O. (2024), “The first translation of Cervantes into Russian”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural studies” Series*, no. 9, pp. 66–88, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-66-88

Переводная литература¹ играла немаловажную роль в литературном процессе XVIII в. Частью литературной политики Петра I было поощрение переводов иностранных книг, особенно имеющих научное и практическое значение, но при этом активно переводили и беллетристику. Петр I, исходя, прежде всего, из утилитарных,

¹ История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь: XVIII век. Т. 1: Проза / Отв. ред. Ю.Д. Левин. СПб., 1995; Т. 2: Драматургия. Поэзия / Отв. ред. Ю.Д. Левин. СПб., 1996.

прагматических целей, сначала приглашал иностранцев в качестве переводчиков, а затем стали очень постепенно, но появляться в русской среде переводчики-профессионалы под эгидой Академии наук, которая имела даже штат переводчиков, в который входил, например, С.С. Волчков (1700–1773).

Переводы XVIII в. были весьма своеобразны и рассматривались «как своего рода школа, способствующая развитию и обогащению русской литературы и литературного языка»², переводной «роман не только открывал окно в мир иной культуры, но и выступал в функции учебника поведения, шире – учебника жизни» [Сазонова 1999, с. 130]. Ведь уже роман «Езда в остров Любви» П. Тальмана в переводе В.К. Третьяковского (1730) – первый роман на русском языке – понимался и автором-переводчиком, и читателями как «учебник любви»: галантная беллетристика настолько понравилась, как известно, русскому читателю, что потребовалось переиздание романа. Этот перевод Третьяковского вызвал устойчивый интерес и к жанру романа, и к французской литературе, и к переводческой деятельности. Репертуар переводов середины XVIII в. чрезвычайно обширен ввиду усилившихся контактов России с западноевропейскими странами (и в первую очередь с Францией).

В западном и отечественном литературоведении такие понятия, как художественный метод, литературное направление, стиль часто употребляются исследователями как синонимичные, грани между ними подчас весьма условны. В искусстве слова трудно, подчас, строго определить параметры, согласно которым то или иное произведение можно было бы однозначно отнести к тому или иному методу и стилю. Так, термин «реалистический роман» применительно к середине XVIII в. многими зарубежными литературоведами воспринимается спокойно, другие же относят *те же* произведения к рококо. В 1950-е гг. французское литературоведение вообще не воспринимало термин «рококо»; конец же XX в. ознаменовался вполне терпимым и лояльным отношением к этому термину [Пахсарьян 1996, с. 217–218]. Подобные «разночтения» можно увидеть во многих трудах о художественных методах, стилях и направлениях.

Для русской прозы середины и второй половины XVIII в. (особенно для русского нравоописательного романа) весьма характерен дидактизм, так как авторы прежде всего ценили в своих творениях воспитательную функцию, даже в названиях произведений делали акцент именно на этом: «Неонила, или Распутная дочь, справедли-

² Левин Ю.Д. Введение // История русской переводной художественной литературы. Т. 1. С. 11.

вая повесть. Сочиненная А*** Л***» (1794); «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины» М.Д. Чулкова (1770). В предисловиях авторы говорят о пользе, которую принесет читателям повесть или роман для исправления нравов или предупреждения от ошибок. Назидательность была присуща русской прозе изначально: дидактичны и древнерусская проза (жития, поучения), и переводная проза Петровской эпохи, и ораторская проза XVIII в. Потому-то так естественно «вписались» в русскую литературную культуру переводные романы назидательного характера. В западной литературе весьма популярен был жанр воспитательного романа. В русской литературе этот жанр как таковой не выделялся, да в этом и не было нужды: *вся* русская литература с самого своего возникновения (и особенно в XVIII–XIX вв.) – «воспитательная».

Говоря о жанровой системе романа и, в частности, романа рококо в 1740–1760-е гг., Н.Т. Пахсарьян отмечает, что романы этого литературного направления не были изолированы, они взаимодействовали как с эпохой Просвещения, так и с новым литературным направлением – сентиментализмом, что все эти типы романов, как впрочем и всей прозы первой половины XVIII в., художественно взаимодействовали, наблюдалась определенная диффузия различных типов романов между собой [Пахсарьян 1996, с. 161]. Наблюдая эволюцию прозы 1750–1760-х гг. в России, можно заметить сходные тенденции: еще существуют отголоски барокко, обновляется классицизм, через западноевропейскую прозу просачиваются элементы рококо, медленно, постепенно формируется сентиментализм. «Наиболее продуктивной для начального периода развития русского романа оказалась модель любовно-авантюрного романа, ориентированная на старые традиции русского рукописного романа первой половины XVIII в., усвоившего опыт европейского рыцарского и авантюрного романов» [Калашникова 1991, с. 52]. Действительно, указанная жанровая структура тиражируется не только авторами оригинальных русских романов (Ф.А. Эмин, М.Д. Чулков и др.), но и переводчиками западноевропейских романов этого типа.

Н.А. Копанев пишет о заметном влиянии французской книги на русскую культуру середины XVIII в. Так, в 1731–1750 гг. через Петербургскую академическую книжную лавку из 3113 иностранных книг было продано французских 851, что составило 27,3%, а с 1731 по 1761 г. – 800 книг французских писателей, переводов художественных произведений. Явно наметился спрос на французскую литературу. Интересно сопоставление петербургского читательского спроса с московским: в 1749 г. московские читатели запросили только 58 книг, в 1751 – 148, в 1759 г. – 49 книг [Копанев 1988, с. 124, 136, 137; Копанев 1990].

Произведения французских авторов переводились особенно активно. При этом необходимо отметить личное участие в организации переводческой деятельности Екатерины II, которая учредила «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на русский язык» (1768–1783). Безусловно, в этом потоке переводной прозы были и первоклассные авторы, но было и много неизвестных даже у себя на родине прозаиков, из-под пера которых выходили литературные однодневки. Но они-то и составляют «чернозем» для развития «большой» литературы.

Большая часть переводной беллетристики издавалась (и переводилась!) анонимно, что, в сущности, и являлось данностью этики и эстетики русской культуры XVIII в. и что, в определенной степени, связывало эту культуру с культурой древнерусской книжности. Переводами иностранных книг занимались и профессиональные литераторы, и любители, выходцы из самых разных слоев российского населения – от бывших крепостных до сиятельных дворян, ставя при этом самые различные задачи и преследуя самые различные цели – от выполнений социального заказа до приятного интеллектуально-творческого времяпрепровождения. Зачастую это была даже не проба пера, а некое творческое упражнение и дань зарождавшейся традиции, элемент культурного быта, культурного досуга.

Переводная литература в XVIII столетии выполняла двойную функцию: во-первых, переводчики знакомили русских читателей с произведениями западноевропейской литературы (тем самым переводы на русский язык осуществляли прежде всего познавательную функцию); во-вторых, переводная литература естественным образом вливалась в русский историко-литературный процесс, «ассимилировалась» и воспринималась уже как «своя» литература. Усваивая западноевропейские сюжеты и особенности художественной формы, переводчики осуществляли несомненное влияние на развитие отечественной литературы.

В процессе формирования жанра так называемые «второстепенные» авторы и беллетристика литературной периферии играют не последнюю роль. В литературных шедеврах признанных мастеров слова их творческая «кухня» оказывается скрытой, невидимой. У «второстепенных» же и «третьестепенных» авторов – по разным причинам (недостаточность мастерства, литературное ученичество, стремление подражать образцу и т. д.) – эта литературная «кухня» оказывается открытой для читателя (равно как и переводчика), ибо он видит «замок», соединяющий «своды» и отдельного произведения, и жанровой формы в целом. Определенный интерес в истории переводческой культуры России представляет офицерская среда,

выдвинувшая ряд интересных имен талантливых людей и среди них – сержант 7-й роты лейб-гвардии Преображенского полка Никанор Иванович Ознобишин (1726/1727–1788).

Переводы Сервантеса на русский язык

Обнаруженная нами рукопись Н.И. Ознобишина «*Корнелия*»³ – наиболее *ранний* (1761), *первый* из известных на сегодняшний день переводов Сервантеса на русский язык. «Сеньора Корнелия» Сервантеса в XVIII в. на русском языке не печаталась, только с 1805 г. – в переводе Ф. Кабрита – она вошла в российское читательское сознание. О рукописном переводе Н.И. Ознобишина ни библиографы, ни литературоведы, изучавшие жизнь и творчество Сервантеса, не знают [Державин 1958; Алпатов 1963, с. 265–274; Берковский 1955; Берковский 1962, с. 107–130; Алексеев 1985, с. 49, 63–71; Багно 1988, с. 285–295]. А.Д. Умикян, исследовавшая ранние русские переводы Сервантеса, сообщала как о первом русском переводе одной из «Назидательных новелл» – “*Las dos doncellas*” («Две любовницы») – в 1763 г. [Умикян 1948, с. 214–219] Однако, считает сама исследовательница, сведения о первых русских переводах Сервантеса неполны и неточны. Этот первый *печатный* перевод Сервантеса на русский язык («Две любовницы») не описан ни у В.С. Сопикова, ни у А.Ф. Смирдина, ни у В.В. Сиповского. «Сводный каталог русских книг XVIII в.: 1725–1800» под № 6446 дает описание «Двух любовниц»⁴.

Из «Назидательных новелл» в XVIII в. перевели и напечатали «Силу родства» (перевод с французского П.И. Фонвизина, младшего брата Д.И. Фонвизина. М., 1764); в 1794 г. в Санкт-Петербурге издали эту же новеллу под названием «Леокадия», в этом же году в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» напечатан перевод с французского Павла Львова, причем перевод, изданный в Париже в 1787 г., сделан с перделки Флориана. Только в 1769 г. в Санкт-Петербурге в двух томах вышла «История

³ РГБ. Рукописный отдел. Ф. 178/3717: Корнелия. Мишеля Сервантеса Сааведры с французского на русской перевел Никанор Ознобишин в Москве 1761 месяца апреля». Первая публикация: *Буранок О.Б.* Никанор Ознобишин – переводчик. Самара, 2005. С. 163–211.

⁴ Две любовницы: Гишпанская повесть Мих. Цервантеса Сааведры, автора Дон Кишота: Переведена с французского языка. М.: Печатано при имп. Московском университете, 1763. 78 с. 12° // Сводный каталог русских книг XVIII в.: 1725–1800. Т. 3: Р–Я. М., 1966. С. 111.

о славном Ла-Манхском рыцаре Дон Кишоте» (перевод-переделка с французского), отдельным изданием в 1781 г. опять в Петербурге вышла новелла «Ревнивый естрамадурец»⁵.

Ю.Д. Левин также считает «Двух любовниц» первым переводом Сервантеса на русский язык: «Впрочем, первым произведением Сервантеса, появившимся в русском переводе, был не роман его, а одна из “Назидательных новелл”, изданная в 1783 (опечатка; надо читать: в 1763 г. – О. Б.) при Московском университете под заглавием “Две любовницы” (оригинал – “Les dos doncellas”), – трогательное повествование о злоключениях двух юных красавиц, влюбленных в одного юношу, завершающееся, однако, счастливым финалом. Перевод, как и следовало ожидать, был сделан с французского, но в подзаголовке указывался первоисточник: “Гишпанская повесть Мих. Цервантеса Сааведры, автора Дон Кишота”. Такой подзаголовок свидетельствует об уверенности переводчика и издателя книги в том, что роман Сервантеса был уже известен русским читателям, хотя бы своим заголовком»⁶.

Переводили Сервантеса не с оригиналов, а большей частью с французского или немецкого переводов: в XVIII в. известны шесть отдельных переводов «Назидательных новелл». Печатались переведенные новеллы в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», а также отдельными изданиями [Умикян 1948, с. 214–219; Умикян 1959].

К.С. Корконосенко пишет, что «в России XVIII в. представление об испанской литературе и, шире, об испанской культуре только начинало формироваться... Случаи появления в русской печати испанских слов и фраз настолько редки, что заслуживают специального напоминания; случаи прямого перевода с испанского вообще единичны» [Корконосенко 2004, с. 117]. В 1795 г. отдельным изданием вышла книга «Прекрасная цыганка. Испанская повесть сочинения г. Сервантеса, автора Дон Кишота» (Смоленск: В типографии Приказа общественного призрения) [Корконосенко 2004, с. 118]. «Прекрасную цыганку» исследователь считает первым русским переводом новеллы Сервантеса, вторым – перевод Ф. Кабрита, текст которого точно соответствует французскому. Его можно назвать переложением, «поэтому вариант Кабрита намного дальше отстоит от подлинника» [Корконосенко 2004, с. 118].

Сверив смоленское издание с испанским оригиналом 1613 г., К.С. Корконосенко пришел к выводу, «что перевод в целом дей-

⁵ История русской переводной художественной литературы. Т. 1. С. 204.

⁶ Там же. С. 202.

ствительно сделан с испанского языка, однако в некоторых случаях переводчик пользовался и французским переводом-посредником» [Корконосенко 2004, с. 118]. Это была вполне допустимая практика в переводческой культуре того времени. Исследователь подробно анализирует в публикации достоинства и недостатки перевода «Прекрасной цыганки», говорит о большой сложности для перевода «Назидательных новелл».

Начало 60-х гг. XVIII в. ознаменовалось интересом в русской публике к великому испанцу, прежде всего как к автору «Дон Кихота», о чем не преминули указать последователи Н.И. Ознобишина, более счастливые, нежели он (в том смысле, что их труды увенчались успехом – публикацией их переводов), однако Никанор Иванович еще раньше угадал тенденцию читательского спроса, что свидетельствует о его развитом эстетическом вкусе.

Почему из всего многообразия новелл Сервантеса Ознобишина-переводчика привлекла именно «Корнелия»? Скорее всего молодого гвардейского офицера подкупили внутренняя красота героев, простодушный, наивный тон повествования, энтузиазм любви, преданность, великодушие. Фабулой произведения управляет господин случай, а тип сказки, определил сюжет новеллы, поэтому в ней оптимистичная развязка.

Французский перевод новеллы Сервантеса, с которого Н.И. Ознобишин переводил «Корнелию», нам установить не удалось. Это при том, что переводы с французского занимают ведущее место среди переводной русской литературы обозначенного периода, произведения английской литературы и некоторых иных (итальянской, испанской, португальской) в большинстве случаев переводились на русский язык через посредство французских переводов.

Перевод «Корнелии» из «Назидательных новелл» Сервантеса: нравоучительные, назидательные мотивы новелл, представляющие собою повествование из жизни испанских дворян, их обслуги, крестьян, изображающие их интимно-семейные отношения, привлекали внимание сначала французских переводчиков, а затем и русских. В центре многих повестей – различные перипетии любовных отношений, причем любовь в духе идей эпохи Возрождения воспевается автором «Дон-Кихота» как чувство большое, значимое для человека любого социального слоя.

Недаром почти параллельно с французским и уж точно синхронно с русским переводом новелл Сервантеса во Франции появились «Нравоучительные сказки» Мармонтеля (1761, 1763), тотчас переведенные на русский язык П.И. Фонвизиним и напечатанные в московском журнале М.М. Хераскова «Свободные часы» в 1763 г. (отдельным изданием вышли в 1764 г. в Москве).

Нельзя исключить возможность непосредственного или опосредованного знакомства и общения среди московского просвещенного дворянства, в окололитературных кругах Н.И. Ознобишина с П.И. Фонвизиным, М.М. Херасковым и другими. Поэтому-то он в духе времени и в соответствии со своими увлечениями, о которых сам заявил в предисловии к одному из переводов, обращается к «Корнелии» Сервантеса.

Полезность, добродетельность, нравоучительность – основные побудительные мотивы русских переводчиков XVIII в., что отразилось в самих названиях переводов: «Сидней и Силли, или Благодарение и благодарность» (1769), «Ножка Франшеттина, или Сирота французская, полезная и нравоучительная повесть...» (СПб., 1774), «Аристоновы добродетели, или Жизнь добродетельного мужа» (СПб., 1779), «Зеркало девиц, или Удивительное похождение Жеттети, крестьянской дочери, добродетелию и постоянством славы и знатного достоинства достигнувшей» (СПб., 1783), «Страдание молодой Емилии, или К наставлению чувствительных и добродетельных душ» (М., 1785) и другие.

Мода на авантюрно-любовный роман во второй половине XVIII в. породила десятки переводов, известных и анонимных. Каждый из переводчиков осуществлял свой труд в меру своего знания иностранного языка, образования, способностей, своих установок (если таковые вообще имелись).

Обычное дело в переводческой культуре тех лет – пропуски в переводе по сравнению с оригиналом, упрощения, фактические ошибки, стилистические погрешности и т. д. Повесть-посредник на французском языке определяла и характер перевода, и его структуру, и стилистику.

Стараясь вписать в историко-литературный и культурный контекст Европы русскую литературу, переводчики этого периода не только заботились об общественной полезности переводимых ими книг, но и о соединении полезного с приятным, оттого их волновали такие эстетические и этические категории, как «чувствительность», «нежный слог», «изящество», «вкусное нравоучение», «совершенство».

Перевод становится для них не ремеслом, а искусством, «требующим не меньшего таланта, чем собственное литературное творчество». А.А. Барсов, Д.И. Фонвизин, И.П. Елагин, Ф.В. Каржавин, В.А. Лёвшин, И.Г. Рахманинов, П.И. Богданович, М.И. Верёвкин, А.А. Нартов, П.С. Потёмкин, Д.С. Болтин, А.И. Тургенев и многие другие во главе с Н.М. Карамзиным создают русскую переводческую школу, которая сделала их труды «неотъемлемой частью отечественной словесности и языковой культуры» [Кочеткова 1995, с. 226, 228].

*Сравнение перевода Ознобишина,
Ф. Кабрита и Б. Кржевского*

Перевод Н.И. Ознобишиным «Сеньоры Корнелии» Мигеля Сервантеса, несомненно, органично вписывается в литературный контекст эпохи и отвечает переводческим задачам и потребностям читающей публики середины XVIII в.

Сопоставительный анализ рукописного (Н. Ознобишина) и двух напечатанных переводов «Корнелии» (Ф. Кабрита и Б. Кржевского) наглядно показывает эволюцию переводческой культуры в России, отношение переводчиков к художественному тексту, историческим реалиям, стилю⁷.

Переводы Н. Ознобишина и Ф. Кабрита – это перевод с перевода: их сближает, прежде всего, французский первоисточник, который задал тон переводам, определил их стилевую манеру и фабульную близость. Имя и фамилия автора вызвали разночтение у переводчиков: Ознобишин переводит имя на французский манер – «Мишель Сервантес Сааведра», Кабрит русифицирует – «Михайла Сервантес». Только в XX в. повесть «Сеньора Корнелия» была переведена с испанского оригинала – Б.А. Кржевским, автор назван его испанским именем – Мигель де Сервантес Сааведра.

Аналогично дело обстоит и с именами собственными во всех трех рассматриваемых нами переводах «Корнелии»:

<i>Н. Ознобишин (1761)</i>	<i>Ф. Кабрит (1805)</i>	<i>Б. Кржевский (1934)</i>
Антоний Изунца	Антонио Изунко	Антонио де Исунса
Жуан Камбоа	Жуан Гамбоа	Хуан де Гамбоа
в Франдрию	в Фландию	во Фландрию
Корнелия Бентиволио	Корнелия Бенволио	Корнелия Бентивольо
Лауренто Бонтиволио	Лаврентий Бентиволий	Лоренцо Бентивольо
Болония (и Балония)	Болония	Болонья
Ферара (и Феррара, Верара, Веррара)	Феррара	Феррара
Анвер	–	Антверпен
в Нидерландии	–	во Фландрии

⁷ См.: 1) РГБ: Рукописный отдел. Ф. 178/3717: Корнелия. Мишеля Сервантеса Сааведры с французского на русской перевел Никанор Ознобишин в Москве 1761 месяца апреля; 2) Повесть, Корнелия // Повести Михайлы Сервантеса: В 3 ч. / перевел с франц. Федор Кабрит. Ч. 2. М., 1805. С. 1–93; 3) Сеньора Корнелия // Сервантес Сааведра М., де. Наиздавательные новеллы. М.; Л., 1934. С. 185–237.

Как видно, расхождения подчас значительные и связаны они, на наш взгляд, не только с тем, что переводчики работают с различными первоисточниками, но и с тем, что знания по истории страны у переводчиков отличались, общая художественная культура была иной и, наконец, может быть, главное – два первые перевода отстоят друг от друга на 44 года, а последний перевод был сделан в 1934 г., т. е. через 173 года после первого.

Перевод Н.И. Ознобишина почти не имеет абзацев, отличается крайней неупорядоченностью в орфографии и пунктуации, прямая речь графически не выделяется и не отделяется от прочего текста; текст идет без членения на предложения.

Данный перевод, сделанный в 1761 г., максимально близок к переводческой культуре Петровской эпохи. Переводчик использует русизмы и в этой повести: «свивал<ь>ник», «червонцы», «деревня», «мужичка»; непонятный ему предмет, обозначенный словом «агнус»⁸, заменяет на «перстень», поскольку это слово использовано в контексте, где оно может значить только одно – какая-то драгоценность. Н.И. Ознобишин и в сокращениях текста, и заменах каких-то деталей идет за французским переводом, как и Ф. Кабрит. Ф. Кабрит значительно в большей степени членит текст на абзацы, предложения, выделяет прямую речь (но в соответствии с правилами эпохи: внутри текстовых абзацев), соблюдает орфографию и пунктуацию в соответствии с требованиями начала XIX в. Б. Кржевский владеет иной техникой перевода, соответствующей нормам и правилам XX в.

Сравним⁹:

⁸ Б. Кржевский в примечаниях объясняет, что значит «агнус» – «Агнус (лат. agnus – ягненок) – католический талисман, имевший форму ягненка. Он изготовлялся из пасхальных свечей и освящался папой. Ему приписывалось свойство охранять от бури, пожара, молнии, злых духов и т. д. Женщины привилегированных классов обычно отделявали этот талисман драгоценной оправой и носили на груди как украшение» (с. 387).

⁹ Страницы указываются в тексте по следующим источникам: 1) РГБ: Рукописный отдел. Ф. 178/3717: Корнелия. Мишеля Сервантеса Сааведры с французского на русской перевел Никанор Ознобишин в Москве 1761 месяца апреля; 2) Повесть, Корнелия // Повести Михайлы Сервантеса: В 3 ч. / перевел с франц. Федор Кабрит. Ч. 2. М., 1805. С. 1–93; 3) Сеньора Корнелия / перев. с исп. Б. Кржевского // Сервантес Сааведра М., де. Назидательные новеллы. М.; Л., 1934. С. 185–237.

<i>Н. Озобишин (1761)</i>	<i>Ф. Кабрит (1805)</i>	<i>Б. Кржевский (1934)</i>
То приехавши в Анвер прислали к ним письма (л. 2).	Они разсудили по приезде своем в армию к ним писать (с. 1).	В Антверпене они получили письма от родителей (с. 185).
Я не должен придавать позорищу мать сего птенца, который ради неразумия моего мне поверен (л. 7).	Я не должен подвергать безславию мать этого дитяти, врученного мне по моей неосторожности (с. 7).	Это может навлечь беду на тех, кто отдал ребенка (с. 188).
Какое прекрасное дитя вскричала госпожа цалуя и прижимая его нежно к себе (л. 20 – 21).	Ах! как он любезен! сказала госпожа, целуя и с нежностью прижимая в своих объятиях (с. 24).	Она взяла младенца на руки, внимательно осмотрела его лицо... прижав его к себе (с. 198).
Оне как тот так и другой равно мне милы (л. 39).	Оба они мне любезны (с. 48).	– Я чересчур сильно люблю герцога и своего брата (с. 210).
Жизнь этова князя и вашего брата равно мне дороги (л. 39).	Жизнь сего принца, и жизнь вашего брата равно для меня драгоценны (с. 49).	– Здоровье и спокойствие герцога и вашего брата я буду охранять, как зеницу ока (с. 211).
Вот та мужичка на которой я женитца хочу (л. 73).	Вот та девушка, на которой я намерен женитца (с. 92).	– Следует ли вам разрешить мне жениться на крестьянке (с. 235).

Сравнивая данные переводы, нельзя, пожалуй, говорить о такой категории, как совершенство или несовершенство: каждый из них отражает литературную культуру, в том числе и переводческую, своей эпохи: классицистическую, сентименталистскую и реалистическую соответственно.

Основные принципы перевода прозы, определившиеся в середине XVIII в., оставались неизменными и в начале XIX в. Правда, «Сеньора Корнелия» в переводе Федора Кабрита близка к сентиментальной повести. Избежать этой зависимости переводчик вряд ли мог. Более того, он усилил мотив юности героев, их ветрености.

Так, в переводе 1805 г. смягчен родительский гнев по отношению к заблудшим чадам, т. е. Антонию и Жуану. Хотя родители и узнали обо всем, но письма их «были исполнены родительскою нежностью»¹⁰. Дон Антонио и дон Жуан «любимы и почитаемы»,

¹⁰ Повесть, Корнелия... С. 1.

«молоды и пригожи», «хорошо воспитаны, щедры, вежливы»¹¹; брат Корнелии, по Ф. Кабриту, Лаврентий (имя русифицировано) – «одаренный превосходнейшими качествами молодой дворянин»¹²; «Болония» – один из «достоинейших городов в Италии»¹³; дон Жуан – «великодушный кавалер»¹⁴. «Ах! велите мне его подать, сказала незнакомка. <...> Ах! как он любезен! сказала Госпожа, целуя и с нежностью прижимая в своих объятиях»¹⁵. «Любивший вас никогда не может перестать любить», – воскликнул дон Жуан¹⁶. Замечательна в этом смысле одна из последних в повести сентенций: «Вот та девица, на которой я намерен жениться, сказал герцог, и я надеюсь, любезный мой Бентиволио, что вы, увидя ее, не воспрепятствуете моим желанием, и позволите мне в брачном союзе с нею сделаться щастливейшим из смертных!»¹⁷. Хотя более точный перевод – не «девица», а именно «мужичка», как у Н.И. Ознобишина, или чуть мягче – «крестьянка», как у Б.А. Кржевского, так как смысл шутки, придуманной герцогом, заключается именно в том, что он объявляет о намерении жениться на простой крестьянке.

Сентиментализация перевода Ф. Кибрита очевидна: его стиль не только сродни стилю «Бедной Лизы», «Натальи, боярской дочери», но он определен поэтикой сентиментализма, благо, сюжетно-фабульная основа «Корнелии» так подходила и во многом совпадала с любовно-психологической сентиментальной повестью. Его перевод удачно вливался в общий историко-литературный и культурный контекст эпохи, которая действительно все еще характеризовалась превалированием переводных произведений над оригинальными, именно к ним был «преимущественный интерес читателя», однако это не является «одним из существенных признаков “периферийности” прозы», – как полагает В.Н. Топоров [Топоров 1995, с. 41]. Нельзя согласиться с исследователем, что общий «прозаический» контекст конца XVIII – начала XIX в. был скуден и беден (так считает В.Н. Топоров вслед за П. Вайлем и А. Генисом [Топоров 1995, с. 39]). Напротив, «Бедная Лиза» появилась не на пустом месте, Карамзин не «в одиночку распорядился будущим русской прозы» («распорядился» – как это не

¹¹ Там же. С. 3.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Там же. С. 2.

¹⁴ Там же. С. 11.

¹⁵ Там же. С. 24.

¹⁶ Там же. С. 49.

¹⁷ Там же. С. 92.

по-карамзински!), и статус русской прозы к концу XVIII в. был достаточно высок, а «Бедная Лиза» – не оазис в литературной пустыне. Карамзин-прозаик и смог-то родиться благодаря мощному прозаическому течению второй половины XVIII в., благодаря быстрой эволюции повести и романа – и не только в переводе, но и в оригиналах, о чем (особенно в последние десятилетия) писали многие литературоведы: Б.М. Эйхенбаум, Ю.М. Лотман, Ф.З. Канунова, Г.П. Макогоненко, Н.Д. Кочеткова, Б.А. Успенский, В.И. Фёдоров и другие.

Исходя из своих личных интересов, литературных пристрастий, Ф. Кабрит обратился к новеллам «Михайлы» Сервантеса, причем здесь он вполне следовал духу времени – «переводить надлежит таких писателей, которые всеми за лучших почитаются» [Кочеткова 1995, с. 224]. Ф. Кабрит в отличие от Н.И. Ознобишина явно рассчитывал на «чувствительного» реципиента: отсюда повышенная эмоциональность его перевода, усиление восклицательных конструкций, возвышенные любовные и дружеские чувства. Можно сказать, что тема новеллы – «награждённая добродетель», столь часто варьировавшаяся в оригинальной и переводной прозе конца XVIII – начала XIX в. Стремление к естественности и правдивости и вместе с тем увлекательность интриги, высокое понятие о чести и достоинстве и наряду с этим – экзотика далекой «Гишпании», прекрасной Италии, изображение жизни народов других стран – все это, безусловно, привлекало к себе русских читателей обозначенного периода. В контексте интереса русской читающей публики к творчеству Сервантеса перевод Ф. Кабритом повестей великого испанца был актуален и значим, более того, он был востребован, пользовался значительным читательским спросом.

Перевод Б.А. Кржевского (1934) отразил совершенно иную литературную и переводческую культуру, обогащенную традициями мировой и отечественной литературы. Прежде всего он осуществлялся на основе языка оригинала – испанского; 61 страницу занимает текст на испанском¹⁸, 52 – на русском языке. Лексически, грамматически и стилистически перевод соответствует требованиям эпохи – 30-м годам XX в. Убраны излишние архаизмы, нет столь характерных для XVIII–XIX вв. инверсий, переводчик вслед за текстом оригинала его тщательно абзацирует, везде графически выделяет прямую речь... Публикация новеллы снабжена примечаниями переводчика, хотя и весьма лапидарными. Перевод Б.А. Кржевского, конечно, более адекватен тексту оригинала, нежели переводы

¹⁸ См.: Obras completas de M. de Cervantes Saavedra Novelas ejemplares. Vol. 3. Madrid, 1925. P. 69–130.

Н. Ознобишина и Ф. Кабрита, поэтому на протяжении многих десятилетий прошлого столетия он вполне удовлетворял читательские запросы любителей Сервантеса, неоднократно переиздавался.

*Содержание перевода Н.И. Ознобишина
повести Мигеля де Сервантеса «Сеньора Корнелия»*

Обратимся к содержанию переведенной Н.И. Ознобишиным повести М. де Сервантеса «Сеньора Корнелия» (в переводе – «Корнелия»). В «Корнелии» нет датировки происходящих событий, но по разбросанным в повести деталям можно приблизительно установить время действия, поскольку один из персонажей повести, Алфонсо Дэсто (так называет его Н. Ознобишин) – реальное лицо¹⁹.

Алфонсо Дэсто – это герцог Феррары Альфонс II де Эсте. Он родился в 1533 г. и умер в 1597 г. Его жена – Лукреция Медичи (1545–1562), но она не может быть прототипом Корнелии, поскольку на Корнелии, как сказано в повести, герцог женился перед самой смертью своей матери, а герцогиня-мать (Рени де Франс²⁰) умерла в 1575 г., герцогу Альфонсо де Эсте в это время было 42 года.

В течение 1568–1573 гг. в Нидерландах (в том числе и в провинции Фландрия) осуществлялся террористический режим испанского герцога Альбы, вторгшегося в Нидерланды со своей армией, которая наводила ужас на местное население. Очевидно, что к концу этого периода во Фландрию и «приехали» герои Сервантеса – испанцы Антоний Изунца и Жуан Камбоа, которые вскоре решили возвратиться в «Гишпанию» (Испанию), поскольку «в Нидерландии для них нечего было более делать»²¹ – из-за возникшей мирной передышки (очевидно, вследствие поражения испанцев и, в связи с этим, отставки Альбы). Было им в это время, как указывает автор повести, одному 24 года, а другому – 26 лет. Перед возвращением в Испанию Антоний и Жуан решили путешествовать, отправились в Италию, перебивали во всех главных городах, и «им несколько время пожить захотелось»²² в Болонье, где они встретились с юной Корнелией (в повести ей не более 20 лет) и герцогом.

¹⁹ *Кржевский Б.А.* Примечания // Сервантес Сааведра М., де. Назидательные новеллы. М.; Л., 1934. С. 387.

²⁰ Герцоги Феррарские и Моденские из дома Эсте. URL: <http://nobles.parod.ru/modena.htm> (дата обращения 14.04.2024).

²¹ РГБ. Ф. 178/3717: Корнелия. Мишеля Сервантеса Сааведры с французского на русской перевел Никанор Ознобишин в Москве 1761 месяца апреля. Л. 3.

²² Там же.

Сам Сервантес находился в Италии в течение 1570–1575 гг. [Балашов 1985, с. 362]. Все вышесказанное позволяет предположить, что события в повести развиваются именно в это время, скорее всего, в 1573–1575 гг. Герцог Алфонсо Дэсто в повести выглядит более молодым, чем был в это время герцог Альфонсо II де Эсте (но при этом эпитет «молодой» по отношению к герцогу не употреблен ни разу, а дон Антоний и дон Жуан неоднократно называются молодыми). Ни о каких реальных фактах из жизни Альфонсо II де Эсте в повести не говорится, равно как нет сведений о том, что описанные события имели место в реальной жизни. Сервантес берет только имя известного лица, помещая его в вымышленный бытовой контекст, переплетая его судьбу с судьбами вымышленных персонажей (это традиционный путь литературно-исторических сюжетов).

Таким же «громким», что называется «на слуху», именем является и фамилия Бентиволио. В этом семействе были кардиналы и правители; в течение полутора веков (XV – первая половина XVI в.) оно владело Болоньей²³, но у Сервантеса об этом речь не идет, в его повести это просто известная, уважаемая в Болонье семья со строгими традициями и нравами. Используя реальное имя, Сервантес придумывает представителей этого семейства (Корнелия, Лауренто) и их истории, судьбы.

Итак, как мы уже отмечали выше, реальные географические названия (Фландрия, Анвер, Италия, Болонья, Феррара) и реальные имена (Альфонсо де Эсте, Бентиволио) «подтверждают» достоверность описанных в повести событий и «реальность» всех действующих в ней персонажей. На фоне настоящих имен вымышленные персонажи воспринимаются читателем как «настоящие», что вполне соответствовало литературной культуре и эпохи Возрождения, и XVIII в.: интересно и полезно лишь достоверное, существующее на самом деле.

«Назидательные новеллы» М. Сервантеса отличались критическим или идиллическим пафосом; «Сеньора Корнелия» принадлежит ко второму виду, и Н.И. Ознобишин прекрасно сумел этот идиллический пафос передать в своем переводе.

Герои повести Антоний Изунца и Жуан Камбоа – благородны и честны, отзывчивы и добры. Эти свойства личности привлекают к ним других персонажей повести – Корнелию, Лауренто Бентиволио, герцога Алфонсо Дэсто и не только их. «...общество (в Болонье. – О. Б.) почитать их начало, ибо... разум их был так остер, что оне, будучи щедры, хорошо воспитаны, богато убраны и ни в чом

²³ Кржевский Б.А. Примечания... С. 387.

не притворяя натурального зверства, коим обыкновенно гишпанцов обвиняют, привлекли к себе дружество от всех как италианских, так и чужестранных знатных особ»²⁴. У Сервантеса (см. перевод Б. Кржевского) суперлативная характеристика молодых испанцев более развернута и подробна²⁵. При этом, по молодости своей, они достаточно легкомысленны и любопытны: так, не подумав о последствиях, дон Жуан берет новорожденного младенца, которого, обознавшись, отдала ему служанка Корнелии. В результате молодые люди оказались замешаны в очень сложную интригу, в запутанные отношения двух благородных семейств и смогли помочь Корнелии Бентиволио соединиться с ее любимым – герцогом Алфонсом Дэсто (Альфонсом де Эсте) – и помирить герцога с Лауренто Бентиволио. Дон Жуан спас жизнь герцогу (не зная, кто он), а дон Антоний приютил сбежавшую из дома Корнелию.

В повести активно используется античный прием узнавания по различным деталям. Герцог узнаёт своего спасителя дон Жуана по своей шляпе, которую отдаст ему после своего сражения с Бентиволио и его слугами; по этой же шляпе «с бриллиантовой петлей» Корнелия ошибочно примет дон Жуана за герцога, а дон Жуан вследствие этого узнает, кого он спас во время «шпажного боя». Корнелия по богатому «свивалнику» (пеленке) узнает своего ребенка, казалось, потерянного ею навсегда, ибо служанка ее отдала его неведомо кому. Герцог узнает, что младенец – его сын, по тем драгоценностям, которые он дарил Корнелии (ими, по совету пастора, – у которого будет скрываться Корнелия, когда тайно покинет квартиру приютивших ее испанцев, – она украсит младенца, коего пастор покажет герцогу).

К античным ретардациям и перипетиям восходят внезапные повороты в развитии сюжета и «обманные» сюжетные ситуации. Так, служанка «гишпанцов» (которой дон Жуан и его друг поручили заботиться о Корнелии, когда сами поехали вместе с Лауренто Бентиволио к герцогу Феррарскому) убедила девушку бежать из их квартиры, потому что это убежище слишком ненадежно и опасно для молодой женщины; кроме того, служанка опасалась, что испанцы вступили в сговор с Лауренто Бентиволио и тот явится, чтобы жестоко наказать свою сестру, нанесшую такой урон чести их семейства. Тем временем Бентиволио с испанцами достигли Феррары, встретились с герцогом, дон Жуан сумел все герцогу объяснить, а тот, в свою очередь, объяснил свои намерения Бентиволио. Сулпиция (служанка, которая отдала ребенка мнимому Фабио) узнала

²⁴ Там же. Л. 3 об.

²⁵ Сеньора Корнелия... С. 186.

дон Жуана и подтвердила, что отдала младенца Корнелии именно этому человеку. Недоразумение было разрешено, ссора прекращена и, счастливые, что Корнелия нашлась, герцог и Бентиволио вместе с испанцами поехали в Болонью. Дон Антоний поскакал вперед, чтобы уведомить Корнелию о прибытии герцога и брата и о благополучном разрешении всего недоразумения. «Но успех его был бесполезен: Корнелии в Болонии уже не было»²⁶. Дон Антоний в отчаянии и от этого непонятного и внезапного исчезновения Корнелии, и от того, что Бентиволио и герцог сочтут теперь испанцев лжецами и интриганам. Прибывшие итальянцы и дон Жуан тоже были в отчаянии и недоумении. Тут происходит ложный поворот к благополучной развязке: слуга сообщает, что в соседней горнице у Сенти Стефана находится «пригожая женщина» по имени Корнелия. Однако радость присутствующих была напрасной: женщина действительно оказалась Корнелией, но не той, которую они искали. Герцог в полном отчаянии уехал из Болоньи в Феррару. «И добрая его фартуна, которая предводительницею ему служила, сделала <так>, что он нечаянно приехал в ту деревню, куды служанка гишпанских господ Корнелию увезла»²⁷. Священника этих мест герцог хорошо знал, поскольку часто там охотился и, соответственно, навещал пастора Фердинанда. Корнелию служанка испанцев привезла именно к этому старому и доброму человеку, поскольку – объяснила она Корнелии – лучше будет, если ее обнаружат у этого святого старца, нежели у молодых испанцев. Пастор Фердинанд принял живое участие в судьбе Корнелии и взялся ей помочь. Поскольку Корнелия, узнав о приезде герцога, не знала, радости или горя ей ждать, пастор взялся осторожно выведать у герцога о его намерениях. Он велел Корнелии украсить младенца драгоценностями, которые были подарены ей герцогом, и показал его пребывающему в глубокой печали Алфонсу Дэсто. «Герцог удивился, увидев те алмазы, которые ему принадлежали. Изумления его наиболее удвоилось, когда он в младенце тот точной патрет нашол»²⁸. И снова неожиданный поворот в развитии сюжета: увидев вслед за тем Корнелию, герцог повел себя не так, как ожидала девушка: «Подал рабионка патеру, побежал назад в самое толко время, как лишь любезная его во об<ь>ятия ему кинутца готовилась»²⁹. А он, оказывается, «для того толко и назад ушол, чтоб

²⁶ РГБ. Ф. 178/3717: Корнелия. Мишеля Сервантеса Сааведры с французского на русской перевел Никанор Ознобишин в Москве 1761 месяца апреля. Л. 54.

²⁷ Там же. Л. 61.

²⁸ Там же. Л. 65 об.

²⁹ Там же. Л. 67.

послать тот же час Фабию в Болонию» – за испанцами и Бенвиволио³⁰. И, тут же вернувшись к Корнелии, объяснил свое поведение, успокоил плачущую девушку, объявил о готовности немедленно жениться на ней, несмотря на нежелание его матери видеть Корнелию своей невесткой.

Прибывшие испанцы и Лауренто Бенвиволио еще ничего не знали, и герцог, бывший вне себя от радости, решил над ними подшутить: он им объявляет, что поскольку Корнелия пропала, он женится на «мужичке», да еще уверен при этом, что все присутствующие одобряют этот брак, которого требует от него пастор. «Бенвиволио, который не ожидал таких слов, в лице переменялся. Ярость и злоба в глазах его запыхлала. Он не знал, за что принятая, и оба гишпанцы в гневе и удивлении ему не уступали»³¹. Не чувствуя подвоха, испанцы обещают Бенвиволио, что приведут герцога в раскаяние, и тот заплатит «за многую обиду, которую он таперь Корнелии и всем нам досадительно зделал»³². А далее, когда герцог в качестве невесты-«мужички» представил присутствующим Корнелию, «Бенвиволио и гишпанцы смеялись над шудкою. И Фердинанд сам того ж дня с великим торжеством свадьбу обвенчал»³³.

Любовный сюжет всегда заканчивается свадьбами. Так и в этой повести автор в заключение объявляет о свадьбах: Корнелия вышла замуж за герцога, Фабио женился на Сулпиции, «гишпанцам» предлагали жениться на герцоговых родственницах, но они предпочли вернуться в Испанию, ибо у них принято жениться в своем отечестве. Однако, отказавшись от женитьбы на итальянках, они не смогли отказаться от богатых подарков, которыми одарили их Корнелия и герцог³⁴.

Секретные истории сильных мира сего, «разоблачения», некие «правдивые истории», повествование от первого лица или лица некоего исторического деятеля – все это быстро усвоено русскими авторами, переводчиками, читателями. Таким образом, западноевропейское романное мышление через переводы вполне осваивалось на русской почве.

Повествование в «Корнелии» ведется от третьего лица – автора. Но и речь рассказчика, и речь автора-повествователя – не сплошной монолог, в нее включаются и высказывания персонажей, т. е. прямая речь. Она графически не выделена, сливается с остальным

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 70 об.

³² Там же. Л. 71 об.

³³ Там же. Л. 72 об.

³⁴ Там же. Л. 73.

текстом. Это не является особенностью именно ознобишинского текста, это вообще характерная черта в переводах XVIII в. Диалоги, прямая речь, не собственно прямая речь и другие виды речи только-только еще осознавались переводчиками, поэтому очень часто оригинальный (особенно рукописный) текст не содержит графического оформления диалогов и прямой речи. Переводчики просто не умели еще этого делать. Давно усвоенные в русской оригинальной литературе риторические приемы (такие, как риторические вопросы, восклицания, обращения, анафоры, повторы, синтаксический параллелизм) сложно «шли» в переводах середины века. Переводчик, прежде всего, стремился к точному переводу лексики, не особенно заботясь о красотах стиля. Стилистический рисунок оригинального текста не всегда диктовал стиль перевода: конструкции оригинальной разговорной речи подменялись или книжной фразеологией, или, наоборот, переводчик впадал в другую крайность: разговорная интонация определяла основные речевые краски перевода.

Из всех переводов Н.И. Ознобишина «Корнелия» является наиболее интересным художественным текстом, что, разумеется, обусловлено совершенством повести Сервантеса, которой не повредил даже двойной перевод (с испанского на французский и уже с французского – на русский). Можно только пожалеть, что ознобишинский перевод новеллы Сервантеса так и не был опубликован и остался неизвестным широкому кругу читателей второй половины XVIII в.

Таким образом, приключенческий «исторический» сюжет с четко расставленными этическими акцентами и благополучным финалом не мог не быть интересным русским читателям, как не мог не быть интересным для них и новый, по сути дела, жанр повести с элементами исторического повествования и любовными перипетиями сюжета. Переводы подобных произведений способствовали становлению жанра повести в России, что придется уже на конец столетия, в литературе сентиментализма. А генезис жанра русской повести необходимо видеть не только в «гисториях» петровской эпохи, но и в переводной западноевропейской прозе, органично входившей в русский литературный процесс середины XVIII в.

Литература

Алексеев 1985 – Алексеев М.П. Из истории испано-русских литературных отношений XVI – начала XIX в. // Алексеев М.П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 7–169.

- Алпатов 1963 – *Алпатов М.В.* «Назидательные новеллы» Сервантеса // Этюды по истории западноевропейского искусства. М., 1963. С. 265–274.
- Багно 1988 – *Багно В.Е.* Дорогами «Дон-Кихота». М., 1988. 450 с.
- Балашов 1985 – *Балашов Н.И.* Сервантес // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 3. М., 1985. С. 360–372.
- Берковский 1962 – *Берковский Н.Я.* Новеллы Сервантеса // Берковский Н.Я. Статьи о литературе. М.; Л., 1962. С. 107–130.
- Берковский 1955 – *Берковский Н.Я.* Новеллы Сервантеса // Сервантес Сааведра М., де. Назидательные новеллы. М., 1955. С. 12–21.
- Державин 1958 – *Державин К.Н.* Сервантес: Жизнь и творчество. М., 1958. 743 с.
- Калашникова 1991 – *Калашникова О.Л.* Русский роман 1760–1770-х годов. Днепропетровск, 1991. 160 с.
- Копанев 1988 – *Копанев Н.А.* Из истории международной книготорговли. Л., 1988. 158 с.
- Копанев 1990 – *Копанев Н.А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 14 с.
- Корконосенко 2004 – *Корконосенко К.С.* Перевод с испанского в XVIII в.: «Прекрасная цыганка» Сервантеса // Русская литература. 2004. № 4. С. 117–118.
- Кочеткова 1995 – *Кочеткова Н.Д.* Середина 1780-х годов – 1800: Сентиментализм // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 1: Проза. СПб., 1995. С. 213–279.
- Пахсарьян 1996 – *Пахсарьян Н.Т.* Генезис, поэтика и жанровая система французского романа 1690–1760-х гг. Днепропетровск, 1996. 267 с.
- Сазонова 1999 – *Сазонова Л.И.* Переводной роман в России XVIII в. как *ars amandi* // XVIII век: Сб. 21. СПб., 1999. С. 127–139.
- Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М., 1995. 509 с.
- Умикян 1959 – *Умикян А.Д.* Мигель де Сервантес Сааведра // Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке: 1763–1957. М., 1959. 130 с.
- Умикян 1948 – *Умикян А.Д.* Ранние русские переводы Сервантеса (1763–1831): Библиографические заметки // Сервантес: Статьи и материалы. Л., 1948. С. 214–219.

References

- Alekseev, M.P. (1985), “From the history of Spanish-Russian literary relations of the 16th – early 19th century”, in Alekseev, M.P. *Russkaya kul'tura i romanskii mir* [Russian culture and the Romanesque world], Leningrad, USSR, pp. 7–169.

- Alpatov, M.V. (1963), “ ‘Exemplary short stories’ by Cervantes”, in *Etyudy po istorii zapadnoevropeiskogo iskusstva* [Studies on the history of Western European art], Moscow, USSR, pp. 265–274.
- Bagno, V.E. (1988), *Dorogami “Don-Kikhota”* [The roads of Don Quixote], Moscow, USSR.
- Balashov, N.I. (1985), “Cervantes”, in *Istoriya vsemirnoi literatury: V 9 t.* [History of the world literature: in 9 vols], Moscow, USSR, vol. 3, pp. 360–372.
- Berkovskii, N.Ya. (1962), “Novellas of Cervantes”, in Berkovskii, N.Ya. *Stat’i o literature* [Articles on literature], Moscow, Leningrad, USSR, pp. 107–130.
- Berkovskii, N.Ya. (1955), “Novellas of Cervantes”, in Servantes Saavedra, M., de, *Nazidatel’nye novelly* [Exemplary short stories], Moscow, USSR, pp. 12–21.
- Derzhavin, K.N. (1958), *Servantes: Zhizn’ i tvorchestvo* [Cervantes. Life and works], Moscow, USSR.
- Kalashnikova, O.L. (1991), *Russkii roman 1760–1770-kh godov* [Russian novel of the 1760s–1770s], Dnepropetrovsk, USSR.
- Kopanev, N.A. (1988), *Iz istorii mezhdunarodnoi knigotorgovli* [From the history of international book trade], Leningrad, USSR.
- Kopanev, N.A. (1990), *Frantsuzskaya kniga i russkaya kul’tura v seredine XVIII veka* [French book and Russian culture in the middle of the 18th century, Abstract of Ph.D. dissertation (History)], Leningrad, USSR.
- Korkonosenko, K.S. (2004), “Translation from Spanish in the 18th century. ‘The Beautiful Gypsy’ by Cervantes”, *Russkaya literature*, no. 4, pp. 117–118.
- Kochetkova, N.D. (1995), “Mid-1780s – 1800. Sentimentalism”, in *Istoriya russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury: Drevnyaya Rus’. XVIII vek* [History of Russian translated fiction. Ancient Rus. 18th century], Saint Petersburg, Russia, vol. 1, pp. 213–279.
- Pakhsaryan, N.T. (1996), *Genezis, poetika i zhanrovaya sistema frantsuzskogo romana 1690–1760-kh godov* [Genesis, poetics and genre system of the French novel of the 1690s – 1760s], Dnepropetrovsk, Ukraine.
- Sazonova, L.I. (1999), “Translated novel in Russia of the 18th century as *ars amandi*”, in *XVIII vek: Sb. 21.* [18th century. Col. 21], Saint Petersburg, Russia, pp. 127–139.
- Toporov, V.N. (1995), *“Bednaya Liza” Karamzina. Opyt prochteniya* [“Poor Lisa” Karamzin. The experience of reading], Moscow, Russia.
- Umikyan, A.D. (1959), “Miguel de Cervantes Saavedra”, in *Bibliografiya russkikh perevodov i kriticheskoi literatury na russkom yazyke: 1763–1957* [Bibliography of Russian translations and critical literature in Russian. 1763–1957], Moscow, USSR.
- Umikyan, A.D. (1948), “Early Russian translations of Cervantes (1763–1831). Bibliographic notes”, in *Servantes: Stat’i i materialy* [Cervantes. Articles and materials], Leningrad, USSR, pp. 214–219.

Информация об авторах

Олег М. Буранок, доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия; 443010, Россия, Самара, ул. Толстого, д. 47; olegburanok@yandex.ru

Александр О. Буранок, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; buranok@yandex.ru

Information about the authors

Oleg M. Buranok, Dr. of Sci. (Philology), Dr. of Sci. (Pedagogics Sciences), professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia; 47, Lev Tolstoy St., Samara, Russia, 443010; olegburanok@yandex.ru

Aleksandr O. Buranok, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; buranok@yandex.ru

УДК 82: 94(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-89-111

Отцы и дети в литературе и повседневной жизни конца XVIII – начала XIX в.

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Институт научной информации по общественным наукам
РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия, kianoks@inbox.ru*

Аннотация. В статье речь идет о взаимоотношениях отцов и детей на страницах литературных произведений и в повседневной жизни конца XVIII – начала XIX в. Взаимоотношения отцов и детей рассматриваются на примерах двух семей – семей декабристов П.И. Пестеля и С.И. Муравьева-Апостола. Делается вывод о том, что в этих семьях между родителями и детьми существовал серьезный мировоззренческий конфликт. Литература же этой эпохи не смогла этот конфликт увидеть и описать, традиционно продолжая считать детей лишь исполнителями наставлений родителей.

Ключевые слова: отцы и дети, декабристы, И.Б. Пестель, П.И. Пестель, И.М. Муравьев-Апостол, С.И. Муравьев-Апостол

Для цитирования: Киянская О.И. Отцы и дети в литературе и повседневной жизни конца XVIII – начала XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 89–111. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-89-111

Fathers and children in literature and everyday life of the late 18th – early 19th century

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia, kianoks@inbox.ru*

Abstract. The article refers to the relationship between fathers and children on the pages of literary works and in everyday life in the late 18th – early 19th centuries. The relationship between fathers and children is considered on the examples of two families – the families of Decembrists P.I. Pestel and

© Киянская О.И., 2024

S.I. Muravyov-Apostol. It is concluded that in those families there was a serious worldview conflict between parents and children. The literature of that epoch failed to see and describe the conflict, traditionally continuing to consider children as mere executors of their parents' instructions.

Keywords: fathers and children, Decembrists, Ivan Pestel, Pavel Pestel, Ivan Muravyev-Apostol, Sergei Muravyev-Apostol

For citation: Kiyanskaya, O.I. (2024), "Fathers and children in literature and everyday life of the late 18th – early 19th century", *RSUH/RGGU Bulletin*, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies", no. 9, pp. 89–111, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-89-111

Не надобно другого образца,
Когда в глазах – пример отца.
А.С. Грибоедов. Горе от ума

Тема воспитания дворянина, пришедшая в Россию из европейского классицизма и французского Просвещения, прочно завоевала страницы литературных произведений конца XVIII – начала XIX в. Руссоистские представления об изначальной доброте человека и о том, что от родителей и воспитателей зависит, каким человек будет во взрослом возрасте, адаптировались к русским реалиям. На эту тему высказывались многие отечественные литераторы. Николай Карамзин, например, вопрошал:

Могут ли ничтожные светские забавы сравняться с нежными чувствами супруга и родителя, который, дав жизнь детям, дает им и мысли и чувства; ежедневно видит развитие души их, веселится ими как своею милою собственностью и готовит свету украшенные нравственные образы самого себя?

Карамзин был уверен, что воспитание детей «есть и долг гражданина, обязанного в семействе своем образовать достойных сынов отечества». «Нежный отец семейства», – по мнению автора «Бедной Лизы», – есть всегда нежный сын отечества, с судьбою которого соединена участь детей его. Наконец скажем, что без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионы».

В итоге, по Карамзину, выгоду получит и государство, и «нежный отец»: от детей он дождется любви и благодарности», что будет составлять для него «главное удовольствие в жизни»¹.

¹ *Карамзин Н.М.* Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Вестник Европы. 1802. № 12. С. 326–327.

Большинство писателей, публицистов, и, так сказать, родителей-практиков были согласны с Карамзиным в определении детей как «нежной собственности» родителей. Александр Радищев, утверждавший в «Путешествии из Петербурга в Москву», что дети – не собственность родителей и, более того, ничего им не должны, поскольку не просили себя рожать и воспитывать, остался в явном меньшинстве². Необходимость и родительских наставлений как таковых, и исполнение этих наставлений детьми – стали общим местом в литературе и публицистике 1810–1820-х гг. Так, например, в альманахе «Полярная звезда» на 1824 год была опубликована «аллегория» Федора Глинки «Прохожий»:

Отец престарелый завел мимоходом сына-юношу на большой дороге в гостиницу. «Потерпи здесь, – сказал он сыну, – веди себя порядочно, а я, погодя, зайду за тобою; если ты не сделаешь *худого*, мы придем *в хорошее* место». Притом отец вверил сыну кроткую *горлицу* и белого воска *свечу* с фонарем надежным. И был такой завет от отца: «береги, дитя, эту горлицу, как зеницу своего ока, и не давай никому гасить свечи, от меня зажженной...».

Сын долго берег горлицу и свечу несмотря на то, что злые люди пытались сгубить его невинную *горлицу*, и с громким хохотом махали нечистыми одеждами, чтобы загасить его *заветную свечу*.

Когда же вернулся отец, то он похвалил сына за терпение и повел его *в лучшее место*... После старцы, передавая внукам сие предание, толковали так: что невинная горлица – есть наша *чистая совесть*, а свеча в фонаре – наш *здравый рассудок*³.

А поэт-декабрист Кондратий Рылеев в думе «Волынский» (1822 г.) требовал от отцов гражданских наставлений сыновьям:

Отец семейства! Приведи
К могиле мученика сына;
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!⁴

Описания отцовских наставлений принимали порой комические формы – как, например, в «Горе от ума» Грибоедова. Отец гри-

² *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб.: Наука, 1992. С. 49, 56.

³ *Глинка Ф.Н.* Прохожий // «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 427–428.

⁴ *Рылеев К.Ф.* Думы. М.: Наука, 1975. С. 87.

боедовского Молчалина, как известно, завещал сыну угождать всем окружающим, включая «собаку дворника» – «чтоб ласкова была»⁵.

Литературно-публицистическая традиция подразумевала, что сыновья безусловно станут следовать заветам отцов: в этом видели залог будущей счастливой жизни детей. Подобно тому, как сын в притче Глинки сохранил завещанные ему отцом чистую совесть и здравый рассудок, сын в думе «Волынский» обязательно должен был стать правильным гражданином, ну а Молчалин имел хороший шанс дойти по карьерной лестнице «до степеней известных».

Естественно, дети далеко не всегда были послушны, став взрослыми, не всегда следовали нравоучениям, могли промотать отцовское состояние и т. п. В таком случае на помощь приходил евангельский сюжет о блудном сыне:

Так отрок библии, <безумный> расточитель,
 До капли истощив раскаянья фиал,
 Увидев наконец родимую обитель,
 Главой поник и зарыдал⁶.

* * *

Среди детей сановников времен Екатерины Великой, Павла I и Александра I оказались декабристы. Власть высказалась однозначно: и в восстаниях конца 1825 г., и в предшествовавших им событиях император обнаружил немалую вину родителей.

Да обратят родители все их внимание на нравственное воспитание детей. Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, – недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец – гибель. Тщетны будут все усилия, все пожертвования правительства, если домашнее воспитание не будет приуготовлять нравы и содействовать его видам, – гласил императорский манифест от 13 июля 1826 г., посвященный вынесению приговора осужденным⁷.

В исторической реальности, однако, дела обстояли гораздо сложнее: в «праздности ума», безнравственности и «полупознаниях»

⁵ Грибоедов А.С. Горе от ума. М.: Наука, 1988. С. 127.

⁶ Пушкин А.С. Воспоминания в Царском Селе: («Воспоминаньями смущенный...») // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 189.

⁷ [Манифест от 13 июля 1826 г.] // Восстание декабристов: Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 252.

декабристов, по крайней мере их лидеров, обвинить сложно. Для характеристики взаимоотношений отцов и детей в данном случае акцент будет сделан на повседневной истории двух семей: Пестелей и Муравьевых-Апостолов.

Несмотря на то что отцы декабристов были почти ровесниками, принадлежали к одному поколению и закончили свои карьеры в одинаковом чине – высоком чине тайного советника, равном генерал-лейтенанту в армии – и по характеру, и по роду деятельности они были абсолютно разными людьми.

Иван Борисович Пестель (1765–1843) – крупный чиновник-бюрократ конца XVIII – начала XIX в. Происходивший из обрусевшей немецкой семьи, служить он стал в правление Екатерины II, и при ней же дошел «до степеней известных». В 1789 г., 24 лет от роду, он стал московским почт-директором, зарекомендовав себя как верный слуга государыни. Он вскрывал, в частности, переписку московских масонов; эти перлюстрированные послания впоследствии стали одним из факторов, приведших к аресту Николая Новикова⁸.

9 лет спустя, уже при Павле I, Иван Пестель назначен почт-директором в столице, членом, а вскоре и президентом Главного почтового правления России. Однако за два года до смерти императора Пестель попал в опалу и получил отставку. После же убийства Павла его карьера поправилась. Он стал сенатором, в 1806 г. был назначен генерал-губернатором Сибири, в 1816 г. – членом Государственного совета, участвовал и в деятельности нескольких созданных императором комитетов.

Сибирское генерал-губернаторство было вершиной, и в то же время неоднозначным этапом карьеры Пестеля-старшего: большую часть генерал-губернаторского срока он не покидал Петербурга, приобретая покровителей и участвуя в придворных интригах. Злоязычный мемуарист Филипп Вигель писал, что само «имя» Ивана Пестеля «напоминает моровую язву», а «сам он был продолжительным бедствием в Сибири». Он утверждал:

Этот человек любил зло, как стихию, без которой он дышать не может, как рыба любит воду... В другом государстве был бы он повешен. Над преступным сыном его <П.И. Пестелем> свершилась впоследствии сия праведная казнь, которую, может быть, он гораздо более его заслуживал⁹.

⁸ Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. Т. 2. С. 204–205.

⁹ Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Т. 1. С. 395–396.

В 1819 г. он был отставлен от генерал-губернаторской должности, а три года спустя потерял и остальные свои посты. Иван Пестель был женат на близкой родственнице, Елизавете Ивановне, урожденной Крок. В семье было четверо сыновей: Павел, Борис, Владимир и Александр, и дочь Софья. Иван Матвеевич Муравьев (1762–1851, с 1801 г. – Муравьев-Апостол) происходил из известной с XV в. семьи Муравьевых, а по материнской линии приходился правнуком украинскому гетману Даниилу Апостолу. Иван Муравьев-Апостол был дипломатом и писателем, а среди современников слыл «либеральствующим аристократом»¹⁰. В начале 1790-х гг. его пригласили ко двору императрицы Екатерины II, он стал воспитателем великого князя Константина Павловича. После воцарения Павла Муравьев стал дипломатом: представлял Россию в Нижнесаксонском округе, был посланником в Копенгагене.

В 1800 г. 32-летний Иван Матвеевич вернулся в Россию, стал вице-президентом Иностранной коллегии. Новый император, Александр I, благоволил к нему: Муравьев-Апостол получил пост посланника в Мадриде. В 1805 г. Иван Матвеевич оставил этот пост и 19 лет пробыл в опале, причины которой до конца не ясны. Карьера его поправилась в 1824 г.: он стал сенатором и членом Главного правления училищ, занимавшимся формированием государственной политики в области образования. Сенаторский пост он занимал до 1847 г.

Иван Муравьев-Апостол был известным литератором: публицистом, поэтом и переводчиком античных авторов. О нем вспоминали как о человеке, обладавшем «изумительным разнообразием знаний», имевшим «навык к труду кабинетному, способность к развитию плодов его в жизни высшего круга», который «достигнул завидных успехов в тех науках, которые людям высшего общества доставляют проницательность, богатство идей, глубокомыслие и остроумие»¹¹.

Главную же свою жизненную установку Иван Матвеевич сформулировал в письме к Гавриле Державину в 1811 г.: «Пока живу, хочу наслаждаться»¹². Его жена, Анна Семеновна, урожденная Черноевич, тоже занималась литературным трудом, была

¹⁰ Там же. Т. 2. С. 976.

¹¹ *Плетнев П.А.* Отчет Императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности (читанный 29 декабря 1851 г.) // Известия Императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852. Т. 1. Вып. 2. Стлб. 41–42.

¹² *Державин Г.Р.* Сочинения. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. Т. 6. С. 376.

переводчицей: в 1791 г. вышел переведенный ею с французского роман «Пример матерям, или Приключения маркизы де Безир». Она сопровождала мужа в заграничных командировках, а в 1805 г., когда Иван Матвеевич был отозван в Россию, осталась за границей, в Париже, поскольку готовилась к родам. В Париже без мужа, но с семьей детьми она прожила несколько лет, а умерла в марте 1810 г. в Москве, через несколько месяцев после возвращения домой. Кроме троих сыновей – Матвея, Сергея и Ипполита – ставших декабристами, в семье Муравьевых-Апостолов росли четыре дочери: Елизавета, Екатерина, Елена и Анна. Иван Пестель и Иван Муравьев-Апостол были знакомы друг с другом: в 1817 г. сибирский генерал-губернатор помог Муравьеву выиграть дело в Сенате, касающееся наследства его умершего родственника Михаила Апостола. В письме к сыну Павлу генерал-губернатор рассказывал, что, обратившись к помощи всесильного графа Аракчеева, «сумел закончить дело» в пользу своего приятеля.

«Теперь Мур<авьев>-Апостол возносит меня до небес, называя меня благодетелем и спасителем всей его семьи; мне это доставляет удовольствие, поскольку атт<естация> верна», – писал генерал-губернатор¹³.

Следствием выигрыша были права на имение Хомутец Миргородского уезда Полтавской губернии, куда отставной дипломат переехал жить. И Пестель, и Муравьев-Апостол, и их жены – многодетные родители – были уверены, что умеют воспитывать детей. Главное в педагогических установках обеих семей – это патриотизм, которому детей обучали с раннего детства. Иван Пестель объяснял сыновьям, что им следовало «прилежать к учебе и воспитывать свой ум и сердце», приобретать «способности и необходимые познания». Прилежание требовалось постольку, поскольку во взрослой жизни сыновья генерал-губернатора должны были «служить отечеству» – а за это «иметь право ожидать отличий и наград от своего государя»¹⁴.

Согласно отцовским наставлениям, его сыновья, обучаясь с 1805 по 1809 г. в Гамбурге и Саксонии, должны были помнить, что они русские, и любить родину.

«Вы имеете к тому причины по благодеяниям, какие ваши предки снискали здесь с тех пор, как наша семья обосновалась в этой стране. Россия есть наша родина уже более ста лет, наша семья... предана нашей родине (России), надо служить ей со рвением»,

¹³ Из бумаг П.И. Пестеля: Семейная переписка // Восстание декабристов: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 140–141.

¹⁴ Там же. С. 35, 40.

«ваш дед родился в России», «я же не только родился в России, но и никогда не выезжал за пределы моей родины», – объяснял Иван Борисович Павлу¹⁵. Те же самые патриотические настроения культивировались и в семье Муравьевых-Апостолов. В «Письмах из Москвы в Нижний Новгород», опубликованных в 1813–1815 гг. в журнале «Сын отечества», Иван Муравьев-Апостол восклицал: «Истинно все чудесно у нас! Какой народ! Какие в нем силы телесные и душевные! Пространство земли нашей – семнадцать миллионов квадратных верст; народонаселение – сорок четыре миллиона, из которых сорок миллионов одним языком говорят, одним крестом крестятся!..»¹⁶

«Письма» наполнены упреками в адрес тех дворян, которые, воспитав детей, с трудом говорящих на родном языке, нашли лучший способ исполнить долг отцовский: мальчика как можно ранее нарядить в офицерский мундир, а девочку как можно скорее вывозить на бал. Два таких поколения, и чего ожидать? – Того, что мы часто видим: русских нерусских», – негодовал повествователь¹⁷. Те же идеи сыновьям внушала мать – несмотря на то что для них, выросших во Франции, французский язык был родным. Возвращаясь домой и пересекая российскую границу, Матвей и Сергей, «преисполненные любви к родине», «кинулись обнимать сторожевого казака»¹⁸. А Матвей, старший сын писателя, размышляя на склоне лет о себе и братьях, утверждал, что все их действия были проникнуты «благоговением» и «любовью к России» [Сокольский 1963, с. 250]. Однако на воспитании патриотизма общность педагогических установок заканчивалась. В «Письмах из Москвы в Нижний Новгород» Муравьев-Апостол выдвигает целую теорию воспитания молодых дворян. Повествователь – противник раннего вступления дворянских детей в службу.

«Отпускать мальчика в 15 лет на службу для того, чтобы заранее укрепить физические его силы! – Это все равно, что сказать: дабы ускорить созревание плода, должно не давать ему времени созреть – бессмыслица!.. я все еще спрошу: что нужнее Отечеству, богатырь ли телом или богатырь душою? – Если первой нужнее, то нет нам надобности не только в университетах, но даже и в наемниках-французах: купать нас всех в крещенские морозы в прорубах...

¹⁵ Там же. С. 36, 124, 62.

¹⁶ *Муравьев-Апостол И.М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб.: Наука, 2002. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 17.

¹⁸ *Якушкин В.Е.* Матвей Иванович Муравьев-Апостол. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1886. С. 154.

и кто выдержит, тот и слуга Отечеству», – публицистически негодовал Иван Матвеевич. Не приветствовал автор «Писем» и занятия дворянских отпрысков математикой. Повествователь-патриот клеймил французов за излишнее увлечение этой наукой: «В этом народе давно сердце высохло; не в состоянии более производить Расинов, он гордится теперь Кондорсетами».

Противопоставляя драматурга Расина математику-философу Кондорсе, повествователь утверждает, что математические науки ведут к «неверию» и – в итоге – «раскрывается... летопись революции, начертанная кровию человеческою»¹⁹. Однако в реальной жизни Иван Матвеевич своих же правил не придерживался. Воспитательный процесс его интересовал чисто теоретически, практическим воспитанием сыновей он не занимался. Старших сыновей он вырастил в Париже, у них, как и положено детям-дворянам, был гувернер-француз, который в 1791 г. «сидел на козлах у короля» Людовика XVI, пытавшегося убеждать от революционеров²⁰. Родным для братьев был французский язык, русскому же они начали учиться лишь в подростковом возрасте. Мундиры старшие сыновья Ивана Матвеевича надели почти сразу же после возвращения в Россию. Семнадцатилетний Матвей и пятнадцатилетней Сергей отправились учиться в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, с момента поступления в Институт они считались на действительной службе. Естественно, в институте преподавались прежде всего науки, связанные с математикой. Старший сын Муравьева-Апостола, Матвей, не выдержав сложной программы, бросил институт и определился в гвардию нижним чином, подпрапорщиком. Младшим же сыном, Ипполитом, Иван Матвеевич не занимался совсем: он отдал его на воспитание родственникам. Когда же Ипполит вырос и пришло время определять его в службу, отец отдал его в Училище колонновожатых – сложнейшее военно-математическое учебное заведение, готовившее квартирмейстерских офицеров. Старший Муравьев-Апостол, как и положено либералу и просветителю, не любил льстецов и карьеристов. В «Письмах» можно прочитать, например, удручающую повествователя истину о том, что «чины – единственная цель, в которую метят родители, к которой стремятся юноши».

Повествователь высмеивает тех дворян, кто «взрос и возмужал, полагая все блаженство жизни в том, чтобы достигь до такой степени, на которой любимец счастья отличается от толпы смерт-

¹⁹ *Муравьев-Апостол И.М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород. С. 36–37, 40.

²⁰ *Муравьев-Апостол М.И.* О собственном воспитании // Русский архив. 1886. № 2. С. 226.

ных – шитым золотом кафтаном и лентами», и кто «смешивал в понятиях своих *превосходство с превосходительством*»²¹. Однако в реальности «превосходство с превосходительством» Иван Матвеевич смешивал нередко: умел договариваться с начальством, лавировать между, например, стареющей императрицей Екатериной и ее нелюбимым сыном, наследником престола цесаревичем Павлом, между Павлом и нелюбимым им генералиссимусом Александром Суворовым, между враждовавшими друг с другом руководителями российского внешнеполитического ведомства при Павле I Никитой Паниным и Федором Ростопчиным. Вернувшись на службу после опалы, подавая либеральные «мнения» и в Сенате, и в Главном правлении училищ, он, тем не менее, всегда старался ориентироваться на мнение императора [Киянская 2023, с. 58, 68, 78–86].

Отношение к воспитанию детей в семье Пестелей было прагматичным: Иван Борисович публицистических сочинений не писал, педагогические взгляды выражал в не предназначенных для печати письмах, а слова у него не расходились с делом. Математику Иван Борисович тоже не любил – но не потому, что она могла привести к вольномыслию. Размышляя над будущим младшего сына Александра, он не хотел отдавать его в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, поскольку он «есть заведение чистого шарлатанства, где математики поглощают все способности молодых людей»²². Старший же сын, 17-летний Павел, вместе с братом Владимиром был отдан отцом в Пажеский корпус – лучшее военно-учебное заведение России. Там преподавали математические науки, но немалое место в учебных планах отводилось наукам гуманитарным, и в том числе политическим. Старший Пестель не видел ничего плохого в обучении сыновей французскому: в детстве у них тоже был гувернер, немец Зейдель, все дети прекрасно писали и говорили и на французском, и на немецком языках. Кроме того, Павел Пестель владел английским, и эти знания не мешали ему в совершенстве знать русский язык. В детях, кроме патриотизма, воспитывали традиционные для дворянских детей морально-нравственные добродетели: повиновение, законопослушание, религиозность, любовь к знаниям. Отец объяснял сыновьям, что следует «повиноваться своим родителям и наставникам», «воспитывать свой ум и сердце»²³.

Иван Пестель утверждал: «Человек добрый, услужливый, сострадательный к горестям ближних, любезный, может быть уверен,

²¹ *Муравьев-Апостол И.М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород. С. 35, 101–102.

²² Из бумаг П.И. Пестеля... С. 155.

²³ Там же. С. 50, 35.

что найдет друзей. Чтобы иметь право ожидать отличий и наград от своего государя, надо начать с того, чтобы сделать себя способным к употреблению на службе своему отечеству полезным образом. Чтобы достигнуть этого, надо приобрести способности и необходимые познания. Тогда наш повелитель употребит их на благо нашего отечества, управление которым доверено ему Всевышним»²⁴.

Генерал-губернатор, как и Иван Матвеевич, «превосходство с превосходительством» смешивал часто, но ничего плохого в этом опять-таки не видел. И сыну Павлу рекомендовал поступать так же: в его наставлениях было немало «молчалинского». Иван Борисович за долгие годы службы сумел найти себе покровителей, и в том числе Аракчеева. Свою придворную ловкость он старался передать Павлу. «Есть очень благородные средства ухаживать за персонами, которые могут быть вам полезными. Этими средствами не следует пренебрегать, мой добрый друг. Служба прежде всего, но маленькие любезности, которые человек чести может себе позволить, не должны оставаться в пренебрежении; чем больше молодой человек, вступающий в свет, имеет значительных знакомств, тем больше он приобретет хороших мнений, даже если его не знают близко», – советовал он старшему сыну²⁵.

Советы часто принимали форму конкретных предложений: «Сегодня министр полиции (Балашов) выехал отсюда, чтобы явиться в Вильну... угождайте ему, если найдете случай представиться гр<афу> Кочубею, вы равным образом хорошо сделаете, если не упустите его, госп<ода> великие князя Николай и Михаил отправляются в Главную квартиру... В случае, если вы окажетесь в том же месте или неподалеку от местопребывания их имп<ераторских> в<ысочеств>, постарайтесь им представиться»²⁶.

* * *

Отношения родителей с сыновьями в семьях Пестелей и Муравьевых-Апостолов складывались по-разному. Дети в обеих семьях восприняли совет быть патриотами: и Павел Пестель, и Матвей и Сергей Муравьевы-Апостола прошли и Отечественную войну, и заграничные походы. Однако в отношении к воюющим детям снова проявилась и разность характеров родителей, и разность в их отношениях к детям. Иван Борисович искренне переживал за сына, в составе гвардейского Литовского полка участвовавшего в Бородинской битве. После сражения Павел

²⁴ Там же. С. 36, 40.

²⁵ Там же. С. 99, 53.

²⁶ Там же. С. 53, 110.

Пестель пропал без вести; родителям сообщили, что он или убит, или тяжело ранен.

«Батюшка, который был так испуган на ваш счет, дрожал всем телом до того, что едва держался на ногах. Он провел две ночи без сна, почти не ел, его глаза то и дело наполнялись слезами», – впоследствии сообщала сыну мать. Информация о смерти Павла оказалась ложной: он был тяжело ранен, подобран на поле битвы, отвезен в Москву, а оттуда, при эвакуации города, – в Калугу.

«Если вы можете держать перо в руке, дорогое дитя, напишите нам два слова и удостоверьте нас в своем существовании. Бог мой. Бог мой. Смилуйся над нами и над нашим обожаемым ребенком!!!, ваша бедная мать крайне обеспокоена отсутствием известий от вас. Она спрашивает меня об этом каждую минуту, и заметно, как она чахнет, думая о вас. Одно-единственное известие о вашем существовании вернуло бы покой нашим душам», – писал генерал-губернатор сыну²⁷. Родители искали сына, в поисках участвовали многие знаменитые в России люди. В итоге Павла смог найти посланец графа Алексея Аракчеева [Киянская 2002, с. 56–62]. Иван Матвеевич Муравьев-Апостол вел себя с детьми не так, как Иван Борисович. После смерти первой жены он женился вторично, брак был счастливым, в нем снова родились дети – и старшим сыновьям родительского внимания почти не доставалось. Зато патетики – в том числе и в связи с участием сыновей в военных действиях – в рассуждениях Ивана Муравьева-Апостола было предостаточно. В 1814 г. он писал Гавриле Державину, что хочет «вырастить» «детей, достойных быть русскими, достойных умереть за Россию»²⁸.

Старшие сыновья Ивана Матвеевича давно воевали; Матвей за год до написания письма был тяжело ранен под Кульмом. Конечно, они уже не нуждались в «выращивании» и сами были готовы «умереть за Россию». Третий сын, Ипполит, тогда девятилетний, в «выращивании» как раз нуждался – но отец предпочел устраниваться от его воспитания. Четвертый сын, Василий, рожденный во втором браке, появился у Ивана Матвеевича через три года после написания письма. Когда же уже после войны Матвей собирался поехать к Кавказским водам лечить рану, поездка не состоялась. Иван Матвеевич «не отпустил его на Кавказ», очевидно, не дав денег на поездку²⁹.

Финансовый вопрос в семьях решался по-разному. Старший Пестель сколько мог помогал детям деньгами, сыну Павлу

²⁷ Там же. С. 73, 70, 71.

²⁸ *Державин Г.Р.* Сочинения. Т. 6. С. 298.

²⁹ *Муравьев Н.М.* Письма декабриста: 1813–1826 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 117.

назначил содержание по тысяче рублей «каждые четыре месяца»³⁰. Когда финансы не позволяли Ивану Борисовичу прислать деньги – он просил Павла занять их у знакомых и переписать этот долг на него³¹. Иван Матвеевич же был скуп: женившийся вторым браком «на целой житнице»³², он тем не менее старался денег сыновьям не давать. Между тем «совершенное безденежье» «принуждало» Сергея постоянно просить отца о «подкреплении», в его письмах финансовый вопрос – один из весьма болезненных. В 1821 г. Сергей дважды получил от отца 100 рублей – и за это горячо благодарил его в письмах³³. Матвей же, от полного безденежья продавший в 1822 г. без ведома отца «свою верховую лошадь, ружья» и «личные вещи», заслужил гневную отповедь Ивана Матвеевича³⁴. Однако карьеризм Ивана Борисовича, как и скупость и лицемерие Муравьева-Апостола-отца, не привели их к конфликту с детьми. Более того, в детях-декабристах воплотились черты отцов, «пример отца» сильно повлиял на формирование их характеров.

Павел Пестель характером был в Ивана Борисовича. Отзывы о нем современников почти столь же резки, как и о генерал-губернаторе. И декабристы, и те, кто декабристами не был, считали, что его «образ действий» «возбуждал не любовь к Отечеству, но страсти, с нею не совместимые», а его «душа и правила» были «черны, как грязь»³⁵. Ради достижения новой должности он мог поставить на карту свою репутацию, как, например, произошло в 1821 г. Будучи посланным собирать сведения о восстании греков против турок, он составил донесение, согласно которому это восстание было делом рук всеевропейского тайного общества. И донесение это сыграло не последнюю роль в том, что император Александр отказал восставшим в помощи (см. об этом: [Киянская 2002, с. 128–140]). После этого в армии его стали считать «шпионом гр<афа> Аракчеева»³⁶.

³⁰ Из бумаг П.И. Пестеля... С. 129.

³¹ Там же. С. 115, 154 и сл.

³² Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Правда, 1989. С. 104.

³³ «Ваш покорный сын»: Письма Сергея Муравьева-Апостола к отцу, 1821–1823. М.: РГГУ, 2022. С. 132–133, 150, 179.

³⁴ Там же. С. 203.

³⁵ *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т. 1. С. 229; Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. 78. С. 45.

³⁶ Из бумаг П.И. Пестеля... С. 238.

Однако в ноябре того же года он получил чин полковника и должность командира Вятского пехотного полка. В своем стремлении довести полк до желаемого совершенства командир вятцев брал уроки у генерала С.Ф. Желтухина – известного всей армии фрунтовика и палочника, изобретателя учебного «желтухинского» шага. Генерал, по просьбе полковника, лично осматривал полк – и в итоге на Высочайшем смотре 1823 г. полк Пестеля оказался одним из лучших [Киянская 2002, с. 198–199].

С.Н. Чернов – не без оснований – дал декабристу следующую характеристику: «Таков был в личных отношениях Пестель: уверенный в своем превосходстве, очень – даже мелочно – самолюбивый, – безжалостный к другим в столкновении или споре, но требующий к себе очень терпеливого отношения, при этом очень неразборчивый в средствах и неискренний, словом, чрезвычайно трудный человек... Тяжелый честолюбец, о котором знали, что он службою ориентируется то на ненавидимого современниками временщика Алексея Аракчеева, то на либерального генерала, начальника штаба 2-й армии Павла Киселева» [Чернов 2004, с. 134].

Иван Муравьев-Апостол больше других детей любил среднего сына Сергея: старший, Матвей, с отцом конфликтовал и был человеком неуживчивым, младший, Ипполит, взрослым так и не стал, погибнув в 20 лет. Внешними проявлениями Сергей – дипломатичный, литературно одаренный, либерально настроенный, не любивший споров и конфликтов – был похож на отца. Современники сенаторского сына любили: называли «другом человечества», обладавшим «высокой и благородной душой» и «благородным характером»; при этом, по их мнению, он был «чужд всякой жестокости»³⁷. Знаменитый отзыв о Сергее Муравьеве-Апостоле принадлежит Льву Толстому, считавшему декабриста «одним из лучших людей того, да и всякого времени»³⁸. Он тоже умел делать карьеру, договариваться с начальством – даже с таким, которое явно не сочувствовало либеральным веяниям. Командуя ротой в гвардейском Семеновском полку, он был в хороших отношениях с печально знаменитым Федором Шварцем, из-за зверств которого в конце 1820 г. произошли волнения среди солдат. Переведенный на юг

³⁷ *Андреевич Я.М.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 387; *Лунин М.С.* Письма из Сибири. М.: Наука, 1988. С. 27; *Горбачевский И.И.* Записки, письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 37, 92; *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. С. 179.

³⁸ *Толстой Л.Н.* Стыдно // Толстой Л.Н. Собр. соч. М.: Худ. лит., 1964. Т. 16. С. 449.

после Семеновской истории, став подполковником Полтавского, а затем Черниговского пехотного полка, Сергей Муравьев-Апостол был на хорошем счету у корпусного командира генерала Логгина Рота, имевшего репутацию неуравновешенного человека и жестокого командира [Киянская 2023, с. 256–257, 263, 280].

Умел Сергей Муравьев-Апостол и лицемерить: отцу в 1823 г. объяснял, что получает удовольствие, «изливая душу» на груди отца, готов слушать и принимать «полезные» отцовские наставления³⁹. Между тем время, когда ему действительно тяжело было обходиться без отцовских советов, прошло: жизнь свою декабрист строил, на отца не оглядываясь. Один из самых интересных вопросов повседневной жизни декабристов – вопрос о том, каким образом повлиял «пример отца» на мировоззрение детей.

По мнению С.Н. Чернова, Павел Пестель как радикальный революционер сформировался во многом вследствие карьерных неудач Ивана Борисовича. Чернов предложил искать истоки радикализации взглядов декабриста не столько в чтении французских книг и журналов и в исторических аналогиях, сколько в его «настроениях», «субъективной стороне сознания», и прежде всего в «глубоком личном потрясении». Историк считал, что этим потрясением, «ударом», который имел «сокрушительный характер» и отличался «катастрофической внезапностью», была отставка Ивана Пестеля с генерал-губернаторской должности, последовавшая в марте 1819 г. [Чернов 2004, с. 103, 107–108]. Иван Пестель надеялся оправдаться хотя бы в глазах императора, тем более что его личное участие во взятках и коррупции доказать так и не удалось. Но оправдание не входило в планы его могущественных придворных врагов, и прежде всего отказавшего в покровительстве графа Аракчеева. В столицу «хлынули» страшные слухи – обидные, уничтожающие старого Пестеля как человека и администратора. Естественно было ожидать, что император властным словом приостановит их растущий поток; но он, внешне сохраняя вежливость к старому слуге, оставался в стороне от него безмолвным слушателем обвинений и сплетен и холодным зрителем начавшейся торопливой, потому что была долгожданной, расправы. Иными словами, император предал своего верного слугу.

В итоге «катастрофа отца», по словам Чернова, «была должна произвести» на сына очень сильное впечатление. И она произвела его. Но чувство, которое испытывал под ударом отцовской катастрофы Пестель, было не только скорбью о нанесенной отцу обиде. Нет, сколько мы знаем характер Пестеля, можно догадываться, что,

³⁹ «Ваш покорный сын»... С. 237.

узнав о беде отца, он пережил бурю личного негодования к императору и его советчикам. Можно думать, что именно отсюда и идет то тяжелое чувство к императору, которым позже всегда полон Пестель... В его глазах император Александр естественным образом очень быстро приобретает характер несправедливого гонителя семьи [Чернов 2004, с. 107–109].

Зимой 1820 г. Павел Пестель заявил о себе как о крайнем радикале, безусловном стороннике царубийства: в ходе совещаний Коренного совета Союза благоденствия настоял на формальном голосовании «таким образом, чтобы каждой член говорил, чего он желает: монарха или президента»⁴⁰.

Павел Пестель настаивал, что республиканское правление было принято почти «единогласно» и что именно с этого момента целью Союза благоденствия стала ликвидация русской монархии⁴¹. В январе 1822 г. Иван Пестель перестал быть сенатором и членом Государственного совета. Обремененный долгами, он вынужден был покинуть столицу и со всем семейством отправился в деревню Васильево Смоленской губернии, разоренное войной небольшое имение жены. А его старший сын вскоре стал убеждать товарищей в необходимости смерти не только императора, но и всей его семьи, и задумался об «обреченном отряде» лиц, формально не состоящих в обществе, которые должны будут убить императора. Когда Иван Матвеевич Муравьев-Апостол попал в опалу, его сыновья Матвей и Сергей были маленькими детьми – и потому об их реакции на эту опалу судить сложно. Однако из переписки Сергея с отцом следует: и для него Иван Борисович, при всем эгоизме, скупости и страсти к «наслаждениям», вовсе не был врагом. Отцу он повествовал о своем душевном состоянии, с отцом обсуждал прочитанные книги, делился рассказами о службе. Именно отцу сын изложил жизненное кредо, которым он руководствовался на последних этапах существования заговора декабристов.

В середине мая 1821 г. он писал Ивану Матвеевичу, что, по его мнению, люди «делятся на два класса: одни рождены, чтобы управлять, другие – быть ведомыми»; вторую категорию он характеризовал как «стадо баранов». Идеалом же для тех, кто «рожден управлять», он считал ветхозаветного пророка Моисея: «Чтобы управлять людьми, надо поступать, как Моисей; после беседы с ним на горе Синай Бог украсил его голову двумя сверкающими лучами – вот и Моисей». Но поскольку посредственность не хочет

⁴⁰ Пестель П.И. Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 101–102.

⁴¹ Там же.

признавать превосходства избранных, «случается так, что в царстве слепых одноглазые – короли»⁴².

Уверовав в свою теорию и в себя – избранного, «рожденного управлять», Сергей Муравьев-Апостол соотнес ее со своими политическими воззрениями. Цели – политического преобразования России – он хотел достигнуть как можно скорее.

«Я, – показывал он на следствии, – предлагал начатие действия, явным возмущением отказавшись от повиновения, и стоял в своем мнении, хотя и противопоставляя мне все бедствия междоусобной брани, непременно долженствующей возникнуть от предлагаемого мною образа действия»⁴³. Царевубийство как метод действия заговорщиков Муравьев-Апостол поначалу отвергал, но потом и он согласился с неизбежностью этой меры.

* * *

Между отцами и детьми в семьях Пестелей и Муравьевых-Апостолов существовали и серьезные разногласия. Касались они, в частности, вопросов веры. В этих вопросах ни Павел Пестель, ни Сергей Муравьев-Апостол отцам не следовали. Протестантская семья Пестелей была глубоко религиозной. Религиозность была основой мироощущения Пестеля-отца: «Вера истинного христианина есть величайшее счастье не только в этой, но и в той жизни... Ничто не может сравниться с приносящим счастье чувством истинного христианина, когда оный в уголке своей квартиры дает о себе отчет Творцу, когда потом обретают утешение и мир его удрученная душа и тревожная совесть. Всевышний есть единственное утешение и прибежище для тех, кто нуждается в утешении и поддержке. Только одна эта вера дает истинную твердость и единственное надежное счастье, каким можно наслаждаться в этом мире, а после еще и в ином»⁴⁴.

Как известно, у его сына Павла отношения с религией были сложными. По собственному признанию декабриста, он «всегда вполне верил в Бога, Создателя нашего», однако его вера в «Иисуса Христа была слабее»⁴⁵. Его религиозные воззрения выражены в знаменитом «парадоксе Пестеля», записанном в апреле 1821 г. Александром Пушкиным: “*Mon cœur est matérialiste... mais ma raison s’y refuse*” («Сердцем я материалист, но мой разум этому противится») ⁴⁶.

⁴² «Ваш покорный сын»... С. 79, 94.

⁴³ *Муравьев-Апостол С.И.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 278.

⁴⁴ Из бумаг П.И. Пестеля... С. 45, 112.

⁴⁵ Там же. С. 25.

⁴⁶ *Пушкин А.С.* Дневники. Записки. СПб.: Наука, 1995. С. 14.

«Сердце» лидера антиправительственного заговора не нуждалось в утешениях, а вот «разум» не мог объяснить существование мира вне божественного начала. «Материалистическое» отношение к религии старшего сына неоднократно было причиной недовольства его родителей. Матери он в 1823 г. написал, что «Всевышнему недостало его могущества, чтобы сделать нас счастливыми». Она горячо возражает сыну: «Какое утешение может предложить мне атеист? Отчаяние, насмешку или пистолет? Вот оружие!.. Знает ли атеист религиозное смирение, которое, давая *покой, мужество и надежду*, делает счастливым человеком того, кто сражен невезеньем и людской несправедливостью!»

Спор этот завершен не был: из тюрьмы Павел Пестель написал родителям, что «обрел» наконец настоящую веру, «и вера в нашего Спасителя составляет теперь» его «счастье и утешение»⁴⁷. Однако, согласно воспоминаниям православного священника Петра Мысловского, духовника православных декабристов, от предсмертной исповеди Пестель отказался. И пришедший напутствовать его лютеранский пастор был вынужден «оставить жестокосердного»⁴⁸. Отец Сергея Муравьева-Апостола, Иван Матвеевич, конечно, не был атеистом. Однако в религиозных утешениях он не нуждался, религия же ему была интересна как доказательство вполне земных истин. Рассуждая, например, о философии, Муравьев-Апостол постулировал, что она, как и всякая другая наука, «основана на естестве человека, разумом от Бога одаренного. Развитие же разума ничто не может останавливать по той единственно причине, что ничто не может противиться воле Создателя». «Истинный философ», по его мнению, «есть истинный христианин, коему откровение не воспрещает употребления умственных сил его, но служит как аромат, предохраняющий науки от порчи»⁴⁹.

Вера, по мнению автора «Писем из Москвы в Нижний Новгород», необходима для существования государства, ибо без веры общество человеческое, как бы оно сильно ни было, долго существовать не может. Французы, отступившие от религии, погубили свое государство: «Не пройдет целого века, и французская нация исчезнет!» Россия же, напротив, «как скала гранитная непоколебима, доколе пребудет верна Богу и себе!»⁵⁰

⁴⁷ Из бумаг П.И. Пестеля. С. 267, 268, 25.

⁴⁸ *Мысловский П.М.* Из воспоминаний // Декабристы в воспоминаниях современников. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 309.

⁴⁹ *Муравьев-Апостол И.М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород. С. 182, 184.

⁵⁰ Там же. С. 182, 184, 8, 6.

Н.Я. Эйдельман, характеризуя взгляды Ивана Матвеевича, верно отмечал, что он, «старый эпикуреец», соблюдал обряды и требовал их соблюдения от семьи «скорее для того, чтобы не совсем офранцузиться, сохранить русское начало» [Эйдельман 1975, с. 150].

Такое отношение к религиозным проблемам было неприемлемым для его сына Сергея. Впрочем, и его вера была особой: убеждения радикального революционера он соединял с традиционным для Александровской эпохи мистицизмом. Для агитации среди сторонников он использовал, в частности, ветхозаветную «Книгу Сирахову», в которой речь шла и о том, что у человека есть свобода воли и свобода выбора: «Господь от начала сотворил его и оставил в руке его произведения его. Если хочешь, соблюдеши заповеди и сохраниши благоугодную верность... Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему» (Сирах 15: 14–17).

Эти истины вполне гармонировали с представлениями Сергея Муравьева-Апостола о себе как об избранном, рожденном вести за собою других. И в написанном им впоследствии «Православном катехизисе», прочитанном в конце декабря 1825 г. перед восставшим Черниговским полком, были строки о том, что «всем чистым сердцем» следует «взять оружие и следовать смело за глаголющим во имя Господне»⁵¹.

Веру подполковника в себя как в «глаголящего во имя Господне», «избранного», решившегося подвизаться «за истину до смерти» (Сирах 4: 32) и пожертвовать жизнью за других, не смогли поколебать ни разгром восстания Черниговского полка, ни ранение на поле боя, ни тюрьма, ни ожидание смертной казни. На допросе подполковник заявил, что «намерение свое продолжает почитать благим и чистым, в чем Бог один его судить может», а отцу написал: «Я много надеюсь на милость Господа, который читает в сердцах и не может осудить меня за чувства моего сердца».

Те же идеи лежат в основе его «тюремного дневника», брату же Матвею перед казнью он рассказывал о собственной «уверенности», что его «жертва» «не отвергнута» Христом⁵². Но главный разлом,

⁵¹ *Муравьев-Апостол С.И.* Следственное дело. С. 254–255.

⁵² Журналы и докладные записки Следственного комитета // Восстание декабристов: Документы. М.: Наука, 1986. Т. 16. С. 158; *Муравьев-Апостол С.И.* Письма // Русский архив. 1887. № 3. С. 320; *Он же.* Письмо к отцу от 21 января 1826 г.: Предсмертные размышления: Письмо накануне казни к брату его, Матвею Ивановичу // Русский архив. 1887. № 1. С. 51–52, 53.

предопределивший конфликт отцов-сановников и их детей-декабристов, заключался, конечно, в ответе на вопрос о возможности революционного переустройства Российской империи. В семьях монархически настроенных сановников выросли дети-республиканцы. Вполне естественно, что ни старший Пестель, ни старший Муравьев-Апостол не были посвящены в тонкости двойной жизни детей. Однако родители Пестеля, внимательно следившие не только за карьерой, но и за образом мыслей сына, знали о Павле гораздо больше, чем наслаждавшийся жизнью и карьерой старший Муравьев – о своих детях.

Осенью 1822 г. Пестель-старший предупреждал сына, что во 2-й армии, в которой сын служит, много «злонамеренных людей». Таких людей, по мнению Ивана Борисовича, нужно избегать «как демонов, несущих непоправимое зло и частное, и общее». Отец просил Павла «охранить» от влияния «демонов» младшего сына Александра, делавшего первые шаги в службе: «Охраните его, дорогой Павел, от этой всеобщей заразы из-за нравственной испорченности, достигшей, кажется, предела».

Не только отец, но и мать Павла Пестеля искренне ненавидела «демонов». Она предостерегала сына: «Как бы я скорбела, если бы должна была предположить, что когда-либо один из моих сыновей мог оказаться в числе так называемых *либералов*, что вообще, и особенно у нас, есть синоним поджигателя». Мать была уверена: человек «не призван менять лицо империй», «превыше его разума предвидеть ужасные следствия, какие может иметь минута увлечения», а «творить добро» вполне возможно «в том кругу действий», куда человек «помещен Провидением». Она убеждала Павла: «Хорошо служить отечеству и государю, исполнять обязанности гражданина, человека и христианина достаточно, чтобы наполнить существование человека добродетельного и благочестивого так, чтобы он мог со спокойствием ожидать минуты, когда будет призван пред вечным судьей»⁵³.

Иван Муравьев-Апостол, в отличие от родителей Пестеля, был либералом – но постольку, поскольку либерализм был в моде, поддерживался «общественными мнениями» и не мешал его собственному благополучию. В отношении же «демонов» и «поджигателей» он был почти столь же категоричен: утверждал, что в России «не было революции и не будет ее, потому что народ наш одарен лучшею философией – здравым смыслом, который беспрестанно твердит ему, что он под отеческим правлением благоденствует и что от добра добра не ищут. А если бы и случилось немного воспа-

⁵³ Из бумаг П.И. Пестеля. С. 257, 344.

ленных мозгов, то что они значат? они одиноки, они отверженные, они ни одной точки соединения с целым обществом не имеют; да такое заблуждение их не есть, так сказать, домашнее: оно ввезено, как моды, и так же преходяще, как они», – развивал свою мысль Иван Матвеевич⁵⁴. Сергей же Муравьев-Апостол вовсе не считал российских революционеров, в том числе себя и братьев, одиночками и отверженными и не собирался жить по пословице «от добра добра не ищут». По его мнению, источниками «революционных мнений в России» были «трехлетняя война, освободившая Европу от ига Наполеонова, введение представительного правления в некоторые государства; сочинения политические, беспрестанно являющиеся в сию эпоху и читаемые с жадностью молодежью; дух времени, наконец, обративший умы к наблюдению законов внутреннего устройства государств».

Убеждение Сергея Муравьева-Апостола заключалось в том, что распространение революционных мыслей «следовало обыкновенному и естественному порядку вещей»⁵⁵. Павел Пестель же, оказавшийся главным «демоном» и «поджигателем», объяснял родителям: «Настоящая моя история заключается в двух словах: я страстно любил мое Отечество, я желал его счастья с энтузиазмом, я искал этого счастья в замыслах, которые побудили меня нарушить мое призвание и ввергли меня в ту бездну, где нахожусь теперь»⁵⁶.

На следствии он показывал: «Когда с прочими членами, разделяющими мой образ мыслей», он рассуждал о будущем республиканском правлении, то, представляя себе живую картину всего счастья, коим бы Россия, по нашим понятиям тогда, пользовалась, входили мы в такое восхищение и сказать можно восторг, что я и прочие готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содействовать бы могло к полному введению и совершенному укреплению и утверждению сего порядка вещей»⁵⁷.

* * *

«Быть виновником бытия не есть достоинство перед богом и людьми; но принять младенца из рук матери в минуту его рождения, от колыбели до зрелых лет служить ему защитой и опорой, передать ему в наследие имя, звание, сокровища, землю, прародителями

⁵⁴ *Муравьев-Апостол И.М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород. С. 185.

⁵⁵ *Муравьев-Апостол С.И.* Следственное дело. С. 273.

⁵⁶ Из бумаг П.И. Пестеля... С. 25.

⁵⁷ *Пестель П.И.* Следственное дело. С. 91.

возделанную: вот обязанность отца. Благодарность есть обязанность детей. На подобных взаимных обязанностях основано все благосостояние общества. Все основания его суть добро, и чем более добра, тем тверже его основание, ибо одно добро имеет здесь прочность и постоянность. Зло есть насильственное состояние», – утверждал поэт Константин Батюшков, дальний родственник и близкий друг Сергея Муравьева-Апостола⁵⁸.

С точки зрения морали Батюшков, конечно, был прав. Он не учел только одного: взаимные обязанности отцов и детей рушатся в эпохи общественных кризисов, когда количество «зла» в государстве и обществе превышает допустимую норму. Одна из таких переломных эпох наступила в середине 1820-х гг. Столь явного разрыва между отцами и детьми могло не быть, если бы в России «водилось» «хоть сколько-нибудь свободы теснения, хоть сколько-нибудь гласности», а «частное лицо» могло бы «передать печатно и устно свои убеждения по делу общественному». Между тем, по меткому замечанию декабриста Андрея Розена, Россия представляла собою царство «несправедливости, своевластия, притеснения со стороны правителей», а законы «подчинены были неограниченной власти государя». «Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века!» – именно в этом, согласно Розену, видел причины возникновения заговора декабристов Николай Карамзин⁵⁹.

«Дух преобразования», заставляющий «умы клокотать»⁶⁰ (выражение Павла Пестеля), сформировал поколение, совершенно непохожее на предыдущее. Бесправие всех сословий перед лицом высшей власти с одной стороны и нежелание прошедших войну офицеров жить в таком обществе – с другой вызвали к жизни феномен декабристов. При этом разность условий воспитания, отношения в семьях, характеры имели второстепенное значение: воспитанные по-разному, Павел Пестель и Сергей Муравьев-Апостол вместе погибли на виселице. Литература же еще несколько десятилетий не видела конфликта поколений. Прозрение наступило позже, на новом сломе эпох, в середине 1850-х гг. – и только тогда описание этого конфликта стало для литераторов традицией.

⁵⁸ Батюшков К.Н. О лучших свойствах сердца // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 176.

⁵⁹ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. С. 183–184.

⁶⁰ Пестель П.И. Следственное дело. С. 105.

Литература

- Киянская 2002 – *Киянская О.И.* Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М.: Параллели, 2002. 512 с.
- Киянская 2023 – *Киянская О.И.* «Люди двадцатых годов»: Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М.: РИПОЛ классик, 2023. 768 с.
- Сокольский 1963 – *Сокольский Л.А.* К московскому периоду жизни М.И. Муравьева-Апостола // *Декабристы в Москве: Сб. статей.* М.: Московский рабочий, 1963. С. 248–257.
- Чернов 2004 – *Чернов С.Н.* Павел Пестель. СПб.: Лики России, 2004. 304 с.
- Эйдельман 1975 – *Эйдельман Н.Я.* Апостол Сергей. М.: Политиздат, 1975. 365 с.

References

- Chernov, S.N. (2004), *Pavel Pestel* [Pavel Pestel], Liki Rossii, Saint Petersburg, Russia.
- Eidelman, N.Ya. (1975), *Apostol Sergei* [Apostle Sergei], Politizdat, Moscow, USSR.
- Kiyanskaya, O.I. (2002), *Pavel Pestel: oftser, razvedchik, zagovorshchik* [Pavel Pestel. Officer, scout, conspirator], Parallels, Moscow, Russia.
- Kiyanskaya, O.I. (2023), “*Lyudi dvadtsatykh godov*”: *Dekabrist Sergei Murav'ev-Apostol* [“People of the twenties”. Decembrist Sergei Muravyev-Apostol], RIPOL Classics, Moscow, Russia.
- Sokolskii, L.A. (1963), “On the Moscow period of life of M.I. Muravyov-Apostol”, *Dekabristy v Moskve: Sbornik statei* [Decembrists in Moscow. Collected articles], Moskovskii Rabochii, Moscow, USSR, pp. 248–257.

Информация об авторе

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Information about the author

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); 51/21, Nakhimovskii Av., Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru

УДК 801.7(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-112-129

Истина и «истина в контексте» у Достоевского.
Полифония против релятивизма:
случай беседы отца с сыном за коньячком*

Ольга А. Меерсон

*Джорджтаунский университет, Вашингтон, округ Колумбия, США,
meersono@georgetown.edu*

Аннотация. Статья посвящена различным осмыслениям слова «истина» в христианском и секулярных контекстах в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Выявляется бесконечная множественность рецептивных «зеркал», сложным образом конфликтующих между собой и в то же время уводящих от христианского осмысления этого понятия, важнейшего для Достоевского, для которого оно нераздельно связано с образом Христа. Автор обращает внимание на те оттенки смысла, которые возникают у слова «истина» в полифоническом контексте романов Достоевского и сравнивает восприятие этого слова героями с теми смыслами, которые присутствуют в Библии и важных богослужебных текстах (на русском, иврите, греческом и церковнославянском), а также рассматривает главу «За коньячком» в контексте лицемерной политики Екатерины II, на уровне культурных жестов старавшейся угодить представителям церковной иерархии, на деле же активнейшим образом отбиравшей церковные земли и сократившей количество монастырей втрое. И в этом плане ее идейными «союзниками» в художественном мире Достоевского в определенной мере оказываются не только Миусов и Иван Карамазов, при всем несходстве их позиций, но и радикалы, подобные Петру Верховенскому. В статье также показано, что не только левый радикализм, но не в меньшей степени и правый триумфализм уводят от Христа, каким понимал его Достоевский.

Ключевые слова: Достоевский, полифония, христианство, истина, контекст, секуляризация, ирония

Для цитирования: Меерсон О.А. Истина и «истина в контексте» у Достоевского. Полифония против релятивизма: случай беседы отца с сыном за коньячком // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 112–129. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-112-129

© Меерсон О.А., 2024

*В статье использованы некоторые мотивы моей прежней работы: Меерсон О.А. Истина как чужое слово у Достоевского // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 2016. № 34. С. 9–19.

Truth versus truth in context in Dostoevsky.
Polyphony vs relativism.
The case of a conversation between
father and son over the brandy

Olga A. Meerson
Georgetown University, Washington DC, USA,
meersono@georgetown.edu

Abstract. The article juxtaposes the semantic difference of usage for the word “truth” (“istina”) in Christian vs. secular contexts in Fyodor Dostoevsky’s “The Brothers Karamazov”. The author reveals an infinite multiplicity of conflicting receptive “mirrors” as they diverge from the Christian conceptualization of the notion of Truth, a notion most important for Dostoevsky, viewed by him as inalienable from the image of Christ. The author dwells on various meanings of the word “truth” in the polyphonic context of Dostoevsky’s novels, thus comparing and contrasting the characters’ perception of this word versus the meanings found in the relevant Biblical and liturgical texts, in Russian, Hebrew, Greek, and Church Slavonic. The textual example for this essay focuses on the chapter “Over the Brandy”, referencing the hypocritical policy of Catherine II in her attempt to please the representatives of the church hierarchy at the level of cultural gestures, while actually confiscating church lands and reducing the number of monasteries by two thirds. In this respect, she would find allies not only among the secularists like Miusov or Ivan Karamazov, different as their stances may be, but also among the radicals like Pyotr Verkhovensky, in Dostoevsky’s fiction. The article also shows that both the left-wing radicalism and the right-wing triumphalism equally distort and lead away from Christ, as Dostoevsky sees Him.

Keywords: Dostoevsky, polyphony, Christianity, truth, context, secularization, irony

For citation: Meerson, O.A. (2024), “Truth versus truth in context in Dostoevsky. Polyphony vs relativism. The case of a conversation between father and son over the brandy”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 112–129, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-112-129

Прежде всего определим расхожее значение выражения «это надо понимать в контексте». Автор подобного высказывания обычно хочет сказать, что его неправильно поняли, причем часто именно в случаях, когда его поняли правильно, но вменили ему высказывание в обвинение. В случае с употреблением выражения

«понимать в контексте» по отношению к истине первая интерпретация, которая приходит на ум, – это релятивистское отношение к истине. Однако если мы посмотрим на два разных контекста слова «истина» в одном и том же источнике, Достоевским и многими из нас почитаемом за источник истины абсолютной, – а именно в Новом Завете, – мы обнаружим, что контекст крайне важен и тут. Одно дело – когда Сам Христос говорит ученикам, что Он – путь, истина и жизнь (Ин 14:6), – и совсем другое дело – когда Пилат спрашивает у Христа, «что есть истина?» (Ин 18:38). И важно еще, что сам Пилат, задает вопрос о том, что есть истина, в ответ на слова Иисуса об истине, адресованные ему, Пилату: «<...> Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Ин 18:37).

Здесь в каждом из трех стихов под словом «истина» подразумевается несколько разное. Притом и Сам Иисус, отождествляя себя с истиной, делает это в несколько одностороннем порядке: Он не предполагает Свое отождествление с любой научной констатацией любого объективно истинного факта, но предполагает Своим высказыванием, особенно адресуя его Пилату, что само это высказывание – свидетельство, в данном случае – Его о Себе, но и шире, – с презумпцией, что предать Его – значит предать истину (и путь, и жизнь).

Зачем здесь это вступление? Дело в том, что именно этот, евангельский контекст лежит в основе понимания того, что же имеет в виду под словом «истина» сам Достоевский, а что – его герои, а также некоторые его вполне реальные собеседники и оппоненты, в том числе и идеологические. Важно также отметить, что в поэтике Достоевского контекст высказывания прежде всего определяется законами пресловутой бахтинской чужой речи, то есть тем, кто что и кому говорит, и что говорится буквально, а что – иронично. Не случайно евангелие от Иоанна – самое важное для Достоевского. В нем, например, особенно важно, что и кому говорит Сам Христос, а что – Пилат, и с какой интонацией (например, Пилат – вопросительно, а Христос утвердительно)¹.

¹ В Евангелии от Иоанна также очень важно чужое слово при ироническом цитировании, например, из Кайафы, который произносит истину об Искуплении будучи первосвященником (ср.: Ин 11:52–53), а не «от себя»: «Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ» (Ин 11:51)... Однако в данном случае мы ограничимся рассмотрением понимания именно истины в контексте чужого слова.

И личность говорящего, и интонация у рассказчиков и в диалогах героев у Достоевского составляет главный и самый важный контекст для смысла любого высказывания в его произведениях. Именно поэтому некорректно, например, говорить «как сказал Достоевский, красота спасет мир». Ведь это – притом приближительно и в контексте – говорит не он, а его герой Мышкин. Поэтому же неправильно цитировать как самого Достоевского его Подпольного человека, и – что еще важнее – считать автором «Легенды о великом инквизиторе» самого Достоевского, а не автора этой «поэмки» Ивана Карамазова. И для понимания смысла Легенды в контексте (!) всего романа это различие в авторстве будет ключевым.

Для иллюстрации такого субъективно окрашенного отношения к «Легенде...» у ее автора, как раз, Ивана, а не Достоевского, посмотрим, под чьим субъективным же влиянием находится стилистически сам Иван. Парадоксальным образом, это окажется Смердяков. Когда Иван впадает в пафос, излагая или пересказывая Легенду Алеше по памяти, он употребляет выражение несколько пошловатое, но списываемое нами на его темперамент: это выражение «непобедимой/непобедимую силой»: по словам Ивана, «народ непобедимую силой стремится к нему², окружает его, нарастает кругом него, следует за ним»³. Выражение «непобедимую силой» звучит, конечно, несколько аффектировано, но мы, читатели, вполне готовы списать этот тон на общий темперамент Ивана, человека молодого даже не только по современным стандартам, но и в понимании героев романа. Однако это цитата, чужая речь, притом неосознанная; даже мы сами, читатели, можем только догадываться, что Иван мог слышать эти слова, ибо непосредственно перед встречей с Иваном их слышит Алеша, а он лишь слушатель Легенды, а не автор: в главе «Смердяков с гитарой»⁴ перед встречей с Иваном⁵ и «бунтом Ивана»⁶ и собственно Легендой в изложении Ивана⁷ Алеша сталкивается со Смердяковым, который поет Марье Кондратьевне жеманный, «лакейский» романс:

² Иисусу Легенды.

³ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 14. С. 226.

⁴ Там же. С. 202–208.

⁵ Там же. С. 208–215.

⁶ Там же. С. 215–224.

⁷ Там же. С. 224–241.

Непобедимой силой
 Привержен я к милой.
 Господи пом-и-илуй
 Ее и меня!
 Ее и меня!
 Ее и меня!⁸

Далее следует интереснейший комментарий, который представляется нам на первый взгляд авторским: «Голос остановился. Лакейский тенор и выверт песни лакейский»⁹. Это суждение очень оценочно и субъективно окрашено. Это не значит, что оно несправедливо, просто это чей-то субъективный голос, выражающий субъективный вкус. Как это часто бывает у Достоевского, мы поначалу готовы принять такой голос за собственно авторский. Однако по тону эта оценка очень похожа на оценку смердяковской песни неким героем, притом не столько Алешей, сколько именно героем склада Ивана. Сравним (в отрывке, предшествующем нужному нам в главе «За коньячком») пренебрежительный отзыв о Смердякове именно Ивана – отцу: «<...> уважать меня вздумал; это лакей и хам»¹⁰. Формально-то реплика дана именно как авторская, сразу после объективной констатации факта, что «голос остановился»¹¹. Этот плывущий, волатильный образ лица и голоса автора создает и некоторый плывущий образ слышащего эти слова – Алеши ли, Ивана или рассказчика. При этом то, кто именно говорит/поет, остается однозначным: это «лакей Смердяков». А уже в конце следующей сцены, при чтении Легенды Иваном Алеше, оборот «непобедимой/ю силой» полностью закрепляется непосредственно за Иваном. Спрашивается, кто же здесь оригинал, а кто лакействующий эпигон, и кто кого «вздумал уважать», Смердяков Ивана или Иван Смердякова?

Все это здесь приведено в качестве примера того, как важно для контекста различать не только подтексты у Достоевского, но и кто что говорит и кому: важно прежде всего потому, что нечеткость авторства высказываний и их имплицитного адресата заставляет нас перепутать и субъективную оценку одного героя другим с авторской. Отметим, что ни одна из этих линз и ни один из голосов, сколько бы они нас ни запутывали, не предполагают, что на самом деле распределение реплик по ролям персонажам не важно. Оно не

⁸ Там же. С. 203.

⁹ Там же. С. 204.

¹⁰ Там же. С. 122.

¹¹ Там же. С. 204.

только важно, но от него зависит и настоящий смысл этих реплик. Тут различие между полифонией как поэтическим приемом и релятивизмом как философией оказывается принципиальным. Не стоит думать, что если мы чего-то не замечаем в тексте, то его там нет. Напротив, его запятанность делает это упущенное нами особенно важным, так как это психологическое оружие воздействия на читателя. Запятанное бьет по нашему подсознанию помимо сознания.

Если же незамеченное нами важно, то это предполагает, что и само понятие истины для Достоевского не релятивизируется. Просто видение истины автором становится нам доступным только в том случае, если мы будем учитывать линзы субъективного ее восприятия у каждого конкретного героя. Это восприятие для каждого героя и должно быть субъективным и лишь частичным, потому что в каждом конкретном случае оно меньше всей картины целокупной истины. Но эта частичность и субъективность и делает потенциально причастным истине субъективный и тенденциозный голос и видение любого героя. Истина умопостигаема для каждого человека – героя ли или читателя – только в актуальном для него смысле. Но в том, что важно для каждого человека, он сам ведь главный эксперт! Обычно каждый герой Достоевского прав в том, что его задевает за живое. Даже у лжецов не лжет язык их личной боли¹².

Необходимый для понимания истины контекст определяется не только тем, что кто говорит, но и *интонацией* речи говорящего. Считать интонацию как определяющий смыслы сказанного контекст крайне важно для понимания поэтики Достоевского. Именно поэтому так важно слышать чужое и дву-/многоголосое слово у Достоевского в бахтинском смысле, – а именно как маркер иронии, часто многослойной и бьющей ироническим же оружием по иронии собеседника. К этому мы вернемся, когда речь пойдет о диалоге Ивана Карамазова с отцом и главе «За коньячком». Тема этого диалога как раз истина, а познается она в нем через «истину», взятую в мысленные кавычки, как некий условный и ироничный термин.

* * *

Итак, истину у Достоевского предстоит извлекать из-под наложения друг на друга линз иронии и чужого слова. Рассмотрим отрывок, в котором «плывет» понимание собственно слова «истина», меняясь в зависимости от этих линз и их наложений друг на друга. Разговор, который нас интересует, происходит между

¹² См. об этом мою книгу: [Meerson 1998].

Федором Павловичем Карамазовым и Иваном, в присутствии Алеши и отчасти при его участии. Но начать следует с некоторого обмена репликами исключительно между Федором Павловичем и Иваном, хотя по видимости Федор Павлович обращается к Алеше и пытается спровоцировать именно его реакцию:

– <...> А все-таки я бы с твоим монастырьком покончил. Взять бы всю эту мистику да разом по всей русской земле и упразднить, чтоб окончательно всех дураков обрезать. А серебра-то, золота сколько бы на монетный двор поступило!

– Да зачем упразднить? – сказал Иван.

– А чтоб истина скорей воссияет, вот зачем.

– Да ведь коль эта истина воссияет, так вас же первого сначала ограбят, а потом... упразднят.

– Ба! А ведь, пожалуй, ты прав. Ах, я ослица, – вскинулся вдруг Федор Павлович, слегка ударив себя по лбу. – Ну, так пусть стоит твой монастырек, Алешка, коли так»¹³.

Как и в случае с «непобедимой силой», этот диалог интересен именно в бахтинском, а не общепринятом смысле слова: во-первых, нет совпадения между формальным адресатом Алешей и реальным оппонентом в разговоре, Иваном: «твой монастырек» – обращение именно к Алеше, а спор происходит между Федором Павловичем и Иваном. Во-вторых, не только такие слова, как «истина» и «воссияет», но и «упразднить» и «упразднят», и Федор Павлович, и Иван употребляют иронично, причем ирония эта многослойна. Но Федор Павлович вкладывает в слово «упразднить» смысл прогрессивных секуляризаторов¹⁴, а Иван наслаивает сюда и еще один

¹³ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 123. Здесь и далее все подчеркивания в тексте принадлежат автору данной статьи. – *О. М.*

¹⁴ С точки зрения некоторых последователей Достоевского, секулярно-прогрессивистское, позитивистское сведение истины к данному нам эмпирически опыту начинается в русском сознании с Герцена. Так, Д.С. Мережковский в «Грядущем хаме» обвиняет Герцена в том самом мещанстве, против которого как ограниченности духа Герцен и восставал: «Последний предел всей современной европейской культуры – позитивизм, или, по терминологии Герцена, “научный реализм”, как метод не только частного научного, но и общего философского и даже религиозного мышления. Родившись в науке и философии, позитивизм вырос из научного и философского сознания в бессознательную религию, которая стремится упразднить и заменить собою все бывшие религии. Позитивизм, в этом широком смысле, есть утверждение мира, открытого чувственному

пласт чужого слова – ироническую цитату уже из Федора Павловича. Ирония Ивана в том, что он переопределяет смысл слов в цитате из отца: «истина» становится «этой истиной» (т. е. отнюдь не абсолютной, а очень окрашенной чьей-то идеологией), «воссияет» становится скорее зловещим знамением, чем явлением света, а «упразднить» предполагает уже прямо физическое уничтожение. Вас «упразднят» значит «вас убьют».

Остановимся на этом поподробнее.

Речь Федора Павловича не источник чужого слова для Ивана, а лишь еще одна призма иронии. Но на что же направлена ирония самого Федора Павловича? Кого скрыто цитирует он сам? В чьей речи иронически переставляет акценты? Когда Федор Павлович предлагает упразднить монастыри, он говорит тоном новейших реформаторов времен Достоевского и его непосредственных предшественников – «властителей дум», включая прежде всего Герцена. Однако сама тенденция к упразднению монастырей – это дело еще Екатерины II (см. ее Указ от 26 февраля 1764 г.)¹⁵. Поскольку

опыту, как единственно реального, и отрицание мира сверхчувственного; отрицание конца и начала мира в Боге и утверждение бесконечного и безначального продолжения мира в явлениях, бесконечной и безначальной, непроницаемой для человека среды явлений, середины, посредственности, той абсолютной, совершенно плотной, как Китайская стена, “сплоченной посредственности”, *conglomerated mediocrity*, того абсолютного мещанства, о котором говорят Милль и Герцен, сами не разумея последней метафизической глубины того, что говорят» (*Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч.: В 24 т. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1914. Т. 14. С. 6). Возьмем пока на заметку выражение Мережковского об этом позитивизме (по его мнению – герценовском) как о стремлении «упразднить и заменить собою все бывшие религии».

¹⁵ Прежде всего см. «Историю» С.М. Соловьева, так как этот источник безусловно актуален и для Достоевского, и для некоторых его героев, вроде Настасьи Филипповны и Рогожина, которому она навязывает чтение этой «Истории...» (в томе 26, в главе 1-й «Продолжение царствования императрицы Екатерины II Алексеевны, 1764 год», в разделе «Окончание комиссии о церковных имениях», Соловьев подробно описывает нужды инвалидов, на которые планировалось отдать конфискованные у церкви, и прежде всего – монастырей, имения, однако тут же и говорит, что конфискация не оправдалась, так как положение инвалидов не улучшилось, а, по словам Соловьева, ответственность легла на Екатерину): «Отобрание монастырских населенных имений оправдывалось и тем, что излишек доходов с них пойдет, между прочим, на содержание заслуженных воинов; поэтому легко представить себе беспокойство императрицы, на которую

насчет императрицы – купно с «Дидеротом», Дашковой и Потемкиным – Федор Павлович недавно ядовито проехался в стенах того самого монастыря, который сейчас якобы предлагает упразднить, мы можем иметь представление о том, что к Екатерине и ее заигрываниям с французскими просветителями Федор Карамзов, как и его автор Федор Достоевский, относится не менее иронично, чем к оным монастырям, подлежащим «упразднению» еще при Екатерине и по ее инициативе. Иными словами, в процитированном отрывке из разговора героев «Братьев Карамзовых» за коньячком Федор Павлович прибегает к чужому слову и выражает не свои, так сказать, «оскорбленные чувства неверующих», а скорее пародирует речь этих неверующих, всех последователей «Дидерота» в России, включая Екатерину II, ее приспешников, а также, возможно, и Мисусова и даже своего сына Ивана.

Рассмотрим этот отрывок из более ранней главы романа («Старый шут»):

падала ответственность за эту меру, когда ей донесли, что мера лишается своего оправдания, что инвалиды ходят по миру; она не могла успокоиться и тогда, когда справедливость донесения была официально отвергнута» (*Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 13. Т. 25/26. М.: Мысль, 1994. С. 322*). См. также: Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 549–569. Как отмечает В.А. Федоров, «первая попытка провести секуляризацию церковных имений была предпринята в короткое царствование Петра III. Изданный 21 марта 1762 г. указ объявлял об изъятии у монастырей и архиерейских домов земель и крестьян и передаче их в казну. Однако этот указ реальной силы не имел. На места он дошел только летом 1762 г., когда император был уже свергнут с престола. <...> власть перешла к Екатерине II, которая объявила указ Петра III 21 марта 1762 г. “святоотступственным посягательством” на церковные имения, “неполезным учреждением, которое учинено без всякого порядка и рассмотрения”. Императрица заверяла духовных деятелей в отсутствии у нее “намерения и желания присвоить себе церковные земли”. 12 августа 1762 г. она подписала указ о возвращении всех вотчин духовенству. Но это был тактический ход. <...> 26 февраля 1764 г. вышел указ о секуляризации церковных владений – в большинстве в великорусских епархиях. Все имения Синода, архиерейских кафедр и монастырей поступали в казну и передавались в управление Коллегии экономии. Численность монастырей сократилась втрое, разделенных отныне на штатные (взятые на содержание государством) и заштатные, которым предстояло существовать “собственным иждивением”» [Федоров 2003, с. 163–165].

– Но зато я верую, в Бога верую. Я только в последнее время усумнился, но зато теперь сижу и жду великих словес. Я, ваше преподобие, как философ Дидерот. Известно ли вам, святейший отец, как Дидерот-философ явился к митрополиту Платону при императрице Екатерине. Входит и прямо сразу: «Нет Бога». На что великий свяtitель подымает перст и отвечает: «Рече безумец в сердце своем несть Бог!» Тот как был, так и в ноги: «Верую, кричит, и крещенье принимаю». Так его и окрестили тут же. Княгиня Дашкова была восприемницей, а Потемкин крестным отцом...

– Федор Павлович, это несносно! Ведь вы сами знаете, что вы врете и что этот глупый анекдот не правда, к чему вы ломаетесь? – дрожащим голосом проговорил, совершенно уже не сдерживая себя, Миусов.

– Всю жизнь предчувствовал, что неправда! – с увлечением воскликнул Федор Павлович. – Я вам, господа, зато всю правду скажу: старец великий! простите, я последнее, о крещении-то Дидерота, сам сейчас присочинил, вот сию только минуточку, вот как рассказывал, а прежде никогда и в голову не приходило. Для пикантности присочинил. Для того и ломаюсь, Петр Александрович, чтобы милее быть. А впрочем, и сам не знаю иногда для чего. А что до Дидерота, так я этого «рече безумца» раз двадцать от здешних же помещиков еще в молодых летах моих слышал, как у них проживал; от вашей тетеньки, Петр Александрович, Мавры Фоминишны тоже, между прочим, слышал. Все-то они до сих пор уверены, что безбожник Дидерот к митрополиту Платону спорить о Боге приходил...¹⁶

В этом отрывке прекрасно видно, в чем состоит мастерство иронии Федора Павловича Карамазова: оно – в постоянном и искусном употреблении чужого слова, будь то слово «тетеньки» Мавры Фоминишны, Миусова, митрополита Платона или любого другого благочестивца или кощунника. Но сила такого чужого слова в том, что оно характеризует цитируемого через то, как цитирует он сам: перед нами предстает дискурс митрополита Платона и Дидерота «в исполнении» тетеньки Мавры Фоминишны. А для такого исполнения и Дашкова с Потемкиным вполне годятся в восприемники, а Екатерина – в арбитры благочестия! Федор Павлович врет «по факту», но его речевые характеристики очень точны. Характеризует же он тех, чью речь пародирует, не оценками этой чужой речи, а ее моделированием. Интересно, что и сам «аргумент» в пользу веры, якобы выдвигаемый апокрифическим митрополитом Платоном Дидероту, это тоже феномен осмысления слов «несть Бог» как

¹⁶ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 39.

чужой речи – речи пресловутого «безумца», который речет такое «в сердце своем».

А теперь на секунду отрешимся от чужой речи и от «вранья» Федора Павловича и вспомним, о каком историческом лице здесь идет речь. Ведь эта-то самая Екатерина, которой «Дидерот» якобы пал в ноги, раскаявшись в собственном неверии, как уполномоченной стать свидетельницей его покаяния, и издала 26 февраля 1764 г. Указ, «упразднивший» четьреста восемнадцать монастырей, а вернее, их земельную собственность в пользу собственной казны¹⁷ (ср. с вышеприведенными словами Федора Павловича: «А серебра-то, золота сколько бы на монетный двор поступило!»¹⁸). Посредством болтовни и вранья Федора Павловича Достоевский дает нам рече-

¹⁷ О смеси внешнего благочестия с подспудной тенденцией к секуляризации у Екатерины II см. также у А.В. Карташева во 2-м томе «Очерков по истории русской церкви», в главе о секуляризации в эпоху правления Екатерины. Там же мы находим описание положения будущего митрополита Платона (Левшина) при ее дворе (сразу отметим, что текст этот написан после Достоевского, но очень ему созвучен): «Но свое уставное благочестие Екатерина практиковала с убеждением, что таков долг монарха пред верой народа. Она ходила из Москвы пешком на богомолье к Троице-Сергию, целовала руки духовенству. Ездил в Киев и поклонялась печерским угодникам. Говела и причащалась вместе со всем придворным штатом. Заслышав в 1763 г. о предпринятом митр. Арсением Мациевичем переложении в новую серебряную раку мощей святителя Димитрия, она остановила предположенную церемонию впредь до ее личного присутствия при этом. Бывая в Троице-Сергиевой Лавре в 1762–1763 гг., Екатерина сама заметила и выделила ректора Троицкой Семинарии, иеромонаха Платона (Левшина). После ее второго же визита получается приказ Платону явиться ко Двору для переговоров об обучении Закону Божию наследника престола – Павла. Платон приглашается к царскому столу. А вольтерьянствующий министр Никита Панин, не доверяя увлечению императрицы, ставит тревожный вопрос: “а не суеверен ли?..” С этого началась придворная жизнь Платона. Екатерина ценила его ораторский талант и с гордостью показывала его иностранцам. Екатерина говорила: “Отец Платон делает из нас все, что хочет – хочет он, чтобы мы плакали, – мы плачем”... С иностранными богословами и учеными Платон мог с удобством говорить по-латыни, но для светского большинства нужен был французский язык. И Платон вынужден был учиться языку. Современник поясняет: “почему он и успел в том языке, несколько мог разговаривать, а читать и разуметь французские книги удобно мог”» [Карташев 1959, т. 2, с. 452–453].

¹⁸ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 123.

вую характеристику своих оппонентов-секуляризаторов, которые включают в себя не только и не столько философа «Дидерота» и его последователей, но и вполне актуальную для русской истории тираническую Екатерину II и ее последователей – русских наследников французского Просвещения, но уже в изводе Миусова, то есть вторичных, говорящих штампами вроде «упразднить» и «дураков обрезать». Именно их речь и передразнивает Федор Павлович. Неудивительно, что на его рассказ о «Дидероте» намного больше обижается Миусов, чем Зосима.

Но вернемся к разговору отца с сыном за коньячком. Иван вкладывает в слово Федора Павловича «упразднить» свой, дополнительный и иронический смысл. Но это только кажется, на самом деле он обнажает то, что изначально, еще у Екатерины, это слово было эвфемизмом для уничтожения насельников монастырей или, по крайней мере, лишения их средств к существованию. Однако ирония Ивана предполагает, что он и к «упразднению» монастырей относится скептически.

Здесь мы сталкиваемся со сложностью. Ведь по своим убеждениям Иван скорее похож на Миусова, хоть и более искренен. Однако по склонности к иронии, употреблению чужой речи и злоупотреблению ею Иван более похож на собственного отца, с которым они и понимают друг друга с полуслова. Но дело в том, что в его устах слово «упразднить» – это уже не только чужое слово, не только заимствованный у Екатерины и других секуляризаторов эвфемизм. Нет, здесь Иван передразнивает и своего отца. Если упразднить монастыри, говорит он отцу, «так вас же первого сначала ограбят, а потом... упразднят»¹⁹. В таком – уже вполне бандитском – употреблении этот глагол синонимичен слову «убьют» безо всяких эвфемизмов и околичностей. Здесь смысл слова уже не просто екатерининский и просвещенческий, а новый; смысл не либералов-просвещенцев, а радикалов. Как известно из романа «Бесы», сам Достоевский не делал особых различий между ними и бандитами-убийцами.

Истина и «эта истина»

Однако все это пока были просто упражнения в дискурсивном анализе. Вся глубину смысла чужого слова в этом отрывке являет нам только употребление собственно слова «истина» (повторю цитату): «– Да зачем упразднять? – сказал Иван. – А чтоб истина

¹⁹ Там же.

скорей воссияла, вот зачем. – Да ведь коль эта истина воссияет, так вас же первого сначала ограбят, а потом... упразднят»²⁰. Хороша же «эта» истина, если ее «воссиявание» знаменуется грабежом и «упразднением» людей! Конечно, такой вывод из этой реплики можем сделать мы, читатели. Однако поразительно здесь другое: именно такой иронически-критический смысл в реплику вкладывает сам Иван. Но еще более удивительно то, что и его отец и оппонент моментально понимает, что он имеет в виду. К моменту ответа Ивана, который и слово «истина» употребляет как цитату не только из просвещенцев, но и из речи своего отца, нам становится совершенно ясно, что здесь истина уже подменяется некоей «этой истиной», то есть превращается в безусловно чужое и ироничное слово.

Также ясно становится и то, что и отец, и сын это слово употребляют как чужое *намеренно*. Иными словами, диалог, который мы только что попытались здесь проанализировать как пример чужого слова, наглядно показывает, что речь здесь идет об «истине», которую истиной не считает никто из употребляющих здесь это слово. Этот диалог может помочь нам понять, что имеет в виду Достоевский, когда от своего имени пишет Фонвизиной о странной и дикой для христианина гипотетической возможности разделения и разлучения Христа и истины. Это, на самом деле, разлучение Христа и «истины» оппонентов Достоевского, а вовсе не то, что сам Достоевский считает истиной, неотделимой от Пути, Истины и Жизни.

Для понимания иронических призм следует еще остановиться на слове «воссияла/воссияет». Уже для русских наследников и последователей «Дидерота» это слово чужое, заимствованное из риторики оппонента. Заимствовано же оно из церковнославянского языка, где относится к Самому Христу и предполагает именно Его неотделимость от истины. В библейском и литургическом употреблении есть несколько примеров, из тех, что у носителей русского языка, особенно у современников Достоевского и его героев, на слуху. Ниже мы увидим, что самые запоминающиеся литургические обороты со словом «возсіа» есть в службах Рождества и Пасхи. Однако обычно это слово появляется как сказуемое для света или чего-то светящегося.

С подлежащим же «истина» глагол «возсіа» употребляется в Писании всего один раз, в псалме 84 по славянской нумерации, и только по-славянски, как следствие кальки с Септуагинты. То есть в еврейской Псалтири и переводах с нее не через греческий

²⁰ Там же.

здесь глагол не «воссияла», а «проросла» פָּמַצְתָּ, или, по-русски – «возникла». Сначала рассмотрим тот стих Псалтири (только по-славянски: по-русски по-другому!), где встречается это выражение: «Истина ѿ землі возсіа, и правда съ небесе приниче» (Пс 84:12).

Сравним следующие изводы 15 стиха из Псалтири о «воссиявшей истине». Нумерация псалма и стиха дана для каждого языка своя, так как она несколько разнится.

По-гречески: «ἀλήθεια ἐκ τῆς γῆς ἀνέτειλεν, καὶ δικαιοσύνη ἐκ τοῦ οὐρανοῦ διέκυψεν» (Пс 84:11).

Славянское: «Истина ѿ землі возсіа, и правда съ небесé приниче» (Пс 84:12).

И еврейское: «אמת מארץ פָּמַצְתָּ וצדק משמים נִשְׁרָף» (Пс 85:12).

По-русски, в синодальном переводе, это будет: «Истина возникнет из земли, и правда приникнет с небес». По смыслу это значит, что верность (истина как надежность, то, на что можно положиться, еврейское אמת, о котором писал еще П.А. Флоренский в начале своего «Столпа...», притом в греческом тексте появляется слово «истина» как «незабвенное» ἀλήθεια, о чем писал тот же Флоренский, сравнивая этимологию этого слова в разных языках) *произрастет* (сравни еврейское פָּמַצְתָּ) из земли, а праведность склонится с небес.

Здесь хорошо видно, что «правда» может значить и «праведность», и «справедливость», но и по-гречески, и по-еврейски прежде всего именно «справедливость», צדק. Хотя структурно это слово в псалме параллельно слову «истина», оно ему не синонимично. Здесь есть каламбур между русским и славянским значениями слова «правда», как синонимом истины (рус.) или же праведности/справедливости (ц.-слав.)²¹.

В литургических же примерах употребление глагола «воссиять» относится к чужой речи как к заимствованию из благочестивого околоцерковного дискурса носителей русского языка. А в нем ассоциации между «правдой» и «истиной» окажутся еще важнее

²¹ Достоевский, однако, активно использует слово «правда» в русском, а не в славянском значении. Сравни слова Аглаи: «У вас нежности нет: одна правда, стало быть, – несправедливо» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 8. Л., 1973. С. 354). У Аглаи не только слово «правда» оказывается синонимом позитивистской, объективно фактической «истины», но и разведено семантически с синонимичным его славянскому значению словом «справедливость». Но хотя это слово у него и оказывается синонимом слова «истина», как в современном стандартном русском языке, и оно, как и слово «истина» становится двуголосым и ироничным: ни «истина», ни «правда» позитивистов не имеют отношения к тому, что справедливо (так как в этом употреблении нет любви).

для понимания языковой игры у Достоевского, а главное – роли этой игры в понимании Достоевским истины.

Больше всего на слуху у поверхностно-церковных носителей русского языка слово «воссиять» в тропаре Рождества. В нем же и происходит паронимическое отождествление правды и истины, т. е. по-славянски это разные слова, а русское ухо слышит их как синонимы: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсіа мірови свѣтъ разума: въ немъ бо свѣздамъ служащій звездоу оучахуся Тебе кланатиса, Солнцу правды и Тебе вѣдѣти съ высоты Востока. Господи, слава Тебѣ»²². «Возсіа мірови свѣтъ разума» (в смысле светом) значит, что цель гимнографа – показать, что астрологи, которые поклонялись самим звездам («свѣздамъ служащій») были самой звездой научены, что поклоняться надо не ей, а Тому, к Кому она их приведет. На современном языке эту цель вполне можно выразить словами Федора Павловича: «<...> чтоб окончательно всех дураков обрезают»²³.

«Кланатиса Солнцу правды», конечно, означает «Солнцу праведности, то есть Христу как главной звезде, Солнцу, которое принесло в мир свет праведности и справедливости». Однако нас интересует не как «на самом деле», а как слышит русское ухо, ибо именно на этом играют и Достоевский, и Федор Павлович, и те, кого он иронически цитирует как – иронически же – цитирующих благочестивое клише ради секулярной пародии на благочестие.

Внутри же стихии русского языка слова «правда» и «истина» непосредственно и бессознательно воспринимаются сегодня и воспринимались уже во времена Достоевского как синонимы, о чем уже шла речь выше. Таким образом, в русском сознании смысл тропаря Рождества, который знают даже случайно зашедшие в храм на праздник люди – поскольку он поется многократно, и не только в церкви, но и при колядовании и в домашней молитве – сводится приблизительно к тому, что «воссияла истина» и наконец-то «окончательно всех дураков обрезаила» (если вновь применить иронический язык Федора Павловича в мире, где слова «Истина» и «Христос» все еще синонимы).

Такой перифраз вести тропаря Рождества Христова ясно показывает нам, что чужое слово может умножать иронические призывы до бесконечности. Чужое слово, в частности, может направить иронию на иронию, и тем самым оно может иронию снять и вернуться к нескомпрометированному смыслу изначального высказывания.

²² Молитвы и песнопения православного молитвослова. М.: Донской монастырь, 1994. С. 138.

²³ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 123.

Это тот самый минус, который при умножении на минус дает плюс. Для понимания иронической чужой речи у Достоевского как соли, предохраняющей Благоую весть от «компромата», описанное здесь умножение иронических призм крайне важно.

Второй почти такой же известный русским православным «захожанам» гимн – это задостойник (9-я песнь канона) Пасхи: «Свѣтисѧ, свѣтисѧ, Новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебѣ *возсіа*, ликуй нынѣ и веселисѧ, Сіѡне, Ты же, Чистая, красуйсѧ, Богородице, w востаніи Рождества Твоегw»²⁴ (то есть Рожденной Тобой). При таких пертурбациях призм бессознательного восприятия часто звучащих в песнопениях в церкви текстов о триумфе и «воссияниях» Христос часто отодвигается на задний план, а на первый выступает, будучи услышанной как истинная (как некая «истина»), некоторая картина мира, которая действительно оказывается от Христа отделенной или вовсе Ему непричастной, увы. Именно это механическое восприятие и открывает пути для иронического употребления литургических цитат, ставших формулами-клише, в устах тех, кто с этими формулами-клише полемизирует на их языке²⁵.

Такое употребление чужого слова как трофейного оружия в полемике характерно как для оппонентов Достоевского, – причем и слева, и справа, – так и для него самого. Ведь и они могут взять формулу из псалма о «воссиявшей истине» и применить ее к воцарению секуляризма, упраздняющего монастыри, – при соответствующем понимании «истины», разумеется. Но и их слова можно тоже передразнить иронически. Оказывается, что иронических призм может быть бесконечное количество, и надо очень подробно считать, четное ли их количество, снимающее иронию, или нечетное – ее усиливающее. Но тогда в любом случае у нас не остается

²⁴ Молитвы и песнопения православного молитвослова. С. 113.

²⁵ Поскольку речь идет о Воскресении, то гимн этот воспринимается как триумфалистский (как и обычные распевы, на которые он обычно поется в Церкви, если не на пасхальном каноне, то уж почти точно – как задостойник на литургии, особенно, например, Д.С. Бортнянского). К тому же после успешной победы Российской империи над староверами и создания Новоиерусалимского монастыря на Истре само обращение к Новому Иерусалиму стало восприниматься как празднование не просто Пасхи, а в изводе победы Российской империи над всеми ее врагами, которые при этом необязательно враги Христа! Триумфализм вообще постоянно налагает новые и потенциально извращающие значения на изначальную христианскую литургическую весть. Так что смысл слова «истина» оказывается здесь извращен чужим словом со стороны не только левых позитивистов, вроде Герцена, но и правых триумфалистов.

возможности цитировать какие-либо выражения и, атрибутировав их, утверждать, что имеется в виду сказанное в них прямо, а вовсе не обратный смысл.

Что же нам остается как толкователям подобных формул, при такой запутанности призм чужой речи? Что поможет нам понять, какое выражение употреблено иронично, а какое – как авторитетный источник для того, что говорящий действительно считает истиной? Ответ на этот вопрос требует от нас попытки понять, не только кто иронизирует, но и то, *для кого* процитированные слова *не* ироничны, для кого та речь, которую говорящий употребляет как чужую, будет «своей»? Кто изначально наделил ее прямым, а не ироническим, значением?

Рассмотрим участников конкретного разговора «за коньячком». Для Федора Павловича слово «истина» в этом разговоре – чужое. Это слово тех, кто действительно убежден, что истина не имеет отношения к Христу. Для Ивана это слово в том же разговоре дважды чужое: оно еще и слово Федора Павловича, над которым сам Иван тоже иронизирует. По мнению Ивана, если «упразднить» монастыри, то воссияет «*та* истина» (та еще! – *О. М.*), при которой, как уже было сказано выше, слово «упразднить» означает «убить».

Слова Ф.М. Достоевского, обращенные им в письме к Н.Д. Фон-визиной: «<...> если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной»²⁶, сущностно трансформируются, когда в «Бесах» он отдает их Шатову, а тот их произносит как цитату, чужое слово, – из Ставрогина: «– Но не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной? Говорили вы это? Говорили?»²⁷ Усложнение проблемы и полифонизация высказывания в романе очевидны: ведь в устах Ставрогина эти слова значат уже совсем не так, как в устах Шатова, – не говоря уже о самом Достоевском. Со Христом можетделиться только истина в том значении, как ее понимают люди, не связывающие ее с Ним изначально. Для Достоевского они оппоненты, и он использует их язык, чтобы иронизировать над ними же. Поэтому такое огромное значение имеет контекст, позволяющий понять, какую роль в собственно достоевском понимании истины играют чужое слово и иронические призмы в разговорах его героев.

²⁶ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Л.: Наука, 1983. Т. 28. Кн. 1. С. 176.

²⁷ Там же. Т. 10. С. 198.

Литература

- Карташев 1959 – *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви: В 2 т. Т. 2. Париж: YMCA-Press, 1959. 569 с.
- Федоров 2003 – *Федоров В.А.* Русская Православная Церковь и государство: Синодальный период, 1700–1917. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.
- Meerson 1998 – *Meerson O.* Dostoevsky's taboos. Dresden: Dresden University Press, 1998. 232 p. (Studies of the Harriman Institute. Artes liberals; iss. 2)

References

- Kartashev, A.V. (1959), *Ocherki po istorii russkoi tserkvi: V 2 tomakh* [Essays on the history of the Russian church], vol. 2, YMCA-Press, Paris, France.
- Fedorov, V.A. (2003), *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i gosudarstvo: Sinodal'nyi period, 1700–1917* [The Russian Orthodox Church and the state. Synodal period. 1700–1917], Russkaya panorama, Moscow, Russia.
- Meerson, O.A. (1998), *Dostoevsky's taboos*, Dresden University Press, Dresden, Germany. (*Studies of the Harriman Institute. Artes liberals; iss. 2*)

Информация об авторе

Ольга А. Меерсон, доктор филологических наук, Джорджтаунский университет, Вашингтон, округ Колумбия, США; 20057, США, Вашингтон, округ Колумбия, ул. 37 и О; meersono@georgetown.edu

Information about the author

Olga A. Meerson, Dr. of Sci. (Philology), Georgetown University, Washington DC, USA; 20057, Georgetown University, Department of Slavic Languages, 37th and O St., N.W., ICC, 457, Washington DC, USA; meersono@georgetown.edu

Дружба и предательство
в драматургическом и жизненном контекстах
эпохи сталинизма

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, iurjanov@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется мир нравственных переживаний человека эпохи сталинизма. В исторических контекстах могут быть различные предваряющие идеи нравственности, вплоть до отрицания общей человеческой морали. И тогда возникает вопрос: как *судить* о дружбе и предательстве, если вместо метафизического единодушия мы встречаем глубокие разрывы в коммуникациях между историческими эпохами? Отрицая общечеловеческие понятия, классовая мораль эпохи сталинизма утверждала, что только коллектив, партия, класс могут быть высшим критерием в межличностных отношениях. В качестве примера исследуется история отношений драматурга Александра Афиногенова с писателем Всеволодом Ивановым в 1937 г., – этот жизненный контекст сопоставляется с контекстом драматургическим. В пьесе Афиногенова «Страх» возникает сходная нравственная дилемма, в которой драматург фактически выступает в роли человека, оправдывающего нравственную необходимость предательства дружбы ради верности коллективистской морали.

Ключевые слова: А.Н. Афиногенов, Всеволод Иванов, Александр Фадеев, сталинизм, пьеса «Страх», Большой террор, советская драматургия

Для цитирования: Юрганов А.Л. Дружба и предательство в драматургическом и жизненных контекстах эпохи сталинизма // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 130–148. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-130-148

Friendship and betrayal in dramaturgical and life contexts of the Stalinist era

Andrei L. Yurganov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
iurganov@yandex.ru*

Abstract. In historical contexts, there can be various presuppositional ideas of morality, up to the denial of common human morality. And then the question arises: how can one judge friendship and betrayal if, instead of metaphysical unanimity, we find deep communication gaps between historical epochs? Denying universal concepts, the class morality of the Stalinist era asserted that only the collective, the party, and the class could be the ultimate criterion in interpersonal relations. As an example, the article studies the story of playwright A.N. Afinogenov's relationship with the writer Vsevolod Ivanov in 1937 such a life context is compared with the dramaturgical one. In Afinogenov's play "Fear" a similar moral dilemma arises, in which the playwright actually acts as a man who justifies the moral necessity of betraying friendship for the sake of loyalty to collectivist morality.

Keywords: A.N. Afinogenov, Vsevolod Ivanov, Alexander Fadeev, Stalinism, the play "Fear", the Great Terror, Soviet dramaturgy

For citation: Yurganov, A.L. (2024), "Friendship and betrayal in the dramaturgical and life contexts of the Stalinist era", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 130–148, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-130-148

Трудной для исторического познания является мир чувств, который на первый взгляд ничем не отличается от современного, когда речь заходит о дружбе и предательстве. Эти понятия обязаны быть неизменными хотя бы для того, чтобы иметь представление о единстве рода человеческого. Однако в исторических контекстах могут быть различные предваряющие идеи, вплоть до отрицания общей человеческой морали. И тогда возникает вопрос: как *судить* о дружбе и предательстве, если вместо метафизического единодушия мы встречаем глубокие разрывы в коммуникациях между теми, кто признает метафизику добра и кто ее категорически отрицает?..

Задолго до победы большевиков, в начале XX в., в кругах марксистов-эмпириокритиков сформировалась концепция, отрицающая моральные категории, привычные для так называемого

буржуазного общества. В основу был положен не только классовый подход, но и крайний эмпиризм, не признававший ни в каком виде метафизику. Максимально на что были способны большевики-эмпириокритики – это утверждать «позитивную религию», религию без Бога, но с верой в человечество. Общее мнение марксистов-эмпириокритиков состояло в том, что трансцендентное пребывает только в пролетарском коллективизме. А.В. Луначарский полагал, что добро и зло не существуют вне человека, вне животного мира, – эти понятия целиком относятся к естественной природе. А.А. Богданов признавал человека существом «дробным», слишком погруженным в индивидуализм и не способным подняться до коллективистского идеала: «Человек еще не пришел» [Юрганов 2018].

Человек согласно этой логике – всегда *недочеловек*, потому что человеком он может стать только слившись со своей «целостностью» (человечеством), человек – всегда «дробь», малое число, потому что никогда не будет соответствовать идеалам общества, человек – всегда только «отражение» действительности, но не ее творец.

В созданном большевиками культе действительности не было мысли, что всякая личность имеет безоговорочное право на существование – это право поставлено в связь с интересами передового общества, которое готово пожертвовать теми, кто не соответствует высшим общественным идеалам.

Обратим внимание на отношение к истине со стороны Л. Фейербаха, предшественника русских большевиков-эмпириокритиков. Он подчеркивал, что Истина – это «сознание рода». Для Фейербаха «человеческий род есть бог для отдельного человека, вид есть бог для индивида». Согласно безоговорочной марксистской догме – «истина существует не в мышлении». Истина имеет надличный характер, она соответствует масштабу рода: «Истинно то, что согласно с существом рода, ложно то, что ему противоречит. Другого закона истины не существует»¹.

Океан можно распознать по капле, а сталинизм как эпоху увидеть по яркому проявлению личного сознания, в котором индивидуально раскрываются общеупотребительные смыслы. Одной из таких «капель», выражающих собой единство эпохи, было творчество драматурга Александра Николаевича Афиногенова, обладавшего уникальными способностями не только совпадать с «генеральной линией» партии, выражать ее содержание в пьесах,

¹ Булгаков С. Религия человекобожества у Л. Фейербаха // Вопросы жизни. 1905. № 10–11. С. 253.

но и рефлексировать свое и чужое поведение в высокой степени откровенности. Афиногенов в дневниковых записях почти постоянно писал о себе в третьем лице!

Самыми тяжелым годом для всей сталинской эпохи был 1937 год. Большой террор обрушился с громадной силой, уничтожая все вокруг. Это был год, когда такие понятия, как дружба и предательство обретали не только индивидуальные черты, но и общие коннотации.

19 мая 1937 г. А.Н. Афиногенов был исключен из партии. Очевидно, что те, кто его исключал, делились на знакомых, коих было много, и друзей – редких и потому особо ценимых. Выступление А.А. Фадеева едва ли удивило Афиногенова, скорее оно показало, что никакой правды в его словах нет – а откровенную ложь можно и пережить. «Фадеев с каменным лицом обзывал меня пошляком и мещанином, переродившимся буржуазным человеком и никудышным художником»², – писал драматург в своем дневнике.

«С каменным лицом»! Значит – вынужденно: «...у самого все далеко не чисто»³. Афиногенов слушал, слушал, и в какой-то момент вдруг ощутил, что совершился тот самый «переход», который и до этого партийного собрания спасал его от депрессии: «Опять совершился “выход в третьего”, и только лицо стало красным и белые пятна на щеках». Он как будто отлетел от самого себя, и ему, как драматургу, стало интересно... В третьем лице он чувствовал себя и зрителем, и режиссером захватывающего спектакля.

В этом «спектакле» его мучает сознание лично совершенной ошибки, но он пытается понять, почему одна ошибка перевешивает все прочие достижения, почему один грех больше всего того доброго и правильного в нем, что прежде одобряла партия. Пришел поэт Сельвинский, стал утешать его; они говорили о «всей жизни человека, в которой не может не быть ошибок»⁴. Чтобы понять, можно ли прожить без ошибок, Афиногенов обращался к мировой литературе: «Как Гретхен всю жизнь жила непорочной и чистой, безгрешной и доброй. Но стоило ей один – только один раз согрешить Фаустом, как даже перед небом пошло в ад все ее прежнее благочестие и хорошесть. Грех, короткий по времени, длится куда дольше, чем хороший поступок или жизнь, которая может во времени продолжаться очень долго»⁵.

² Афиногенов А.Н. Дневник 1937 года // Современная драматургия. 1993. № 2. С. 224.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ Там же.

Уходя в «третье лицо», Афиногенов изучал поведение людей при встрече с ним – исключенным из партии... и с пониманием относился. 26 мая 1937 г. он записал в дневнике: «Сразу оборвались все связи с знакомыми людьми – и стало неловко встречаться. Им было стыдно за себя, свою трусость, а мне за них неловко. И старались разойтись, не видя друг друга»⁶.

По обоюдному желанию!

Афиногенов с интересом читал, как унижают критикой драматурга Афиногенова. Но эти статьи не о нем, а об Афиногенове! Позвольте, а он разве не Афиногенов? Да, но он-то уже другой, пока без имени – другой! Он обрел спокойствие и радость жизни от того, что попросился с самим собой – и начал заново жить, вдыхая полной грудью воздух страны, в которой творятся великие свершения социализма. Допускаю, что кому-то покажется, что Афиногенов слегка тронулся умом, но не надо спешить с выводом – не тронулся. Вот его дневниковая запись, из которой видно, насколько он контролировал свою мысль:

...прочел случайно в «Красной нови» злую сатиру Безыменского о Кирфогене. Пасквильные стихи А. Безыменского «Как делается слава» («Великий Кирфоген, известный драмадел...») были напечатаны в журнале «Красная новь», 1937, № 6, с. 246–247 и отложил, совершенно спокойный и равнодушный, это ведь не обо мне, это об Афиногенове, а я уже давно, уже три месяца, как не он – а кто-то третий, которому еще и имени нет... Но теперь, сегодня – это сознание близости к жизни наполняет радостью, прислушиваешься снова к словам последних новостей, читаешь про уборку и волнуется. Я снова вышел из летаргического сна, покаут кончился, человек начинает жить...⁷

Афиногенов придумал даже ситуацию допроса – и сочинил свой собственный допрос, как если бы оказался в руках НКВД на Лубянке⁸. Уходя в «третье лицо», он забывал обиды, нанесенные ему врагами, потому что самих врагов числил по разряду не только палачей, но и спасителей.

Вот теперь могу сказать себе – даже на врагов не сержусь, прощаю и Альтману, и Юдину, и Ставскому – они, желая меня растоптать и погубить, меня воскресили. Они, похоронив меня, зарыли в землю не труп, а живое зерно, которое даст свой колос. Еще менее сержусь

⁶ Там же. С. 226.

⁷ Там же. С. 233.

⁸ Там же. С. 236.

или огорчаюсь я людьми, которые отшатнулись боязливо. Кто они? Много...⁹

Но одно предательство он не мог забыть и простить – горечь потери настоящего друга мучила, не отпускала его, хотя во всех прочих случаях он легко отрекался от своей обиды в пользу обидчика. Но даже в таком болезненном состоянии он рассматривал это предательство не только эмоционально, но и... с рефлексией писателя, который пишет (правда, «в стол») роман о людях, о жизни, не «по заказу» свыше, а для себя...

10 сентября 1937 г.:

Сегодня пережил одно из самых горьких огорчений за последние месяцы. Я узнал, что Всеволод Иванов не только голосовал за мое исключение из союза, это уж пусть, (за) счет его слабости и желания жить в мире со Ставским. Но он даже выступал против Сейфуллиной, он настаивал на моем исключении и подписал письмо партгруппы с требованием исключения. Моя первая мысль, когда я узнал это, была – пойти тут же в Москве в комендатуру НКВД и заявить, чтобы меня арестовали, чтобы меня увезли куда-нибудь очень далеко от этих людей, от этой удушающей подлости человеческой, когда он же, Всеволод, которого я любил глубоко и которому верил, он же сам утешал меня за неделю до этого, говорил, что он советовал Ставскому не исключать меня, что все еще может уладиться. Когда он же хвалил меня как писателя, мои пьесы, а там, на собрании, заявил, что они не представляют ценности.

Эту запись можно отнести к первой эмоциональной реакции. На следующий день Афиногенов сделал новую запись. Он попытался понять, что же случилось с писателем и драматургом Всеволодом Ивановым. Обратим внимание на то, как Афиногенов объясняет свою потребность выйти из личной обиды во «вторую ступень», в которой он уже – наблюдатель, а не жертва.

10 сентября ему *не удалось* освободиться от эмоций, чтобы начать спокойно размышлять о человеческих отношениях:

Вчера (10 сентября 1937 г. – А. Ю.) никак *не мог перейти на вторую ступень* (курсив мой. – А. Ю.) – то, что удалось мне в тот вечер, когда приходили утешать меня. Сегодня мне это удалось, и я рад этому. И это успокоило меня. Восточные мудрецы советуют считать

⁹ Афиногенов А.Н. Дневник 1937 года // Современная драматургия. 1993. № 3. С. 224.

до тысячи, чтобы перевести свое чувство в спокойную оценку совершившегося¹⁰.

11 сентября 1937 г. он сумел вновь выйти «из себя» в позицию наблюдателя:

Всеволоду не по себе, разумеется. Он не то чтобы избегает встреч, он через жену даже усиленно приглашает зайти, поиграть в карты, посидеть, он через забор здоровается громким голосом, но при встрече он опускает часто глаза, говорит о постороннем, он еще не знает, что я знаю все, он только догадывается, и это мучит его. *Мучит его еще и то обстоятельство, что я на свободе* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.). Ведь он выступил против меня на собрании, где ему сообщили об аресте Киришона. Это его, вероятно, смертельно испугало, он решил жечь корабли всяких личных отношений, лишь бы самому не потонуть вместе с ними, и вот он выступает против Сейфуллиной (а ведь меня исключили большинством одного голоса только, и его голос уже дал бы равновесие). А теперь прошло несколько дней, а я все еще хожу бельмом на глазу – и получается, что он, который ко мне относится хорошо и искренне, страдает от своей речи против меня, теперь в тайниках души ждет моего ареста, ибо тогда он получит внутреннее оправдание своему выступлению, *тогда с легким сердцем он сможет сказать Пастернаку и всем, кто не одобряет его поведения, – смотрите, вот его ж взяли*, я был прав, когда отрывал последнее, что связывало меня с ним. *И это ожидание моего ареста переходит у него в желание, сейчас он его еще подавляет в себе, он не только стыдится его, но если б я ему об этом сказал, он возмутился бы смертельно, именно потому, что я попал бы в самое скрытое и больное*. Оно, это скрытое желание, растет в нем, оно переходит в манию, должен он, инженер душ, оправдаться перед всеми, кто знает, как он дружил со мной... Да и не только он один¹¹.

Размышляя о поведении своего бывшего друга, Александр Николаевич исходил из общего мнения, которое разделяли если не все, то многие: арест Афиногенова облегчил бы муки Иванова! Неслучайно он допустил, что его, Всеволода, понял бы их общий друг – Борис Пастернак: «...тогда с легким сердцем он (Всеволод Иванов. – А. Ю.) сможет сказать Пастернаку и всем, кто не одобряет его поведения, – смотрите, вот его ж взяли, я был прав, когда отрывал последнее, что связывало меня с ним»¹².

¹⁰ Там же. С. 218.

¹¹ Там же. С. 219.

¹² Там же.

Логика такова: если бы арестовали Афиногенова, как это случилось с Киришоном, то нет и не может быть предательства, ибо таково законное и верное решение партии, которая никогда не ошибается. Если не арестован тот, против кого ты выступил, то тогда обнажается не ложь партийного решения, а личное предательство друга!

14 сентября 1937 г. Афиногенов вновь вернулся к истории с Всеволодом Ивановым. Боль то утихала, то грызла изнутри. Но удивительно, что он опять, и в который раз, увлечен не своей обидой, а психологией Иванова, – что он думает? Драматург, отлученный от своей профессии, продолжал ставить спектакли в своем воспаленном сознании, а кроме того – он давно мечтал написать роман о людях. Для этого требовалась разумная точка опоры – и он находил ее в уходе от своей обиды к Афиногенову-наблюдателю:

Не могу не думать об Иванове и его речи. Как он сам объясняет себе ее? *Ему ужасно неловко сейчас* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.). Вряд ли речью против меня он заслужил очень большое к себе уважение. *Вот если бы меня забрали – другое дело. Все подивились бы его прозорливости.* Но этого нет, и вряд ли будет, и он ходит и мучается от собственной слабохарактерности и трусости...¹³

Их дачи были рядом, они ходили одними и теми же дорожками, часто видели друг друга. Дженни Марлинг, жена Афиногенова, американская балерина, страстная коммунистка, поговорила с женой Всеволода Иванова, Тамарой Владимировной, чтобы понять – что же случилось?

Днем у Дженни было объяснение с Тамарой. Они ходили по дорожке кругом перед домом, я не слышал их слов, только жесты, да еще когда подходили ближе, вырывались отдельные слова. Потом Дженни рассказала мне – Тамара пыталась объяснить речь Всеволода *необходимостью отделять частное от общественного... он не сомневается в невинности Александра Николаевича, но ведь он секретарь союза, он должен был так выступить* (курсив мой. – А. Ю.)... Вот философия двурушничества! И потом: «Вы, Дженни, слишком прямолинейны, теперь надо уметь жить компромиссами»... Но даже и она была все же смущена. Они говорили долго, потом простились, и Тамара ушла. А днем, лежа на солнце, я видел, как они вдвоем пришли откуда-то и для того, чтобы не поздороваться со мной через забор, свернули сразу от ворот влево...

Так кончилась дружба...¹⁴

¹³ Там же. С. 221.

¹⁴ Там же.

Разве нет противоречия в том, что Иванов считал Афиногенова «невиновным», а голосовал при этом за исключение его из партии? Читая эти строки, легко вписать в этот разговор современные коннотации и думать, что жена Иванова неудачно пыталась оправдать мужа. Нет, она говорила так, как говорили если не все, то многие. Это была ментальная конвенция советских людей, в которой дружба и предательство выпадали из привычного общечеловеческого дискурса, обретая тоталитарную оболочку.

В этом новом алгоритме гармонично соединялись противоположные смыслы: субъективно – человек может быть честным, порядочным, а объективно – он враг советской власти. Это не парадокс, а описание единомыслия всех, кто принимал советскую власть и стремился соединиться с нею.

В подтверждение того, что это общее согласие – приведу пример самого Афиногенова, который всегда старался соединять первейшие задачи партии в области идеологии с их воплощением в драматургии. Едва ли не каждая его пьеса – это ответ на ту или иную кампанию, которая проводилась партией большевиков...

Так, пьеса «Чудак» понравилась не только публике, но и лично И.В. Сталину. По словам Афиногенова (9 декабря 1929 г.), Сталин, придя после спектакля, сказал сотрудникам: «Предписываю всем вам пойти на “Чудака”. Замечательный спектакль, нужный спектакль, очень остро ставит проблему беспартийных, очень верно ставит, и нашу косность хорошо хлестнули» [Венявкин 2010]. Сталин публично пожал руку драматургу, успех «Чудака» открыл путь Афиногенову в руководящее ядро Российской ассоциации пролетарских писателей¹⁵.

А.Н. Афиногенов все время торопился – он боялся опоздать с задачей выразить генеральную линию партии драматургическими средствами. Новая политическая кампания нередко как бы наезжала на предыдущую, смешиваясь с нею, но одновременно и отрицая устаревшие мотивы. Пьеса «Чудак» довольно быстро стала «несовременной» – и даже опасной. Первая сталинская кампания по «самокритике», развернувшаяся в 1928 г., требовала такого образа, как Борис Волгин в пьесе «Чудак», который выступал с критикой профсоюзных и партийных работников фабрики. Еще допускалась мысль, что беспартийный интеллигент непролетарского происхождения может критиковать членов партии на производстве за отсутствие у них желания быть энтузиастами социалистического строительства [Юрганов 2023].

¹⁵ Там же. С. 14.

Новая кампания по «чистке» государственного и партийного аппарата, развернувшаяся чуть позже, была совершенно другой. Афиногенов понял, что пьеса «Чудак» устаревает на глазах и бросился писать новую пьесу под названием «Страх», в которой негативными чертами наделялись как раз беспартийные специалисты, а положительной средой оказывались «выдвиженцы» из рабочих и нацменьшинств – те, кто должен был заменить собой старых специалистов...

Победный смысл пьесы «Страх», самой знаменитой пьесы Афиногенова, состоял в том, что поражение признают те, кто в конце концов соглашается потерять свою субъектность. На каких условиях возможна полная сдача позиций для того, чтобы «переродиться» в новое качество?

Два персонажа пьесы демонстрируют этот переход: от субъективно положительного и объективно контрреволюционного к победе коллективного над индивидуальным, – это профессор Бородин и профессор Бобров, тесть и зять.

Каждый из них совершает *свое* предательство, если мотивы поступков Бородина и Боброва выводить из логики тоталитарного общества и включать их в пространство современности. В пьесе «Страх» драматург исходил из того самого постулата классовой морали, который и пыталась объяснить жена Всеволода Иванова, – субъективно невиновен Афиногенов, так действительно считает ее муж, но голосование за исключение его из партии было правильным...

Иван Ильич Бородин, профессор, научный руководитель Института физиологических стимулов, сделал доклад в институте, в котором остро охарактеризовал обстановку в СССР как обстановку всеобщего страха:

Бородин. Мы провели объективное обследование нескольких сотен индивидуумов различных общественных прослоек. Я не буду рассказывать о путях и методах этого обследования... Скажу только, что общим стимулом поведения восьмидесяти процентов всех обследованных является страх.

Голос. Что?

Бородин. Страх... Работы Горндайка, Уотсона, Лешли и других указывают на то, что безусловным стимулом, вызывающим страх, является громкий звук или потеря опоры: восемьдесят процентов всех обследованных живут под вечным страхом окрика или потери социальной опоры. Молочница боится конфискации коровы, крестьянин – насильственной коллективизации, советский работник – непрерывных чисток, партийный работник боится обвинений в уклоне,

научный работник – обвинения в идеализме, работник техники – обвинения во вредительстве. Мы живем в эпоху великого страха. Страх заставляет талантливых интеллигентов отрезать от матерей, подделывать социальное происхождение... Страх ходит за человеком... никто ничего не делает без окрика, без занесения на черную доску, без угрозы посадить или выслать. Кролик, который увидел удава, не в состоянии двинуться с места – его мускулы оцепенели, он покорно ждет, пока удавные кольца сожмут и раздавят его. Мы все кролики...¹⁶

Он говорил в пьесе так, как будто ему разрешили говорить все, что думаешь. «Что сделалось с людьми? – восклицает Бородин в первой картине. – Профессоров сажают в тюрьму, аспиранты лезут на кафедры, таланты гибнут от выдвиненцев... Сыновья отказываются от матерей и скрывают прошлое, дочери обвиняют отцов...»¹⁷.

Профессора Бородина драматург изобразил объективно отрицательным и субъективно положительным по одной лишь причине – отнюдь не ради того, чтобы изобразить, как страна движется к террору, – а для закрепления своего первенства *в театральных презентациях* идеологических решений партии. Вот почему он так страстно протестовал против любой попытки отрицать идеологию в искусстве, – он мыслил себя руководителем, если не всего художественного, то хотя бы «театрального фронта».

Осенью 1931 г. Константин Сергеевич посмотрел на репетициях первые четыре картины пьесы «Страх», а потом и весь спектакль. Станиславский предъявил драматургу ряд требований по тексту пьесы. Профессор Бородин произвел на него сильнейшее впечатление. Как свидетельствует Н.М. Горчаков, советский театральный режиссер, педагог, театровед, лауреат двух Сталинских премий, знавший «кухню» МХАТа изнутри, Станиславский «считал логичным просто-напросто “хоть на время”, как говорил он, арестовать Бородина после его глубоко реакционного, по существу, доклада»¹⁸.

То, что говорил профессор Бородин, согласно диалектической логике Афиногенова, было проявлением враждебной теории старых специалистов, которые не понимают значение «политики» в научных трудах, не признают теоретического первенства марксизма, уходя в свои субъективно окрашенные теории.

¹⁶ Афиногенов А.Н. Избранное: В 2 т. Т. 1: Пьесы, статьи, выступления / Вступ. статья А.В. Караганова; Сост. и примеч. К.Н. Кириленко, В.П. Коршуновой. М.: Искусство, 1977. С. 220.

¹⁷ Там же. С. 195.

¹⁸ Горчаков Н. Режиссерские уроки К.С. Станиславского: Беседы и записи репетиций. М.: Искусство, 1951. С. 523.

Актер Леонид Миронович Леонидов пришел к Станиславскому и попросил освободить его от роли Бородина:

Так вот, Константин Сергеевич, – сразу начал он, – я пришел просить вас освободить меня от роли Бородина. У меня есть дублер, очень талантливый молодой артист, Василий Александрович Орлов. Он отлично справится с этой ролью. А я не могу. Я только нервничаю, волнуюсь и вижу, что у меня ничего не выходит. Прошу вас освободить меня; если хотите, снимите меня с этой роли. Все это было произнесено страстно, горячо, видимо, глубоко продумано и, как говорится, давно «наболело» в душе актера.

Станиславский сделал вид, что он не замечает волнения Леонида Мироновича и совершенно спокойно спросил:

– А по каким признакам вы считаете, что роль у вас не выходит?

Л.М. Леонидов. Я репетирую эту роль; понимаю, что она очень важная, рисующая перелом в отношениях старой интеллигенции к советской власти, к социализму и... чувствую, что зритель меня в этой роли не примет, не полюбит.

К.С. Но ведь зрителей вы еще пока не видели, они не ходят на наши репетиции, не видят нас...

Л.М. Леонидов. Ходят, видят и не принимают моей игры!¹⁹

Оказалось, что на репетиции спектакля ходят работники театра, коллеги – и они не хотят видеть игру артиста! Что это, страх? Или – равнодушие к словам и мыслям профессора Бородина?

Л.М. Леонидов. Все. Те, кто приходит и сидит, смотрит на репетиции из зала. Рабочие и пожарники, которые смотрят на репетицию из кулис сцены, наконец, партнеры по пьесе. Как только начинаются сцены Бородина – все исчезают, уходят. Как только появляются в пьесе Кимбаев – Ливанов – все опять возвращаются на свои места, и я вижу, что они заинтересованы пьесой, актерам. У меня не хватает обаяния, очевидно, чтобы играть Бородина, – вот на меня никто и не хочет смотреть...²⁰

Леонидов пытался убедить Станиславского, что у него нет обаяния для этой роли. Но актер такого уровня не может его не иметь. В конце концов Леонидов сам опроверг себя, открывая истинную причину нежелания играть Бородина, – это страх!

К. С. Не в этом ли скрыт секрет обаяния актера. В задаче роли. В сверхзадаче пьесы, делающей актера обаятельным, любимым зрителем в своих сценических действиях?

¹⁹ Там же. С. 524–525.

²⁰ Там же. С. 525.

Л.М. Леонидов. Я с вами согласен. Но Бородин-то ведь не несет в жизнь ничего положительного! Это же реакционер, пока его крепко не стукнули по голове. Вы сами говорили, что его арестовать надо!

К. С. Автор мне доказал, что я ошибаюсь, что Бородиных надо перевоспитывать, а не арестовывать. И думаю, что я был неправ, а Афиногенов прав²¹.

Итак, мы видим, что Станиславскому режиссеру, и Леонидову актеру было бы легче, если бы Бородина арестовали на какое-то время. Слишком много он позволил себе, а наказания нет. Это удивляло! Но Афиногенов убедил Станиславского, что пьеса не о наказании, а о перевоспитании старой интеллигенции; в свою очередь Станиславский убедил Леонидова, что бояться не надо – в этой пьесе субъективное, оно же контрреволюционное – подчиняется объективному («жизни»), – так вот это и надо сыграть!

Станиславский и Афиногенов договорились: «Сошлись на том, что будет написана новая восьмая картина – «У следователя» и резко изменены линии поведения действующих лиц в девятой, последней картине»²². Афиногенов согласился переделать восьмую и девятую картины (последние в пьесе), – таков был результат компромисса со Станиславским, который настоял на том, что пьесе необходим «следователь». На следствии (в переработанном варианте пьесы) Бородин встречается с учениками и друзьями, которые его предают, взваливая на него всю вину в политическом противостоянии советской власти. Профессор повторяет только одно слово: «Чудовищно!»

Его предают друзья, ученики, а он предает самого себя. Ему предлагают условие – чтобы остаться в Институте, необходимо публично отречься от своего доклада – и выступить с опровержением. Бородин дает согласие, он пафосно стирает саму память о себе, соединяясь с «объективным» (с «жизнью»), чтобы никто не мог и вспомнить, каким был Бородин – ученый, имевший свой личный взгляд на науку.

Итак, две предваряющие идеи формируют смысл добра – оно или само по себе (что осуждается как явление «буржуазное»), или классовое – тогда предать это уже не предать, а уничтожить собственную личность, противостоящую коллективной правде и классовой морали. Афиногенов легко допускает не в отношении себя, а своего героя, логику уничтожения личности для доказательства Истины, которая, как думал еще Фейербах, не заключена

²¹ Там же. С. 526.

²² Там же.

в человеческом сознании, – это прерогатива родового обезличенного «Мы».

Еще сильнее этот мотив звучит в поступках профессора Николая Касьяновича Боброва.

Афиногенов, видя, что пьеса оказалась довольно сложной, написал почти на каждого персонажа характеристики. Давая характеристику Боброву, драматург не скрывал, что он сознательно затронул очень щепетильные моменты его внутренней трансформации:

Беспартийный профессор или доцент, лет 38–40. Отца его звали Касьяном, именинник он был по високосным годам, и сына вырастил одиночку, рефлексивного, хмурого, малоподвижного парня, книжника, почти Обломова в душе. Но новое время потрянуло. Обломовым приходится туго. Надо переламывать себя – или вниз в болото, или вверх. И он карабкается вверх, раздираясь противоречиями. Он ненавидит свое прошлое – в нем, кроме сытой лени, нет ничего. Как он кончил университет, как стал профессором – самому неясно. А теперь в Ин-те, под началом Бородина, *ему он верит, к нему ушел от Котомина, профессора, бывшего учителя, с которым разошелся на принципиальной почве* (курсив мой. – А. Ю.). Отсюда видно, что принципы для него играют большую роль. Ради них он готов и на разрыв, и на ссору. Но рвет и ссорится он по-своему, также вяло и раздвоенно, как и мыслит²³.

Задержимся здесь. Афиногенов своеобразно толкует разрыв Боброва с Котоминым, ученика с учителем. Согласно этой характеристике – был *процесс* разрыва. Но по тексту пьесы – такого не скажешь. Напротив, возникает мысль не столько о «принципах», сколько о внутреннем страхе Боброва, который сразу отрекся от Котомина, когда узнал, что он арестован... Захаров, профессор по истории древневосточных религий, один из тех, кто потом предает Бородина, находит книгу в библиотеке, подходит к Герману Кастальскому, «любимому ученику» и аспиранту Бородина, и показывает надпись: «Моему *единомышленнику* и другу Николаю Боброву – Павел Котомин»²⁴.

Кастальский, посмеиваясь над Бобровым, говорит: «Ну – скорее на извозчика и в редакцию. Отмежуйтесь от учителя. Плюньте ему в бороду – он теперь за решеткой – не страшно. И вас вознесут под руки. Ну?»²⁵

²³ РГАЛИ. Ф. 2358. Оп. 1. Д. 67. Л. 4.

²⁴ Афиногенов А.Н. Избранное. Т. 1. С. 207.

²⁵ Там же.

Две предваряющие идеи по-разному формируют ландшафт нравственного сознания: если добро само по себе добро (метафизическое), то насмешка Кастальского должна быть опровергнута немедленно, ибо это оскорбительно для личности. Если добро не само по себе, а дисциплина подчинения обезличенной правде коллектива, то следует... взять извозчика и ехать в редакцию. Что и сделал Бобров.

Читаем – в первоначальной редакции пьесы²⁶, до *переделки* текста по просьбе Станиславского:

Герман (Кастальский). Николай Касьянович, спешите отмежеваться от Котомина, чтобы снискать расположение Елены Михайловны.

Бобров. Мы давно расходились с Котоминим во взглядах.

Профессор. Да не теперь же протестовать, когда он в тюрьме.

Бобров. Я, разумеется, запоздал с выступлением, но лучше поздно, чем никогда. Я не хочу, чтобы Кастальский спекулировал на моей мягкотелости.

Профессор. Николаша, Николай Касьянович...

Бобров. Я напишу письмо в редакцию²⁷.

Профессор. Профессор Бобров! Вы недостаточно взрослый мужчина. Можете поступать, как найдете нужным.

Герман. И выгодным.

Профессор. Но знайте – наши отношения еще более поколеблены²⁸.

Вернемся к характеристике Боброва, данной драматургом:

Мышление его разодрано противоречиями – быть или не быть – разумеется «быть». Но на пути к «быть» – многие сомнения и пропасти – как излечиться от проклятого гамлетизма, не дающего жить и работать. И он идет, но все же не может заглушить одиночества. В коллективе и Ин-те он одинок, у него нет жизнеутверждающего начала, куда ринуться, с кем работать и как работать. Он страшно любит детей, но их у него нет. Приходит к Елене, посмотреть на Наташку, любит годовалого мальчишку и приносит ему игрушки, а с Наташей говорит обо всем, и она ему верит, и всем с ним делится. *Ему она первому поведала тайну отца, и он решился на ее разоблачение перед комиссией* (комиссией по чистке. – А. Ю.).

Это продумать в связи с обвинениями его во вредительстве²⁹.

²⁶ Музей МХАТ. №133. Пьеса «Страх». Л. 27–28 (Рукопись не описана).

²⁷ В переработанном варианте усиливается желание Боброва отмежеваться от Котомина: «Я сейчас же поеду в редакцию» (*Афиногенов А.Н.* Избранное. Т. 1. С. 205).

²⁸ Музей МХАТ. № 133. Пьеса «Страх». Л. 27–28.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 2358. Оп. 1. Д. 67. Л. 4.

Бобров предал девочку, которая сообщила ему, как другу, тайну социального происхождения ее отца – Николая Петровича Цехового... Понимал ли Афиногенов, что это предательство? Да, понимал! Более того, Афиногенов нашел *нужные слова*, чтобы максимально точно определить ситуацию при принятии подобного решения:

Когда разнеслись слухи о петиции и аресте его учителя, ему казалось, что все на него смотрят по-особенному, что его уже подозревают. И действительно, слухи начинают касаться непосредственно его. Ощущение временности всего происходящего волнует его – это *второй конфликт между вечностью и нынешним днем*³⁰.

Как точно сказано! «Между вечностью и нынешним днем»... Этот страх отречения от «вечности», от общечеловеческих ценностей, от «гамлетизма» – от всего, что определяется неклассовым гуманизмом – надо пережить³¹. Вот – главная тема пьесы «Страх» [Юрганов 2024]. Главная для драматурга. Мучается ли герой пьесы? Да, испытывает неловкость и даже признает, что предал маленького друга. В первоначальной редакции пьесы (в восьмой картине) Бобров отдает письмо Кларе Спасовой, старой большевичке, и Елене Макаровой, партработнику Института, в котором сообщает, что ему известно скрытое от партии дворянское происхождение Цехового.

Бобров: Я сейчас в положении Фауста. Я должен обмануть любимого друга – маленькую девочку. Она доверила мне первую страшную тайну своего детского сердца, я дал слово хранить эту тайну – и теперь нарушаю слово... Но только я не Фауст, нет, просто я не могу молчать (курсив мой. – А. Ю.).

Клавдия Васильевна, в вашей работе нужна полная ясность положения – прочтите письмо о Николае Цеховом (*дает письмо, ушел*).

Клара (вслед). Обязательное вступление на полтора листа.

Елена: А я его понимаю. Ты все-таки в Институт попала, старушечка?

Клара: Не хотели шефской комиссии. Нате вам комиссию по чистке.

³⁰ Там же. Л. 5.

³¹ В газете «Известия» говорилось так об эволюции интеллигенции, в частности, Боброва: «Этот молодой ученый с самого начала спектакля дан как человек, которого начинает убеждать правда «подлинной жизни», по которой еще несет в себе огромное количество предрассудков. К концу пьесы он идет уже целиком и решительно с теми же партийцами – Макаровой и Кимбаевым...» (*Чарный А. Почему «Страх»? // Известия. 1932. 7 янв.*).

Елена: Запоздалая победа, но все-таки победа, Клара. Мне бы сейчас кувырком по комнате.

Клара: Разве мы могли не победить? Смешно... (читает). Смешно, да не очень... А что? Грустно... Просто паршиво... Н-да... Вступление то он не зря сделал... На-ка, Лена, читай... (*следит за выражением ее лица*).

Елена (прочла, молчит). Николай для меня, как выдернутый зуб. Не болит и не жалко.

Клара: Это зуб с корня гниет...³².

Клара Спасова и Елена Макарова возмущены не тем, что Бобров предал маленького друга, а тем, что Николай Цеховой, отец этой девочки, скрыл от партии правду о себе... В первоначальной редакции, в конце девятой картины, разоблаченный Цеховой выходит пьяный на сцену со словами «Меня исключили из партии, я пришел убить свою мать». Амалия Карловна – сатирический образ, изображающий дореволюционную Россию, она мать Цехового, с удовольствием вспоминая, как в нее был влюблен молодой студентик – Иван Бородин... Теперь, он, Николай Цеховой, Амалия Карловна и Наташа составляют одну семью, семью отверженных. После всех чисток их начнут именовать «бывшие люди». Слова Цехового – это не только ерничество, но и жутковатая правда превращения социально чуждых людей в злейших врагов советской власти. И хотя Наташу берет под свою опеку Клара Спасова, но это до поры до времени. Наташа навсегда останется дворянской дочерью, внучкой военного прокурора, крупного помещика – и никаких шансов построить нормальную жизнь у нее не будет.

Впрочем – это вне театра...

А на сцене все смягчается театральной верой в светлое будущее.

Бобров сделал еще один шаг – подал заявление в партию. Это обстоятельство удивило Валу, его бывшую жену, которая ушла от него к Николаю Цеховому, о чем, правда, уже сожалела:

Валя. Ну, как ты?.. Я читала твое выступление на конференции научных работников. Ты очень переменялся, Николай...

Бобров. Я подаю заявление в партию.

Валя. В партию? Ты и в партию?

Бобров. Примет ли меня партия, не знаю. Было время, когда мы считали себя учителями жизни... И поучали. Теперь мы сидим в przygotowительном классе и учимся, а «поучительства» в себе до сих пор не вытравили. Но если даже меня не примут – дорога мне ясна...

Валя. Ты нашел себя... а мне вот даже завод не помог...

³² Музей МХАТ. № 133. Л. 70–71.

*Бобров. Ты на заводе – запасной ключ, а нужно быть органическим винтиком (курсив мой. – А. Ю.)*³³.

Вот что в пьесе «Страх» представлено в виде жизненной цели для зрителей (с точки зрения драматурга) – избавиться от себя, своей личности, слиться с «объективным» процессом, раствориться в нем – стать «органическим винтиком». Афиногенов обиделся на друга Всеволода Иванова, который проголосовал за исключение его из партии, потому что к этому решению склонялось *большинство* партийной ячейки, но в своем творчестве драматург допускал мысль, что можно и даже нужно предать «вечность», чтобы слиться с «объективным» смыслом «жизни». Бобров осознает, что предал маленького друга, значит, в своем нравственном сознании Афиногенов мог поступить точно так же, как поступил Бобров. Ничего не смущаясь, ибо вечности нет!

Как судить о дружбе и предательстве в эпоху сталинизма, если в предваряющих идеях того, кто судит, и тех, кого судят, обнаруживаются противоположные основания? Никак не совпадая, они устанавливают свои правила добра – или как добра метафизического, основанного на утверждении прав личности независимо от «действительности», или как добра, в котором у личности нет прав на вечность, но зато есть необходимость раствориться в безличном сознании родовой, видовой, коллективной жизни.

Находясь в эмиграции, Н.А. Бердяев написал небольшую книжку о «генеральной линии» в марксистской философии. В ней он подвел итог своей борьбы за права личности: «Две установки возможны для человека, два совершенно разных положения. И все меняется от этих разных установок и положений. Человек может стоять перед Богом и перед тайной бытия, тайной существования. Тогда у него есть чистое сознание, чистая совесть, тогда дано ему бывает откровение, тогда дана ему интуиция, тогда есть подлинное, первородное творчество, тогда прорывается он к первоисточнику. И человек может стоять перед другими, перед обществом. Тогда его сознание, его совесть не могут быть чистыми. Тогда искажается истина откровения, тогда сама религия делается социальным фактом, тогда потухает свет, блеснувший в интуиции, тогда огонь творчества охлаждается, тогда вступает в свои права ложь, признанная социально полезной и даже необходимой. Тогда человек определяется социальной обыденностью... Тогда человек не прорывается к первоисточнику»³⁴.

³³ Там же. Л. 75–76.

³⁴ *Бердяев Н.А.* Генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм. Paris, 1932. С. 7.

Литература

- Венявкин 2010 – *Венявкин И.* «Самодопрос» писателя Афиногенова: поиски литературной формы во время Большого террора // *Источниковедение культуры*: альманах. Вып. 2 / Отв. ред., сост. А.Л. Юрганов. М.: РГГУ, 2010. С. 13–66.
- Юрганов 2018 – *Юрганов А.Л.* Ренессанс личности в судьбе русского модернизма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 117–119.
- Юрганов 2023 – *Юрганов А.Л.* «Бобруйское дело» и пьеса А.Н. Афиногенова «Чудак»: социально-политические реалии сталинизма и советская драматургия // *Россия и современный мир*. 2023. № 2 (119). С. 156–174.
- Юрганов 2024 – *Юрганов А.Л.* О первоначальной редакции пьесы «Страх» сталинского драматурга Александра Афиногенова, 1930-е гг. // *Вестник архивиста*. 2024. № 2. С. 480–494.

References

- Venyavkin, I. (2010), “‘Self-questioning’ by writer Afinogenov. The search for literary form during the Bolshoi Terror”, in *Istochnikovedenie kul'tury: al'manakh* [Source study of culture. Almanac], iss. 2, RGGU, Moscow, Russia, pp. 13–66.
- Yurganov, A.L. (2018), *Renessans lichnosti v sud'be russkogo modernizma* [Renaissance of personality in the fate of Russian modernism], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, Saint Petersburg, Russia.
- Yurganov, A.L. (2023), “‘Bobruisk Case’ and A.N. Afinogenov’s play ‘The Weirdo’: socio-political realities of Stalinism and Soviet dramaturgy”, *Russia and the Contemporary World*, vol. 119, no. 2, pp. 156–174.
- Yurganov, A.L. (2024), “On the original version of the play ‘Fear’ by Stalinist playwright Alexander Afinogenov. 1930s”, *Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 480–494.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrei L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; iurganov@yandex.ru

УДК 75.004(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-149-160

Советская историческая живопись в идеологических контекстах

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется картина художников А.Н. Яр-Кравченко, А.П. Зарубина, которую художники рисовали в 1948–1960 гг. Вначале на ней была изображена встреча И.В. Сталина с советскими писателями, которая произошла в доме А.М. Горького в 1932 г. Завершая картину при Н.С. Хрущеве, авторы заменили Сталина на Горького. История картины и история события, на ней изображенного, позволяет анализировать воздействие различных идеологических контекстов на произведение социалистического реализма.

Ключевые слова: социалистический реализм, советская литература, советская историческая живопись, И.В. Сталин, А.М. Горький, А.Н. Яр-Кравченко, А.П. Зарубин

Для цитирования: Одесский М.П. Советская историческая живопись в идеологических контекстах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 149–160. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-149-160

Soviet historical painting in various ideological contexts

Mikhail P. Odesskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the painting by artists A. Yar-Kravchenko and A. Zarubin, which the artists painted in 1948–1960. At the beginning, it depicted the meeting of I. Stalin with Soviet writers, which took place in the house of A. Gorky in 1932. Completing the picture under N. Khrushchev, the authors replaced Stalin with Gorky. The history of the painting and the history of the event depicted on it allows one analyze the impact of various ideological contexts on the work of socialist realism.

© Одесский М.П., 2024

Keywords: socialist realism, Soviet literature, Soviet historical painting, I. Stalin, A. Gorky, A. Yar-Kravchenko, A. Zarubina

For citation: Odesskii, M.P. (2024), "Soviet historical painting in various ideological contexts", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 149–160, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-149-160

Картину «Ответственность на вас!» А.Н. Яр-Кравченко и А.П. Зарубин создавали в течение продолжительного срока: с 1948 по 1960 г. (хранится в Государственном музее истории российской литературы имени В.И. Даля). Более того, она зафиксировала символическое значение важного культурного события – закрытых собеседований литераторов с высшим руководством, которые способствовали формированию Союза советских писателей (1934). И на момент замысла, и позднее функционируя в качестве образцового примера советской исторической живописи, она тем не менее оказалась вписана в по-разному нюансированные идеологические контексты. Их дифференцирующее определение и есть задача данной статьи.

На исторической композиции «Ответственность на вас!» А.М. Горький обращается с речью к многочисленным советским писателям, собравшимся у него дома. Идея, портреты, интерьер были зоной ответственности Яр-Кравченко (когда-то близкого Н.А. Клюеву, потом автору полотна «Горький читает Иосифу Сталину, Клименту Ворошилову и Вячеславу Молотову свою сказку «Девушка и смерть»»), сложная расстановка фигур – Зарубина.

Изучение картины показало, что место ораторствующего А.М. Горького ранее занимали И.В. Сталин и его соратники. Это обнаруживает реальную основу живописного сюжета: две встречи руководителей партии и правительства с литературными звездами, организованные в режиме секретной операции и имевшие место 20 и 26 октября 1932 г. в особняке Горького и в его осеняющем присутствии. Встречи с писателями стали эпизодом в масштабной истории, хронологические рамки которой заданы, с одной стороны, постановлением Политбюро ЦК от 22 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», а с другой – Первым съездом Союза советских писателей (август–сентябрь 1934 г.). Причем это время было занято кипучей организующей деятельностью, затронувшей не только писателей, но и высшее начальство (наряду с самим генсеком – В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, П.П. Постышев).

Отсюда возникает базовый вопрос: с какой целью Сталин и его окружение так вплотную и продолжительно занялись литературой? Сразу можно отместить подозрение, что прозорливых и заботливых вождей всегда занимала отечественная словесность, и вот благоприятные обстоятельства наконец позволили на досуге заняться ею. Экономическая и политическая ситуация была тяжелой, в Германии пришел к власти Гитлер с заявленной антикоммунистической программой, на Дальнем Востоке маячила война с Японией, в результате индустриализации и коллективизации возник затяжной кризис, не хватало продуктов. Внимательный и въедливый М.М. Пришвин занес в дневник (11 сентября 1932 г.): «В распределителях нет ничего. Вокруг нищета и злоба в атмосфере безнадежности. По-видимому, скоро должна быть перемена в политике...»¹ Тем не менее Кремль сосредоточился на писателях. Соответственно, логично предположить, что создание Союза советских писателей (ССП) подразумевало нечто очень важное и не жестко связанное с литературой.

Прежде всего – перестройка литературы вскоре стала образцом для аналогичных акций в области других искусств, то есть ССП создавал прецедент для «перестройки» всей советской культуры. Однако, похоже, был и чисто политический подтекст. Для его реконструкции необходимо несколько расширить хронологические рамки и перенестись в 1929 и 1930 гг.

Победив к десятилетию Октября Л.Д. Троцкого и «левую оппозицию», Сталин продолжил консолидировать власть в партии и государстве, атаковав прежнего союзника Н.И. Бухарина и других заметных политиков, которых объявил «правой оппозицией». 24 августа 1929 г. газета «Правда» поместила редакционную статью «Об ошибках и уклоне тов. Бухарина».

Одновременно в области культуры рапповцы – не просто сторонники «пролетарской литературы», но прямые проводники партийных указаний – инициировали очередную пропагандистскую кампанию. Объектами ненависти были выбраны Е.И. Замятин и Б.А. Пильняк – руководители Всероссийского союза писателей, объединявшего «попутчиков» (термин, которым Троцкий некогда обозначил писателей «непролетарских», но принявших Октябрь). 26 августа 1929 г. «Литературная газета» напечатала статью журналиста-функционера Б.М. Волина «Недопустимые явления», в которой таковыми были сочтены заграничные издания романа Замятина «Мы» и повести Пильняка «Красное дерево». 2 сентября

¹ *Пришвин М.М.* Дневники: 1932–1935. Кн. 8 / Подгот. текста Я.З. Гришиной. СПб.: Росток, 2009. С. 190.

1929 г. в той же «Литературной газете» секретариат РАПП предложил всем писателям «определить свое отношение к поступкам Е. Замятина и Б. Пильняка». Истерия нарастала. 20 сентября журнал «Книга и революция» поместил статью Волина «Вылазки классового врага в литературе», которая, в частности, содержала призывы принять новую резолюцию об отношении к литературе, должную соответствовать «эпохе социалистического наступления, выкорчевывания остатков капитализма и все более и более обостряющейся классовый борьбе в нашей стране и, следовательно, в литературе».

Но резолюцию не приняли, напротив, в конце октября 1929 г. руководство, не отрицая рапповские мнения о заграничных публикациях, объявило, что все же допущены «перегибы», т. е. проявления чрезмерной агрессивности против литераторов, дистанцировавшихся от рапповцев (Волину даже пришлось на некоторое время покинуть Москву).

Сходная схема была реализована уже на политическом уровне, когда в ноябре 1929 г. «правого» Бухарина исключили из состава Политбюро ЦК, в декабре с небывалым размахом отметили день рождения Сталина, бесспорно полновластного теперь хозяина СССР, а 2 марта 1930 г. «Правда» опубликовала его статью «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения». Сталин констатировал триумф политики коллективизации, но отрекся от «левацких перегибов» (т. е. повторения ошибок Троцкого), допущенных исполнителями, у которых случилось «головокружение от успехов».

Для большинства советских граждан столь крутой поворот был неожиданностью. Это подтверждает дневниковая запись Пришвина. По его словам, в деревне «сталинская статья “Головокружение”, как бомба, взорвалась»².

Преодолев «левое» головокружение и «правую» опасность, Сталин в докладе на XVI съезде партии (июнь–июль 1930 г.) констатировал победу генерального курса и достижение внутренней стабильности. 3 июля 1930 г. «Правда», согласно традиции, подвела итоги XVI съезда и опубликовала сталинское «Заключительное слово по Политическому отчету», где генеральный секретарь объявил:

Я говорил в своем докладе, что XVI съезд партии является одним из тех немногих съездов в истории нашей партии, на котором нет

² Пришвин М.М. Дневники: 1930–1931. Кн. 7 / Подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной. СПб.: Росток, 2006. С. 43–45.

сколько-нибудь оформленной оппозиции, могущей выставить свою собственную линию и противопоставить ее линии партии. Оно, как видите, так именно и вышло на самом деле³.

Согласно Сталину, партия стала монолитной. В качестве накопленного руководством опыта правомерно указать, что для дальнейшего контроля над партией следовало чередовать пропагандистскую истерию с ее последующим «головокружительным» дезавуированием, а также использовать как сферу предварительных политических атак – литературу. В 1931 г. рапповцы привычно продолжили продвигать проект новой литературной резолюции, которая подтвердила бы абсолютное доминирование их – проверенных партийцев⁴, но параллельно у Сталина явно складывалось убеждение, что его власти угрожает не только первый ряд от Троцкого до Бухарина (которые уже исчезли из актива), а в целом генерация «старых большевиков». Ведь у них за прошедшие годы могло сформироваться ложное представление о том, что они вполне компетентны как в теории марксизма-ленинизма, так и в практике социалистической государственности. Напротив, Сталину ныне нужны были те, кто твердо усвоили, что в теории и практике компетентно лишь руководство, на роль же исполнителей подходят и партийные, и беспартийные. Последние в некоторых случаях – предпочтительно. Потому постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» оказалось направлено преимущественно против РАПП. У противников рапповцев постановление рифмовалось с взрывным эффектом статьи «Головокружение от успехов». По Пришвину (запись от 1–2 ноября 1932 г.): «Аналогия “Головокружение”: тогда в коллективизации крестьян пострадали зарвавшиеся головки, теперь в коллективизации писателей – РАПП»⁵. Симптоматично, что Троцкий, пристрастный аналитик советской общественности, в самый канун принятия постановления прогнозировал:

Переходному режиму СССР отвечает до известной степени руководящая роль «попутчиков» в литературе. Перевес попутчиков облегчается еще тем, что бюрократический режим душает самостоятель-

³ *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. М.: Гос. изд. политической литературы, 1951. С. 1.

⁴ См., например: Проект резолюции о художественной литературе, 11 января 1931 г. // «Счастье литературы»: Государство и писатели: 1925–1938 гг.: Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. С. 95.

⁵ *Пришвин М.М.* Дневники: 1932–1935. С. 227.

ные творческие тенденции пролетариата. За образцы пролетарской литературы выдаются произведения менее даровитых попутчиков, отличающихся гибкостью спины⁶.

А вот для самих рапповцев, которые привыкли к положению посвященных, постановление – несмотря на тревожные знаки – «прозвучало как удар грома. Литературные вожди были ошеломлены, только несколько дней назад их приглашали на заседание Оргбюро ЦК. Они там выступали как избранные, поддерживаемые партией. И вдруг у них отняли сразу все»⁷. Потому же, организуя совещания с писателями, 20 октября 1932 г. вызвали партийных, а 26 октября продублировали хэппенинг для всех, принципиально включив и беспартийных. В такой перспективе тайна высокого внимания к словесности приоткрывается: создание ССП функционировало в качестве интродукции к радикальной партийной чистке, XVII съезду и «большому террору». Характерный правительственный жест: в 1935 г. самоликвидировалось Общество политкаторжан. Но, конечно, важной для партии и правительства оставалась и сама по себе советская литература, управление которой отныне будет реализовываться непосредственно руководством и не будет доверено никакой литературной группе, даже сверхлюбяльной партии.

* * *

Согласно последней версии картины Яр-Кравченко и Зарубина, призыв «Ответственность на вас!», ставший названием композиции, звучит из уст Горького. Дело не только в том, что после хрущевской критики «культы личности» сталинскую группу удалили с полотна: фигура Горького для живописцев была изначально столь же смыслово нагружена, как и весь сюжет. Исторически подключение Горького стало одним из определяющих факторов литературной революции 1930-х. Начать с того, что апрельское постановление совпало с окончательным возвращением писателя из Италии, барской организацией его быта и грандиозными юбилейными торжествами, когда имя Горького получили Нижний Новгород, Тверская улица в столице, МХАТ и т. д.

Репутация писателя идеально отвечала кремлевскому плану перестройки советской литературы. На протяжении всех послереволюционных лет Горький – вопреки расхождениям с В.И. Лениным или Г.Е. Зиновьевым, вопреки спорадическим нападкам пролетар-

⁶ Троцкий против Сталина: Эмигрантский архив Л.Д. Троцкого, 1929–1932 гг. М.: Центрполиграф, 2014. С. 443.

⁷ *Курпотин В.Я.* Ровесник железного века. М.: Захаров, 2006. С. 152–153.

ских писателей или лефовцев – сохранял в СССР высокий литературный и общественный авторитет. Он – беспартийный, он – литератор, знаменитый и способный мобилизовать в интересах СССР международное литературное сообщество, он – защитник гонимых в пору кампании 1929 г., неизменный покровитель Замятина.

Руководство востребовало именно символический потенциал Горького, а не его кадровые пристрастия, которые у властолюбивого писателя имелись. В том числе подозрительно, что апрельское постановление принимается не после, а до явления писателя в СССР. Горький в 1931 г. скорее сочувствовал Л.Л. Авербаху и некоторым рапповцам, которые как раз попали под удар, и позднее, духовно возглавив работу по созыву съезда писателей, продолжил прежнюю линию и стремился включить в Оргкомитет бывших вождей РАПП. В таком контексте открывается вторая тайна встреч с литераторами в его особняке. Хотя непосредственным поводом для совещаний послужило обсуждение введения рапповцев в Оргкомитет, однако в процессе реализации идея неожиданно трансформировалась. В новых рамках Горький – живой классик № 1, номинальный литературный вождь, его упорно «привязывают к работе» «конкретным рабочим участием»⁸, но фактически возглавят Оргкомитет ставленники ЦК (вроде В.Я. Кирпотина, сотрудника аппарата, литератора-партийца, но с РАППом не связанного ни организационно, ни персонально) и советская литература будет формироваться отнюдь не по рекомендациям Горького.

Писатели в сухом остатке получили имущественные и статусные блага, лестное звание «инженеров человеческих душ», а эстетически их единство – уже вне приоритета членов партии – определялось новым литературным методом «социалистического реализма». Тайна формулы, «озвученной» фигурой Горького на картине Яр-Кравченко и Зарубина, расшифровывалась приблизительно так: коль скоро руководство решило широкий спектр трудностей литераторов – отныне «ответственность на вас».

* * *

Метод «социалистического реализма» пытались отрефлексировать еще до встреч у Горького, но – после апрельского постановления. Достаточно давно идут споры об авторстве дефиниции, однако ясно, что верховный креатив принадлежал Сталину. Согласно мемуаристам, после того как рапповцев в ЦК принудили смириться с постановлением, Сталин, так сказать, «по-товарищески» заговорил с ними о «теоретических вопросах творчества»:

⁸ Там же. С. 175.

Что вы там путаете с диалектически-материалистическим методом? Искусство имеет свои особенности. Вы создаете впечатление, что художнику, прежде чем писать, нужно предварительно изучить категории диалектики и потом уже переводить их на язык образов. <...> Писатель должен обратиться к действительности. И главное требование, которое предъявляет партия, можно сформулировать в двух словах: пишите правду! Но правду наши писатели не всегда умеют увидеть. <...> Если говорить в терминах искусства и литературы, нам нужен реализм, если хотите, социалистический реализм, чтобы отличить его от старого классического реализма⁹.

Решающими в сталинской дефиниции были, пожалуй, три момента.

Во-первых, определение «соцреализм» вытеснило «диалектически-материалистический метод», ранее предлагавшийся для советской литературы рапповцами, которые, в частности, заявляли в Проекте резолюции 11 января 1931 г.: «Новая тематика требует разработки художественного метода пролетарской литературы. Писатель, не овладевший материалистической диалектикой, осужден на скольжение по поверхности явлений»¹⁰. Дело здесь не просто в замене термина. Называя художественный метод тем же словом, которым определяется метод марксистской философии, рапповцы и впрямь формально отрицали «особенности» искусства, но, кроме того, по сути ставили себя выше беспартийных коллег (ведь тем едва ли по силам освоить марксистскую философию!) да и вообще декларировали свою особую компетентность в философской диалектике. Напротив, «социалистический реализм» хотя «понижал» статус литературы по отношению к философии, но зато подразумевал равенство в возможностях его постижения партийными и беспартийными, а уровень философских рассуждений «поднимал» от рапповцев к руководству партии и страны. На встрече 20 октября Сталин даже шутливо привел в пример собственную биографию. Зацепив Авербаха вопросом «А как вы представляете себе диалектико-материалистический творческий метод?», вождь отмахнулся от объяснений рапповца и доверительно поведал:

Если писатель овладеет в совершенстве диалектико-материалистическим методом, то он уже не литературой станет заниматься. В юности я писал стихи. Принес образчик Илье Чавчавадзе. Он их одобрил. И вот, видите, не стихами я занялся¹¹.

⁹ Там же. С. 155.

¹⁰ «Счастье литературы»: Государство и писатели. С. 98–99.

¹¹ *Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века. С. 187.

Так что «диалектически-материалистический метод» – удел посвященных, а литераторам достаточно «социалистического реализма». Во-вторых, «в терминах искусства и литературы» художественный метод есть «реализм», что в упрощенном смысле, свойственном отечественной критической традиции, означало «правду», обращение к «действительности». В-третьих, «реализм» – «социалистический». Такое уточнение не просто позволяло «отличить его от старого классического реализма», но и тайло глубинный намек, который не сразу был осознан современниками: «правду наши писатели не всегда умеют увидеть», то есть разобраться в «правде» – исключительная компетенция руководства, строящего социализм.

На протяжении всего времени, пока готовился и откладывался Первый съезд, работа над осмыслением «социалистического реализма» продолжалась, и на съезде ее итоги были канонически зафиксированы в принятом Уставе ССП:

Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания в духе социализма¹².

По сравнению со сталинским посылом было внесено добавление о стоящей перед писателями «задаче идейной перделки и воспитания в духе социализма». Имеется в виду, понятно, «воспитание» читателей. Создание «нового человека» всегда заботило советское государство, которое в этом отношении продолжало социалистическую традицию, а особая роль литературы здесь следовала из ранее озвученной сталинской формулы «инженеры человеческих душ». Но более всего для программы советской литературы было перспективно уточнение: вместо «правды» – «правдивое, исторически-конкретное изображение действительности в ее революционном развитии», что, собственно, и обозначало ту «правду», установление которой делегировалось партии и правительству. Отсюда возникает финальная тайна: насколько творцы программы социалистического реализма сознательно стремились к ее совершенной неопределенности? Или другими словами: содержит ли программа соцреализма ясный рецепт создания правильного произведения?

¹² Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934: Стенографический отчет. М.: Художественная литература, 1934. С. 712.

Как вскоре определилось, не содержит. Более того, программное соположение «реализма» с «действительностью в ее революционном развитии» в потенции включало взрывное противоречие. Если два этих начала совпадают – хорошо, а если не совпадают, то чему отдавать предпочтение: «действительности» или «ее революционной развитию»? С этой точки зрения неожиданным дополнением к дефиниции соцреализма в ноябре 1935 г. оказывается знаменитая резолюция Сталина на письме Л.Ю. Брик: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям – преступление»¹³. Будучи тиражирована в «Правде» и принята к обязательному исполнению, эта резолюция демонстрировала, что если и Горький, и его литературный антипод Маяковский воплощают советскую эпоху, то формальное определение соцреализма – силами самих соцреалистов – заведомо невыполнимо, это – уровень высшего руководства. Кстати, при таком подходе закономерным представляется атака на левое искусство в начале 1936 г.: чтобы опять же формальные признаки поэтики Маяковского никто не вздумал трактовать в качестве свыше рекомендуемых.

«Случаю» Маяковского-соцреалиста А.Д. Синавский позднее посвятил статью «Что такое социалистический реализм?» (1957). Статья – эпатирующая и «тамиздатская», но «непреодолимое противоречие» метода автор характеризует отчетливо: «социалистическое, т. е. целенаправленное, религиозное искусство не может быть создано средствами литературы XIX в., именуемыми “реализмом”. А совершенно правдоподобная картина жизни (с подробностями быта, психологии, пейзажа, портрета) не поддается описанию на языке телеологических построений»¹⁴. Однако с учетом материалов данной статьи разрешить эту проблему возможно: «целенаправленное» значит не «целенаправленное» на веки вечные, но «целенаправленное» в зависимости от конкретной ситуации, которую и определяет руководство.

Получается, что «целенаправленное» тождественно специфически толкуемому принципу «партийности», роль которого в соцреализме всегда подчеркивали, но не интерпретировали адекватно. В Уставе ССП – за два абзаца до формулы соцреализма – прямо декларируется:

¹³ Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР: Документы и комментарии. Т. 1: 1925 – июнь 1941 г. / Рук. коллектива Т.М. Горяева. М.: РОССПЭН, 2010. С. 445.

¹⁴ *Синавский А.Д.* Литературный процесс в России. М.: РГГУ, 2003. С. 173.

Решающим условием роста литературы, ее художественного мастерства, ее идейно-политической насыщенности и практической действенности является тесная и непосредственная связь литературного движения с актуальными вопросами политики партии и советской власти <...>¹⁵.

А значит, тайна социалистического реализма заключена не в нормативных рецептах, но в «партийности»; в свою очередь, «партийность» заключена не в принадлежности к партии, но в «тесной и непосредственной связи литературного движения с актуальными вопросами политики партии и советской власти». Соответственно, завершая картину в новом контексте 1960 г., художники по-прежнему тщательно соблюдали портретную узнаваемость присутствующих и точность изображения горьковского интерьера, но свободно заменили Сталина с соратниками на Горького или, к примеру, добавили А.Н. Толстого, во встрече не участвовавшего, но в литературный канон прочно включенного. Тем самым конкретное мероприятие октября 1932 г. трансформировалось во вневременное общение советского писателя № 1, обратившегося к младшим коллегам с расплывчатым призывом, но явно не эстетической, а социальной направленности. Другими словами, следование соцреализму сохранилось, однако в иных, хрущевских условиях.

* * *

Итак, партийность искусства определялась в СССР не принадлежностью к какой-либо группе художников или приверженностью марксизму, но «тесной и непосредственной связью» с руководителями партии и правительства. Только они разрешают спорные вопросы соцреализма. Советская власть никому не передоверяла знание правил игры любого уровня: это – ревниво оберегаемая прерогатива руководства, абсолютно контролирующего общественное сознание, притом планирующего не слишком далеко и проводящего весьма «гибкую линию». Благодаря социалистическому реализму, идеологические контексты варьируются, однако их вариативность парадоксально выявляет перманентную установку на своеобразно понятую партийность искусства.

¹⁵ Первый Всесоюзный съезд советских писателей... 1934. С. 712.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; modessky@mail.ru

Стихотворение Всеволода Некрасова
«И я про космическое»
в контексте 1959 года

Галина В. Зыкова

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, gzykova@mail.ru*

Аннотация. Известное стихотворение Вс. Некрасова «И я про космическое» с его заголовочно-финальным комплексом, окончательно оформившимся через полвека после первой публикации текста, обсуждается в статье как пример концептуалистской «провокации контекстов»: название звучит репликой в споре, а дата указывает на особенно тесную связь произведения со временем его создания, – 1959 годом. В статье рассматриваются особенности влияния «космического» ажиотажа 1959 г. на образный строй и тематику произведений тех советских поэтов «старшего» поколения, творчество которых Некрасов ценил, – Мартынова и Светлова. Высказывается предположение, что одним из осознанных претекстов для стихотворения Некрасова могла быть «Параболическая баллада» Вознесенского. Связь стихотворения Некрасова «И я про космическое» с временем его создания, видимо, не ограничивается противостоянием официальной риторике; эта связь имеет не исключительно полемический, но более сложный характер.

Ключевые слова: Вс. Некрасов, «И я про космическое», альманах «Синтаксис», Л.Н. Мартынов, М.А. Светлов, В.И. Уфлянд, А.А. Вознесенский, метафора в поэзии «оттепели», космическая программа СССР

Для цитирования: Зыкова Г.В. Стихотворение Всеволода Некрасова «И я про космическое» в контексте 1959 года // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 161–173. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-161-173

Vsevolod Nekrasov's poem "And I mean the Cosmic"¹ in the context of 1959

Galina V. Zykhova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
gzykhova@mail.ru*

Abstract. The article considers V. Nekrasov's famous poem "And I mean the Cosmic" with its title-final complex, which was finalized half a century after the first publication of the text, as an example for conceptualist "provocation of contexts": the title sounds a rejoinder in a dispute, and the date indicates a particularly close relation of the work to the time of its creation – 1959. The article focuses on the specifics of the influence by the "cosmic" excitement of 1959 on the figurative structure and themes of the works of those Soviet poets of the "older" generation, whose work Nekrasov valued – Martynov and Svetlov. It is suggested that one of the realized pretexts for Nekrasov's poem could be Voznesensky's "Parabolic Ballad". The connection between Nekrasov's poem "And I mean the Cosmic" and the time of its creation is apparently not limited to opposition to official rhetoric; the connection is not exclusively polemical, but of a more complex nature.

Keywords: Vsevolod N. Nekrasov, "And I mean the Cosmic", almanac "Syntax", Leonid N. Martynov, Mikhail A. Svetlov, Vladimir I. Uflyand, Andrei A. Voznesensky, metaphor in the language of the Russian poetry Thaw era the USSR space programme

For citation: Zykhova, G.V. (2024), "Vsevolod Nekrasov's poem 'And I mean the Cosmic' in the context of 1959", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 161–173, DOI:

Памяти Анны Юрьевны Чудецкой

Введение

В подборке ранних стихов Всеволода Некрасова, вошедших в первый, «московский», выпуск (1959) самиздатского альманаха

¹ Мы используем здесь перевод названия стихотворения, предложенный Б. Шаевич и Э. Морс (см.: *Nekrasov V. I live I see. Selected poems / Transl. by A. Morse, B. Shayevich. Brooklin, N. Y.: Ugly Duckling Presse, 2013*).

«Синтаксис», есть текст, принадлежащий, кажется, к наиболее известным произведениям поэта, – может быть, и потому, что он, как выразилась М. Кучерская, «один из самых прозрачных для восприятия»², – «И я про космическое»:

И Я ПРО КОСМИЧЕСКОЕ

Полечу или нет – не знаю –
До луны или до звезды.
Но луну я пробовал на язык
В сорок первом году в Казани.
Затмение. Война.
Тем не менее – луна.
Белый
Свет,
Белый
Снег,
Белый
Хлеб, которого нет.
Никакого нет.
Я давным-давно вернулся в Москву:
Я почти каждый день обедаю.
А на вид луна была вкусная,
А на вкус луна была белая³.

Из своей подборки «Синтаксиса», по мнению автора – подготовленной наспех и содержавшей слишком незрелые вещи, Некрасов

² *Кучерская М.* Сборник стихов Всеволода Некрасова: авторский свод // Вестник РГГУ. 2012. 2 авг. Для репутации стихотворения показательно, что именно оно, для автора совсем раннее, выбрано критиком как визитная карточка полвека спустя. «И я про космическое» нередко выбирают как любимый текст те, кто читает стихи Некрасова публично вслух; его декламация входит, например, в состав музыкальной композиции группы «Зеленый лес» (запись 19.09.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AAcSty17AcS0&t=4s> (дата обращения 30.05.2024)).

³ Дается по версии «Синтаксиса». Электронную копию машинописной страницы из «Синтаксиса» см.: <https://collections.library.utoronto.ca/viewer/mirador/index.html?manifestId=https://iif.library.utoronto.ca/presentation/v2/samizdat:10670/manifest> (дата обращения 30.05.2024). Изменения текста при дальнейших прижизненных перепечатках были минимальны и затрагивали только область графического (сдвиги вправо, межстрочные интервалы и увеличение пробелов между словами, отказ от знаков препинания и прописных букв).

позже «стихами считал» только это⁴, републиковал и в «тамиздате» (1981), и – несколько раз – в своих постсоветских книгах в России; стихотворение вошло и в наиболее репрезентативный свод, составленный автором в первой половине 1980-х гг.

Для «взрослых» стихов Некрасова наличие названия совсем не характерно, – как, кстати, и вообще для русской поэзии второй половины XX в. Обсуждаемое стихотворение в этом отношении довольно необычно, если воспринимать его в контексте некрасовского творчества в целом, «с точки зрения будущего»⁵.

В 1999 г., в своем сборнике «Лианозово», мемуарном и полемическом, включившем стихи 1950–1960-х гг. а также, в частности, прозаическую летопись «Моя лианозовская хроника», Некрасов ставит после стихотворения дату: 1959⁶. Он воспринимал ее как значимую *часть текста*: дата будет дана и в еще одной прижизненной републикации стихотворения⁷. Дата как часть текста у Некрасова – хоть и не исключительный, но очень редкий случай (как и, напомним, название).

Таким образом через полвека после публикации в «Синтаксисе» сложился «заголовочно-финальный комплекс»: название заставляет понимать стихи как реплику в продолжающемся разговоре, и дата усиливает это впечатление, указывая на тесную связь произведения со временем его создания.

Е.Н. Пенская вспоминает, как Некрасов в 2004 г. в устной беседе объяснял художественную плодотворность того, что он называл «провокацией контекстов», понимая ее как работу «с читательско-зрительским опытом, памятью, житейской практикой – той совокупностью обстоятельств, которые обуславливают реакцию аудитории»⁸.

⁴ Некрасов Вc. «В Лианозово меня привезли осенью 1959-го...» // «Живем словом»: Всеволод Некрасов в письмах и воспоминаниях. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. С. 142.

⁵ Заметим, что название у стихотворения сохранится во всего позднейших републикациях, – хотя в других случаях Некрасов мог от названий и отказываться: так произошло, между прочим, с самым, наверное, известным стихотворением Некрасова, «Свобода есть свобода...»: в одной из ранних графических версий оно называлось «Стихи ямбом». В контексте же «Синтаксиса» тут ничего необычного нет: все стихи некрасовской подборки здесь имеют названия.

⁶ Некрасов Вc. Лианозово. М.: Век XX и мир, 1999. С. 35.

⁷ Некрасов Вc. Живу Вижу. М.: Крокин галерея, 2002. С. 13.

⁸ Пенская Е.Н. «Провокация контекстов» в мемуарных записках Евгении Тур // Международная конференция «Маргиналии-2012: границы культуры и текста», Касимов, 24–26 августа 2012 г.: Тезисы докладов. М., 2012. С. 57.

В ЗФК, окончательно оформившем раннее стихотворение, есть это концептуалистская по своему существу попытка организовать ситуацию восприятия: попытка заставить читателя угадать контексты, из которых вырастают эти стихи. Некоторые контексты очевидны – социально-политические, исторические в первую очередь; некоторые – собственно литературные – могут только угадываться.

Предлагаемые ниже рассуждения представляют собой попытку поиска и описания возможных контекстов стихотворения. Комментарий издания Некрасова до сих пор нет, хотя М.А. Сухотин, поэт и исследователь творчества Некрасова, прокомментировал многие тексты упоминавшегося выше авторского свода [Сухотин]⁹. Есть комментарий и для интересующего нас стихотворения, очень полезный, но недостаточный; приведем его полностью, чтобы масштаб и характер возможных дополнений был яснее:

«1959 (авторская дата как часть в “Живу вижу”). Во время войны Некрасов жил в эвакуации в Казани. Это был очень тяжелый период в его жизни: там от голода погиб его отец¹⁰, сам он, по его словам, ни разу не был сытым и даже попал в больницу с диагнозом “дистрофия”. Жили они в дощатом доме с постоянными сквозняками и без отопления. К теме жизни в эвакуации Некрасов обращался в своем творчестве неоднократно; см. позднейшую поэму Некрасова “Казань реально” (журнал “Знамя”, № 9. 2009, публикация А.И. Журавлевой). *Затмение* – термин военных лет, вынужденное отсутствие электрического света в городе, чтобы помешать ориентированию вражеских бомбардировщиков и артиллерии» [Сухотин]¹¹.

⁹ Поскольку работа над комментарием, публикуемом на сайте НИУ ВШЭ «Всеволод Некрасов. Литературный архив», видимо, продолжается, мы ее не датируем. На другом ресурсе комментарий ранее публиковался как завершённый, с предисловием, где датировался 2012–2015 гг. (URL: [https://frkr.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/commenttohercules\(old\).pdf](https://frkr.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/commenttohercules(old).pdf) (дата обращения 30.05.2024)).

¹⁰ О предположительно уточненных уже после смерти поэта обстоятельствах гибели Николая Матвеевича Некрасова, видимо, еще более драматических, чем представлялось сыну, см.: «Живем словом»... С. 60.

¹¹ Некоторые случаи современного восприятия этого фрагмента стихотворения под воздействием позднейшего идеологического контекста убеждают, что реальный комментарий, кажущийся почти избыточным, на самом деле, видимо, не лишний. Morse и Shayeovich перевели «затмение/ война» как “darkness/war” – не то чтобы неточно, но заменив исторически очень конкретное явление абстрактной «темнотой»; рецензент Ariell Casciòla, прочитав стихи, поняла их следующим образом: “The white moon and

* * *

Исторический контекст, который прежде всего необходимо учитывать, чтобы буквально понимать стихи Некрасова, конечно, связан с успехами советской космической программы «Луна», достигнутыми именно в 1959 г. В ноябре 2024 г. искусствовед Анна Юрьевна Чудецкая на круглом столе в ГМИИ, обращаясь к присутствовавшим студентам, напоминала, на каком фоне возникли стихи Некрасова с их мотивами неизживаемой боли, боли вполне индивидуализированной¹² и при этом исторически определенной – на фоне торжества по вполне определенному поводу, торжества, воспринимавшегося, видимо, как обязательное¹³. Успехи космической программы сразу же стали *темой для советских поэтов*. Трудно сказать, что из массовой продукции попадалось Некрасову на глаза; но можно поискать стихи «про космическое» у тех, старших, кого Некрасов высоко ценил, а также у тех ровесников, на кого Некрасов всегда смотрел со смешанными чувствами, но пристально. И если заранее понятно, как отличаются интонации стихов Некрасова от, условно говоря, газетной передовицы, то со стихами поэтов сильных, хотя и принадлежащих вроде бы официальной культуре, «И я про космическое» соотносится более сложным образом.

every other white entity is something to strive for in comparison to the darkly benighted Soviet Russia... Bleakness and misery seem to be the reigning order..." (URL: <https://wordswithoutborders.org/book-reviews/vsevolod-nekrasovs-i-live-i-see/> <дата обращения 17.08.2024>).

¹² Слово «я» в поэзии Некрасова, между прочим, встречается сравнительно редко, а здесь оно не только повторяется в небольшом тексте четыре раза, но и оказывается в позиции анафоры.

¹³ Круглый стол «Вслед за выставкой “Живу и вижу. Художники и поэты круга Всеволода Некрасова” в Волго-Вятском филиале ГМИИ им. А.С. Пушкина. К 90-летию Эрика Булатова» состоялся в ГМИИ 24 ноября. Аудиозапись: <https://www.youtube.com/watch?v=Wm5AFpuNg2w&ysclid=lwy9rrprkn992612396> (дата обращения 30.05.2024); таймкод 01:05 соответствует началу выступления художника Леонида Тишкова, который говорил о своем арт-проекте «Частная луна» начала 2000-х гг. и о его части: «Луна Всеволода Некрасова», посвященной поэту и предназначенной для него (вот здесь можно получить представление об этой вещи: https://leoniditishkov.blogspot.com/2016/11/blog-post_51.html (дата обращения 30.05.2024)). Тогда же Тишков прочитал «И я про космическое», и это чтение побудило Чудецкую прокомментировать стихи. Несколько дней спустя Анна Юрьевна, курировавшая в ГМИИ коллекцию русского нон-конформистского искусства, собранную Некрасовым, погибла в Нижнем Новгороде, куда поехала закрывать выставку...

У Л. Мартынова «космическое» в 1959 г. влияет на язык, на выбор тропов:

Невозможно
Жить на белом свете
И кружить лишь по своей орбите...

Но согласие пользоваться языком эпохи у Мартынова не предполагает непременно пафоса. В 1996 г. Некрасов писал об этом свойстве Мартынова: «Перед всей его поэзией стоит вводная фраза, в которую тут претворилась вся пародия, рефлексия, – фраза *как говорится*. <...> Общая речь, за которую автор не прячется и не высмеивает ее, а сливается и разделяет с ней ответственность за это *как говорится*. <...> Тут мелькнуть могут и советские нотки – но не как качество самой этой речи, стиха, а как хвосты смыслов, привкусы тем, как бы внешние факты биографии. Тут есть следы драмы, а как не быть следам такой драмы на советскую тему в нашей общей речи»¹⁴.

«Космическое» у Мартынова используется как материал для тропов, не переопределяя картину мира. Это отчетливо видно, например, в стихотворении того же 1959 г. «Небо и земля»:

В расширяющейся Вселенной, –
Если это действительно так,
Что ты чувствуешь,
Обыкновенный
Человек,
Неученый простака?

Роль «неученого простака», столь явно не подходящую для времен научно-технической революции, Мартынов оставляет для себя, и в этом, кстати, возможно, – одна из причин упорных симпатий Некрасова к Мартынову¹⁵.

¹⁴ Некрасов Вс. Родился я в 1934 в Москве // «Живем словом»... С. 16–17.

¹⁵ В стихах Некрасова эта роль «обыкновенного человека» проявляется более сложным образом, но в прозаических текстах – вполне декларативно; см., например, в письме Сатуновскому (тоже, заметим, написавшему: «Мужественно: утром пить водку натошак (предпочитаю кофе)...»): «На самом деле никем быть ох как непросто. Еще, может, труднее всего. Это не только по индийской философии так, это по самой что ни на есть окружающей нас действительности. ...<С>покойно жить, не обнаруживая в себе, не выискивая так называемых дарований, ей богу, самое редкое дарование и есть» (б. д., опубл.: «Живем словом»... С. 179).

Дискуссионная научная гипотеза обыгрывается вполне «непрогрессистским» образом:

И когда
Разбеганье галактик
Наблюдаешь в космической мгле,
То, не столь теоретик, сколь практик,
Обращаешь ты взоры
К земле.
Всё
Стремится
Здесь сблизиться, слиться...¹⁶

У Светлова в стихах 1959 г. «космическое» и земное, огромное, отвлеченное, частное и конкретное могут демонстративно сблизаться:

Вижу все – и морей просторы,
И болотную вижу гать,
Вижу – мальчики через заборы
Лезут яблоки воровать.
Встретил старого пенсионера,
Покалякали час-другой...
Вижу улицу, вижу эру,
Вижу спутника над собой!¹⁷

Почти к пародии на этот прием (или и к пародии на адресата) Светлов подходит, «сближая с земным» именно небесные светила, когда в посвященном Сельвинскому стихотворении «Для того живем со дня рожденья» восклицает: «Пусть, как добрые милиционеры, / Звезды мне указывают путь!»¹⁸

¹⁶ Цит. по: *Мартынов Л.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1986. С. 225.

¹⁷ «Так живу я». Цит. по: *Светлов М.* Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1966. С. 348.

У Светлова, однако, в 1959 г. находится и стихотворение про то, как «Не водородная, а всенародная / Летит ракета на Луну» («Придем!»), Его образцовую тривиальность Светлов, кажется, пытался смягчить стилистической имитацией «простодушия»: рифмами, основанными на морфологическом параллелизме, конструкциями, свойственными устной речи, прозаизмами: «И верят все, кого ни спрашивай, / В наш исторический подъем! / Планеты ждут прихода нашего, / Мы обязательно придем!» (*Светлов М.* Указ. соч. С. 352–353).

¹⁸ *Светлов М.* Указ. соч. С. 352.

Вообще с небесными светилами, луной в частности, но не только луной, в поэзии этого времени связывается очень много тропов, прежде всего сравнений, в разной степени удачных, но неизменно претендующих на новизну. В зрелом творчестве Некрасова сам тип построения высказывания будет предполагать отказ от тропов, особенно от сравнений, по крайней мере на уровне формы: явления и понятия, поставленные рядом, у Некрасова семантически сближаются, подчиняясь «единству и тесноте стихового ряда», но не будучи при этом элементами тропа как определенной конструкции¹⁹. В стихотворении «И я про космическое» тропов уже нет (хотя вообще в «долианозовских» стихах Некрасова их очень много, о чем он сам потом вспоминал с неудовольствием²⁰): луна не сравнивается с хлебом, она его заменяет, ее действительно «пробуют на язык». Рискнем предположить, что – помимо всего прочего – найденный здесь способ обойтись без тропа, главного и общего орудия, способ, найденный во времена доминирования тропов, определяет отношение Некрасова к этому тексту: автор готов «считать» его «стихами». И все-таки можно ли найти в «космической» поэзии 1959 г. что-то, что могло заставить возражать всерьез? Позволим себе здесь забежать вперед и, думая про возможные реакции Некрасова в 1959-м, вспомнить про его гораздо более поздние стихи, написанные в конце 1970-х, «Про Сатуновского»: они строятся как противопоставление двух речевых манер: своей собственной и Вознесенского.

– Яков?	Яков Абрамыч
Яков Абрамыч?!	и Яков Абрамыч
Я –	И я
Яков Абрамыч!!!	Как Яков Абрамыч
(Вознесенский бы Сказал)	(я сказал) ²¹

¹⁹ О поэзии, отказывающейся от тропов, говорил, в частности, в 1991 г. Г. Айги на вечере памяти Я.А. Сатуновского в Литературном музее (фрагментарная видеозапись, таймкод 42:56, URL: https://www.youtube.com/watch?v=WKOQDoMxK_8&t=9s [дата обращения 30.05.2024]).

²⁰ См. об этом в незавершенном, по-видимому, тексте, написанном примерно в 1983 г. и опубликованном посмертно под условным названием «О метафоре в поэзии 1950–1960-х годов: из статьи об акции группы “Коллективные действия” “Темное место”»: «Живем словом»... С. 32–33.

²¹ Дается по изданию: *Некрасов Вс.* Стихи: 1956–1983. Вологда: Библиотека московского концептуализма Германа Титова, 2012. С. 525.

Среди прямых свидетельств того, что Некрасов думал о Вознесенском и определенным образом соотносил с ним себя и раньше, – например, его привычка напоминать, что «Антистих», напечатанный, конечно, позже «Антимиров» Вознесенского (1961), написан на год раньше (в 1960-м)²². Осенью 1959 г. Некрасов публикует в многотиражке МГПИ им. В.П. Потемкина (где он тогда учился) юмореску про институтское литературное объединение (оно для Некрасова было, судя по его позднейшим воспоминаниям, важно), и, в частности, рассказывает про «гостей», есть и про Вознесенского – вот так:

Был еще Андрей Вознесенский. (Читали что-то, не помните что?)
 «Перроны, пилоны, как сахар пыльный,
 Сверкнут оперенно дома из перлона...»
 – Вспомнили? Это «Мастера», печаталось год назад в «Литературной газете»²³.

На самом деле «Мастера» были напечатаны в «Литературной газете» не «год назад», а несколько меньше: в январе 1959 г. Наверняка молодой Вознесенский читал ровесникам не только уже напечатанные стихи. Хотя Некрасов здесь выбирает у Вознесенского явно не самые удачные строчки, творческие возможности Вознесенского он, видимо, все-таки оценивал достаточно высоко. В уже упоминавшейся статье 1983 г. Некрасов признает:

Пожалуй, единственный, у кого эти образы-метафоры и правда получались, был Вознесенский. А больше такое острое переживание, кажется, никому не давалось, хотя чуть не все пробовали²⁴.

²² Известная эпиграмма, отвечающая на «Гойю», датируется пока очень неопределенно (не позднее 1967 г.); само стихотворение Вознесенского написано в 1959 г.

²³ Права и обязанности // За педагогические кадры. 1959. 23 окт. С. 4. Не подписано, атрибутировано М.А. Сухотиным по черновой рукописи, найденной в бумагах Некрасова. Время публикации юморески, возможно, имеет значение: как раз в октябре (7-го) советская межпланетная станция начала съемку обратной стороны луны.

²⁴ «Живем словом»... С. 33. Среди многочисленных запоминающихся тропов раннего Вознесенского есть, кстати, и такие, которые напоминают «И я про космическое» и даже, возможно (но недоказуемо) как-то повлияли на Некрасова, – например, съедобным оказывается несъедобное: «И воздух, как краюшку / Морозную, жую» (Март»), в том числе и в стихах о войне, голоде и превращении именно в «хлеб» того, что им не является:

Стоит добавить, что при всем очевидном несходстве Некрасова и Вознесенского – противоположности социокультурной позы, принципов развертывания поэтического высказывания, отношения к романтическому, условно говоря, представлению о месте поэта в мире и т. п., – в их поэтике есть и общее, и оно не ограничивается попытками раннего Некрасова работать с тропами. Для обоих важен графический облик текста; что еще существеннее, для обоих паронимия – один из главных приемов организации стиха...

В 1959 г. в октябрьском номере журнала «Москва» была напечатана «Параболическая баллада» Вознесенского; он мог читать ее, только что вышедшую, в ЛИТО МГПИ; Некрасов мог видеть ее и в журнале. У Некрасова нет прямых отсылок к этой вещи Вознесенского. Но связь представляется вероятной; то, как соотносятся «Параболическая баллада» и стихотворение Некрасова, напоминает двухчастный текст «Про Сатуновского»: Вознесенский напористо самоутверждается, а интонации Некрасова изображают нечто противоположное романтическому напору:

Судьба, как ракета, летит по параболе.

<...>

А я все лечу...

Полечу или нет – не знаю...

Сметая каноны, прогнозы, параграфы,

Несутся искусство, любовь и история...²⁵

В отличие от большинства, как можно предположить, «космических» стихов 1959 г. у Вознесенского и Некрасова летит (или, напротив, от полета отказывается) сам лирический герой (вот у Светлова, например, коллективное «мы»). Сопоставимы и некоторые менее существенные детали лирического сюжета: так, в обоих текстах упоминается не только некоторое личное прошлое (детство или отрочество), но и географически далекое пространство (Казань, Сибирь) и связанный с этим мотив возвращения. У Вознесенского (как, разумеется, и у Некрасова) речь не заходит о тех исторических событиях 1959 г. – полетах советских межпланетных станций на Луну – которые при этом задают основную метафору стихотво-

в «Балладе 41-го года» рояль должны разрубить на дрова, а в финале стихотворения уже, видимо, сам поэт (в духе подражания Христу?) говорит о себе: «Я... стану... Теплом и хлебом для людей». (Оба стихотворения цит. по: *Вознесенский А.* Мозаика. Владимир: Владимирское кн. изд-во, 1960. С. 7, 13–14).

²⁵ Цит. по: *Вознесенский А.* Указ. соч. С. 19–20.

рения. Среди существенных для стихотворения Некрасова контекстов, которые мы не будем здесь сколько-нибудь подробно рассматривать, – *во-первых, контекст самого «Синтаксиса»*, в котором, как и вообще в русской поэзии 1959–1960 гг., «космического» довольно много, и текстом Некрасова оно не ограничивается, – например, в третьем, «ленинградском», выпуске есть «К запуску космической ракеты» Д. Бобышева, осуждающее космические полеты, когда «жратва еще не даровая»: «...приспособлены нарочно скорости / О заграничные планеты / Расплющивать живые кости»²⁶ (не имитируется ли здесь в духе традиции обэриутов голос простеца?)

Еще интереснее – потому что тут уже можно увидеть некоторый сознательный отклик на Некрасова – стихотворение В. Уфлянда «Набрав воды для умывания...», которое заканчивается следующим образом:

Рабочий воду выливает
 В соседские кусты малины.
 Кисет с махоркой вынимает
 И думает:
 – Вот будет крику,
 коль обнаружится внезапно,
 что лунный у малины привкус,
 что лунный у малины запах!²⁷

Здесь о стихах Некрасова напоминает не только то, что у луны обнаруживается какой-то вкус (белый у Некрасова, не уточняемый у Уфлянда), но и синтаксический параллелизм последних двух строк в обоих текстах. Луна, имеющая вкус, – вообще очень нередкий образ в мировой культуре, и присутствует, например, в известной старинной басне или анекдоте о глупце, который видит съедобную луну (сыр) в колодеце. К этой старинной басне явно близок Уфлянд: и дело не только в том, что у Уфлянда есть отсылающая к ней деталь – колодец; стихи Уфлянда рассказывают историю о *другом*, у него есть персонаж – «рабочий»; правда, абсурдистские стихи 1959 г., в отличие от басни, рассказывают не об обмане, на который поддался дурак, но, напротив, в интонациях степенного

²⁶ Цит. по антологии «Неофициальная поэзия». URL: <https://rvb.ru/nr/publication/05supp/syntaxis/3/bobyshev.htm#verse3> (дата обращения: 30.05.2024).

²⁷ Цит. по антологии «Неофициальная поэзия». URL: <https://rvb.ru/nr/publication/05supp/syntaxis/3/ufljand.htm#verse6> (дата обращения: 30.05.2024).

человека, свойственных изображенному персонажу, – о вполне заурядной, хотя и досадной неприятности. Голос в стихотворении Некрасова – лирический, а не изображенный; взрослый дурак из древней басни у Некрасова превращен в ребенка, и речь идет уже не о заблуждениях и связанных с ними действиях, а об ощущениях, прямо физических. Наконец, еще один возможный контекст – контекст ранних стихов самого Некрасова, не публиковавшихся автором, но сохранившихся. «Космическое», как и многие другие реалии и идеологемы времен оттепели, ожидаемо появляются в этих текстах и трактуются весьма разнообразно: описание и анализ этого материала может представлять исторический интерес.

Итак, полемическая связь высказывания Некрасова с 1959 годом, видимо, не ограничивается противостоянием официальной риторике; и, кроме того, эта связь имеет не исключительно полемический, но более сложный характер.

Литература

Сухотин – *Сухотин М.А.* Комментарий к «Геркулесу». URL: <https://philology.hse.ru/vnekrasov-archive/hercules> (дата обращения 30.05.2024).

References

Sukhotin, M.A., *Commentary on “Hercules”*, available at: <https://philology.hse.ru/vnekrasov-archive/hercules> (Accessed 30 May 2024).

Информация об авторе

Галина В. Зыкова, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; gzykova@mail.ru

Information about the author

Galina V. Zykova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 51, bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; gzykova@mail.ru

«Старопечатные» книги
в метамодернистском контексте
романа Т.Н. Толстой «Кысь»:
архаические и авангардные культурные тенденции

Павел Е. Спиваковский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, p.e.spivakovsky@gmail.com*

Аннотация. В статье выявляется особая роль книг и книжной культуры в центральном произведении творчества Т.Н. Толстой – романе «Кысь», поспешно отнесенном многими критиками и литературоведами к постмодернистской традиции, тогда как это роман метамодернистского типа, в котором переплетаются, конфликтно взаимодействуя и дополняя друг друга, модернистские, постмодернистские и романтические тенденции. Писательница поставила перед собой особую художественную задачу резко осудить этику голубчиков, и в то же время изобразить их жизнь интересной и увлекательной. В частности, это относится к абсурдному и по-своему блестящему проекту реорганизации библиотеки в тереме Кудеяра Кудеярыча, который осуществляет Бенедикт, фактически создающий авангардную инсталляцию, репрезентирующую произошедший de facto радикальный разрыв со всей традиционной культурой. Также в статье анализируются причины внезапной этической деградации Бенедикта, которая отнюдь не связана с «метанарративными» поисками «главной книги». Немалую роль здесь играет феномен «Черного квадрата» К.С. Малевича, о котором писательница говорит в своем эссе «Квадрат». Согласно мифологии Татьяны Толстой, во время «арзамасского ужаса» Лев Толстой пережил негативное мистическое воздействие «красно-белого квадрата», аналогичного картинам Малевича, и это фатально сказалось на позднем творчестве писателя. В романном мире Татьяны Толстой репродукция «Черного квадрата» в «старинном» художественном альбоме еще более разрушительно воздействует на Бенедикта, превращающегося в санитаря и кысь.

Ключевые слова: книга, метамодернизм, постмодернизм, Черный квадрат, интеллигенция, архаика, авангард

Для цитирования: Спиваковский П.Е. «Старопечатные» книги в метамодернистском контексте романа Т.Н. Толстой «Кысь»: архаические и авангардные культурные тенденции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 174–187. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-174-187

“Early-printed” books
in the metamodern context
of Tatyana Tolstaya’s novel “The Slynx”.
Archaic and avant-garde cultural trends

Pavel E. Spivakovskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
p.e.spivakovsky@gmail.com*

Abstract. The article reveals the special role of books and book culture in the novel “The Slynx”, (“Kyss”), which is the centerpiece of T.N. Tolstoy’s work and which is hastily attributed by many critics and literary critics to the postmodernist tradition, whereas it is a novel of metamodernist type, in which modernist, postmodernist and romantic tendencies intertwine, conflictually interacting and complementing each other. The writer has set herself a special artistic task of sharply condemning the ethics of golubchiki, and at the same time depicting their lives as interesting and fascinating. In particular, it applies to the absurd and in its own way brilliant project of reorganising the library in Kudayar Kudayarich’s terem (large house), which is carried out by Benedict, who actually creates an avant-garde installation that represents the de facto radical break with the whole traditional culture. The article also analyses the reasons for Benedikt’s sudden ethical degradation, which is not at all connected with the “metanarrative” search for the “main book”. The phenomenon of Kazimir Malevich’s “Black Square”, about which the writer speaks in her essay “The Square”, plays a significant role here. According to Tatyana Tolstaya’s mythology, during the “Arzamas horror” Leo Tolstoy experienced the negative mystical impact of the “red and white square”, similar to Malevich’s paintings, and that had a fatal effect on the writer’s later work. In the novel world of Tatyana Tolstaya, the reproduction of the “Black Square” in an “old-time” art album has an even more devastating effect on Benedict, who turns into a Sanituriion and a slynx.

Keywords: book, metamodernism, postmodernism, Black Square, intellectuals, archaic, avant-garde

For citation: Spivakovskii, P.E. (2024), “ ‘Early-printed’ books in the metamodern context of Tatyana Tolstaya’s novel ‘The Slynx’. Archaic and avant-garde cultural trends”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 174–187, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-174-187

Общим местом при восприятии этого романа стала его интерпретация как произведения русского литературного постмодернизма, однако наиболее авторитетный исследователь данной

темы Марк Липовецкий справедливо указывал на серьезные расхождения дискурсивных практик романа «Кысь» с постмодернистской теорией [Липовецкий 2008, с. 403]. Это проявляется на разных уровнях текста, в частности, в восприятии героями романа «старопечатных» книг, изданных до Взрыва, разрушившего всю современную для нас цивилизацию и погрузившего изображаемый мир в состояние, сочетающее черты неолита и раннего Средневековья.

Для голубчика Бенедикта, главного героя романа, чтение – это проникновение в пространства иных, недоступных для него миров, однако важно учесть, что новая расстановка книг в библиотеке Кудеяра Кудеярыча, которую осуществляет Бенедикт, комическая, с точки зрения современного носителя культуры европейского типа, оказывается ярким примером альтернативного мышления, типологически близкого к авангардному. Перед нами произвольная для героя репрезентация радикального разрыва с культурой прошлого, то есть почти то, к чему вполне сознательно стремились авангардисты, которые нередко делали вид, что не понимают культуру более традиционного типа, острая и пренебрежительным образом ее переосмысливая. Бенедикт же стремится к иному: он пытается воспринять голоса почти полностью исчезнувшей цивилизации, соотнося их с архаическим контекстом «мужичьей» культуры голубчиков и до неузнаваемости переосмысливая эти голоса в пределах доступных для героя жизненных практик.

Сам этот проект нового осмысления культурного наследия выглядит провоцирующе авангардно: после радикальной *деконструкции* библиотеки (Ж. Деррида), вызванной глубочайшим непониманием аутентичных смыслов прочитанного, наступает очередь *конструирования* [Эпштейн 2001, с. 189–196], причем Бенедикт уверен, что действует «по науке»: «На полках в складе давно порядок заведен: сразу видно, какой книге где место. А то у тестя Гоголь рядом с Чеховым стоял – сто лет ищи, не найдешь. А на все наука должна быть, али сказать, система. Чтобы не тыркаться без толку туда-сюда, а сразу – пошел и взял»¹. В результате возникает весьма нетривиальная классификация:

«Дети Арбата», «Дети Ванюшина», «Дети подземелья», «Дети Советской Страны», «Детки в клетке», «Детям о Христе»;

Маринина, «Маринады и соления», «Художники-маринисты», «Маринетти – идеолог фашизма», «Инструментальный падеж в марийском языке»;

¹ Толстая Т.Н. Кысь. М.: Подкова, 2001. С. 245.

Клим Ворошилов, «Клим Самгин», Иван Клима, «Климакс. Что я должна знать?», К. Ли. «Максимальная нагрузка в бетоностроении: расчеты и таблицы. На правах диссертации»;

Чехов, Чапчахов, «Чахохбили по-карски», «Чух-чух. Самым маленьким»;

Анаис Нин, Нина Садур, «Ниневия. Археологический сборник». «Ниндзя в кровавом плаще», «Папанин. Делать жизнь с кого»;

«Евгения Гранде», «Евгений Онегин», Евгений Примаков, Евген Гуцало, «Евгеника – орудие расистов»;

«Гамлет – Принц Датский», «Ташкент – город хлебный», «Хлеб – имя существительное», «Уренгой – земля юности», «Козодой – птица вешняя», «Уругвай – древняя страна», «Кустанай – край степной», «Чесотка – болезнь грязных рук» <...>²

По справедливому замечанию Марка Липовецкого,

Бенедикт расставляет книги по ассоциативному принципу <...> сперва по созвучию корней в именах авторов или названиях <...>. Потом уравнивает заголовки по синтаксической структуре <...>. По фонетическому сходству <...>. Еще одно «основание» – «пищевая цепь», выраженная исключительно именами писателей: от еды – через насекомых – через животных и птиц, далее через ягоды и цветы, к типам пейзажа – и, наконец, обратно, к частям тела <...> [Липовецкий 2008, с. 385].

Это в свою очередь означает, что такая радикальная перестановка книг куда больше напоминает масштабный художественный проект, чем простую библиотеку³. Показателен в этом плане

² Там же. С. 248.

³ Впрочем, Елена Гоцило утверждает, что «библиотека в “Кыси” уплотняет язык, лишая его значения, вследствие чего книги употребляются как бессмысленные объекты, ничем не отличающиеся от прочих предметов, как то: спичек, чайников, носков... Собрание книг в романе подтверждает, что ошибочная или невежественная организация неизбежно приводит к очередной форме хаоса» (Dictionary of literary biography. Russian writers since 1980. Vol. 285. Detroit: Gale Pubs, 2003. P. 213). Русский перевод цитируется по: [Липовецкий 2008, с. 386]. Такая рецепция радикальным образом редуцирует дерзкий, смешной и по-своему блестящий книжный проект Бенедикта. Существенно и то, что «сниженность» многих ассоциативных рядов в этом проекте нисколько не мешает уважительному и серьезному отношению героя романа к книге и книжной культуре. Вообще представление об *ошибочности* новой классификации Бенедикта связана

контраст между переустройством библиотеки, осуществленным Бенедиктом, и «Голубой книгой» М.М. Зощенко. Эта книга также отразила стихию вульгаризаторского восприятия наследия прошлых веков. В ней реальный читатель вынужден рассматривать исторические события глазами люмпенизированного «пролетарского» гетеродиегетического нарратора (с классовой точки зрения самого «правильного» для тогдашнего официоза). Однако, хотя этот нарратор – человек крайне некультурный, легко и часто становящийся на сторону злодеев, в целом он все же понимает, о чем идет речь и *что именно* он хвалит или осуждает (походя таким образом на агрессивных люмпенов-перерожденцев, помнящих времена до Взрыва, например, на активного сталиниста Тетерю, отлично понимающего, *что именно* он делает).

Остранение Бенедикта несравненно масштабнее. Перед нами не просто восприятие некультурного человека, а оптика «инопланетянина», именно этим и интересная. Спонтанно возникший культурный проект Бенедикта намного радикальнее зощенковского, и неслучайно по отношению к культуре, внутри которой возникла эта библиотека, он порождает блестящую авангардную инсталляцию и одновременно – создает эстетически ценный памятник новых «темных веков».

Наивный авангардизм Бенедикта тесно связан с «детскостью» его докультурного сознания. В эссе «Переводные картинки» Толстая писала: «Я сильно чувствую, – во всяком случае, по себе, – что дети – это взрослые, лишенные языка, взрослые с полноценной душой и полноценными чувствами, вынужденные вслепую и втемную, как после ранения в голову или приступа амнезии, заново находить, нащупывать, восстанавливать отнятый, недоданный, забытый язык»⁴. Именно так изображены дети в рассказах Толстой, например, в «Любишь – не любишь» или в «Свидании с птицей», причем неспособность выразить глубокие, почти взрослые эмоции

с канонизацией мышления, характерного для культуры европейского типа. Важно, однако, учитывать, что культура голубчиков принципиально иная. При желании ее можно неполиткорректно назвать дикарской или, как это делает Гоцило, «невежественной», однако сама по себе эта культура также имеет ценность и способна образовывать весьма увлекательную систему смыслов, что с блеском и продемонстрировано в романе Толстой. Из этого, разумеется, не следует, что представители культуры голубчиков гуманны или этически вменяемы, однако и эта культура оказывается интересна как автору романа, так и его читателям.

⁴ Толстая Т.Н. Переводные картинки // Толстая Т.Н. День. М.: Подкова, 2001. С. 306–307.

привносит в их дискурсивно неразвитый внутренний мир неподдельный трагизм. Нечто подобное присуще и «взрослому ребенку» Бенедикту, страстно увлеченному «старопечатными книгами» – любимыми, вплоть до русско-японского политехнического словаря⁵, однако в первую очередь в памяти героя сохраняются именно поэтические тексты, что весьма значительно обостряет его эмоциональную чувствительность, которая, впрочем, не может помочь ему *понять* то, что он лишь отчасти чувствует.

Есть у Бенедикта и наивное стремление отыскать «главную книгу», отвечающую на важнейшие вопросы бытия: «А кто ж главную книгу зажал и держит, главную-то, где сказано, как жить?.. Вот у Клоп Ефимыча были же книги с ненашими буквами – на виду, две дюжины сухих и чистых, не там ли алмазная запись?.. Да нет, говорит: за семью воротами, в долине туманной...»⁶ По всей видимости, речь идет о древнееврейской письменности, возможно, о Торе, но непонятный текст не утоляет стремления героя к абсолюту. Подобно герою «Чертухинского балакиря», «крестьянского» модерниста С.А. Клычкова, Бенедикт наивным образом ищет книгу, отвечающую на все главные вопросы и «почему-то» не находит. Марк Липовецкий, в соответствии с постмодернистскими традициями, утверждает, что именно это намерение Бенедикта (причем, стоит заметить, в достаточной мере комичное) жестко детерминирует радикальную этическую деградацию, превращающую героя в палача-санитара и кысь [Липовецкий 2008, с. 395]. Но так ли это?

В тексте романа наивные попытки Бенедикта отыскать «главную книгу» нигде не увязаны с его негативной трансформацией. Превращение героя романа из голубчика, страстно боящегося санитаров-убийц, в одного из них детально описано. В частности, оно подготовлено хитрыми речами Главного Санитара Кудеяра Кудеярыча, обучающего Бенедикта презрению к другим голубчикам, которое мотивировано «государственным» мышлением, и радикальному переосмыслению художественных текстов («Гамлет», «Макбет», «Муму», «Колобок», «Волк и ягненок») в садистско-душегубском ключе. Окончательное решение Бенедикта после долгих колебаний наконец присоединиться к санитарам связано с намерением героя «спасти книги» от их якобы нерадивых хозяев. Главный Санитар под любым предлогом пытается вовлечь зятя в свою карательную деятельность, и в конце концов ему это удастся, однако нет никаких указаний на то, что это решение связано со

⁵ Толстая Т.Н. Кысь. С. 246.

⁶ Там же. С. 286.

стремлением Бенедикта к утопическому метанарративу «главной книги», активно осуждаемому постмодернистами.

Бенедикт вообще склонен к быстрому заимствованию чужих мнений и суждений, если в основе их лежит resentment. Он завидует Прежним, которые по уровню культурного развития стоят несравненно выше него, и назло им с удовольствием повторяет слова Тетери о том, что при жестоком авторитарном правлении Сергея Сергеевича жилось лучше⁷. Завидует Бенедикт и голубчикам, обладающим такими книгами, которых у него пока нет, и опять-таки именно resentment, а вовсе не метанарратив «главной книги» побуждает его надеть красный балахон санитаря.

Впрочем, жажда чтения как такового у Бенедикта поистине ненасытна. Показательно, что и Кысь является герою романа в тот момент, когда он осознает, что читать ему больше нечего, потому что он «все читал». Кысь не просто является Бенедикту, *она лично для него перестает быть невидимой*:

Снега глухие, снега большие <...>. Ударит снегом в спину, опутает, повалит, вздернет на сук: задергаешься, забьешься, а она уж почувяла, кысь-то, – она почувяла...

...Передернулся весь, замотал головой, чтоб не думать, глаза зажмурил, уши пальцами заткнул, язык высунул да прикусил; гнать ее из мыслей, гнать ее, гнать ее!.. Тело-то у ней длинное, гибкое, головка плоская, уши прижаты... Гнать ее!.. Сама она бледная, плотная такая, без цвету, – вот как сумерки, али как рыба, али как у кота на животе кожа, меж ног... Нет, нет!.. Нет!!!

...Под когтями-то у ней чешется, все чешется... А видеть ее нельзя, нельзя видеть-то ее...

<...>

Отожмурил глаза <...>, а она уж тут, ее и с раскрытыми глазами видишь! Причмокивает немножко, и лицо скривила...⁸

Герой становится беззащитен перед кысью вовсе не потому, что захотел прочитать «главную книгу». Такая гиперинтерпретация, деформирующая весь смысл романа, вызвана стремлением Марка Липовецкого и его последователей увидеть в романе «Кысь» постмодернистскую идеологическую повестку (в частности, обязательную борьбу с логоцентризмом и литературоцентризмом), однако, как известно, Татьяна Толстая саркастически отзывается о постмодернистской теории (если говорить о ней в широком

⁷ Там же. С. 278–279.

⁸ Там же. С. 253–254.

смысле, подразумевающим указание на постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс), в частности, о концепции смерти автора: «Приписывают мне влияние авторов, которых я не читала, а когда я возражаю: “раз не читала, мол, то откуда же, бога ради, влияние-то?” – мне снисходительно говорят: “а это и не нужно, наука доказала, что не нужно... Вообще автора не существует, вот и Деррида не пишет...” – “Но раз автора не существует, то, может, и Деррида не существует?” – “Ан нет, Деррида-то существует, а больше никто...”»⁹

По возможности беспристрастное, неискаженное предвзятой методологией прочтение любого произведения требует детального учета индивидуальной мифологии анализируемого нами автора и его героев, без навязывания тексту какой бы то ни было готовой системы представлений, в частности, постмодернистской.

В романе «Кысь» важную роль играет мифологема Татьяны Толстой, связанная с картинами К.С. Малевича. Так, говоря о знаменитом «арзамасском ужасе» Льва Толстого, писательница обращает внимание на то, что Толстой воспринимал его как «красный, белый, квадратный»¹⁰, а это, по ее словам, «звучит как описание одной из картин Малевича»¹¹. С точки зрения Татьяны Толстой, «Лев Толстой, с которым случился красно-белый квадрат, никак не мог ни предвидеть, ни контролировать случившееся. Оно предстало перед ним, набросилось на него, и под влиянием произошедшего, – не сразу, но неуклонно, – он отрекся от жизни, какую вел до того, от семьи, от любви, от понимания близких, от основ мира, окружавшего его, от искусства. <...> Занятый “духовными поисками”, к концу жизни он не нашел ничего, кроме горстки банальностей – вариант раннего христианства, не более того»¹². Марк Липовецкий справедливо критикует «явно заниженное» представление писательницы о ценности творчества позднего Толстого [Липовецкий 2008, с. 399], однако не стоит забывать, что эта слишком вольная интерпретация творческой биографии великого писателя тесно увязана с явлением черного квадрата главному герою романа «Кысь»: «Потом еще полистал, а там картинка такая: ничего на картинке нет, один лист белый, а посередь черная дыра квадратная. Больше ничего. Вроде как конец всему. Смотрел на дыру, смотрел – вдруг так что-то страшно

⁹ Толстая Т.Н. Золотая середина: Интервью журналу «Итоги» // Толстая Н.Н., Толстая Т.Н. Двое: Разное. М., 2001. С. 249–250.

¹⁰ Толстая Т.Н. День. С. 10.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 10–11.

стало, как во сне. Захлопнул быстро книгу и бросил»¹³. По словам Толстой, «на сохранившейся фотографии видно, что “Черный квадрат” расположен в углу, под потолком – там и так, как принято вешать икону. <...> Малевич сознательно вывесил черную дыру в сакральном месте: свою работу он назвал “иконой нашего времени”. <...> вместо лица – провал (ноль линий), вместо иконы, то есть окна вверх, в свет, в вечную жизнь – мрак, подвал, люк в преисподнюю, вечная тьма»¹⁴. Этот «люк в преисподнюю» и приоткрывается перед Бенедиктом.

Показательно, что и в описании картины Малевича в эссе «Квадрат» (2000), и в восприятии Бенедикта речь идет о *черной дыре*, поглощающей всё без исключения, даже свет. Впрочем, в эссе эта метафора указывает на окно в преисподнюю, а для Бенедикта (но не для автора романа) это буквальное изображение дыры в пространстве. По Толстой, «шаря руками в темноте, гениальной интуицией художника, пророческой прозорливостью Создателя», Малевич «нащупал запрещенную фигуру запрещенного цвета – столь простую, что тысячи проходили мимо, переступая, пренебрегая, не замечая... Но и то сказать, немногие до него замыслили “победу над Солнцем”, немногие осмеливались бросить вызов Князю Тьмы. Малевич посмел – и, как и полагается в правдивых повестях о торговле с Дьяволом, о возжаждавших Фаустах, Хозяин¹⁵ охотно и без промедления явился и подсказал художнику простую формулу небытия»¹⁶. Мощное мистическое воздействие, которое автор романа «Кысь» приписывает этой картине, не сразу, но неуклонно толкает Бенедикта на путь радикальной деградации. После встречи с «Черным квадратом» с ним происходит почти то же, что и с Львом Толстым после арзамасского ужаса (как это видит Татьяна Толстая): «“Я тут”, – беззвучно прошептал голос смерти, и жизнь пошла под откос»¹⁷. Нечто отчасти сходное происходит и с Бенедиктом. После того как с ним *случился* черный квадрат, герой внезапно понимает, что ему нечего читать (непрочитанные книги кончились или вот-вот кончатся), а это в свою очередь окажется триггером для превращения Бенедикта в санитара. «Бенедикт постоял, капающая свечным салом на пол, осмысливая случившийся ужас. Так вот пирует себе человек в богатом пиру, в венке

¹³ Толстая Т.Н. Кысь. С. 228.

¹⁴ Толстая Т.Н. День. С. 7–8.

¹⁵ Примечательно, что Толстая называет сатану так же, как приближенные обычно называли Сталина.

¹⁶ Толстая Т.Н. День. С. 7.

¹⁷ Там же. С 11.

из роз¹⁸, смеясь беспечно, и вся жизнь у него впереди; бездумно ему и светло; откусил, играючи, кусок ватрушки, протянул руку за другим – и вдруг раз! – и видит, что и стол-то пуст, чист, ни объедка, и горница как мертвая: ни друзей, ни красавиц, ни цветов, ни свечей, ни цимбалов, ни танцоров, ни ржави, а может, и самого-то стола нет, только сено сухое... с потолка помаленьку сыплется... шуршит и сыплется...»¹⁹

Этот «федор-кузьмичский ужас» Бенедикта напрямую связан с ощущением внезапно приближившейся смерти: герой из наивной застольно-обывательской идиллии с поеданием ватрушек переносится в земной аналог ада, отчасти напоминающего свидригайловскую баньку с пауками. Все это непосредственно предшествует появлению бесовского образа кыси перед глазами Бенедикта и ее вселению в героя. Перед нами изображение человека, беззащитного перед мистической силой, которую он сам же и вызвал. В ортодоксально постмодернистских произведениях такого серьезного отношения к мифу быть не должно. Для Татьяны Толстой характерно тяготение к эстетике метамодернистского типа, сочетающей неподдельную, непародийную серьезность, обычно ассоциируемую с модернизмом или романтизмом, с по-постмодернистски вольным, часто игровым обращением с материалом и постмодернистски окрашенной иронией. Роман разрушает как традиционалистские, так и постмодернистские эстетические клише, а метамодернистская осцилляция между серьезным и несерьезным придает этому недооцененному филологами и критиками произведению особое изящество и блеск.

На вопрос интервьюера: «– Кысь, которой до смерти боится Бенедикт, это и есть внутренний страх?» – Толстая ответила весьма двусмысленно: «– Это много чего... Она в лесу живет, и если о ней думать, то она придет»²⁰. Для Толстой это вопрос не столько психологии, сколько онтологизированной мифологии.

И разумеется, неслучайно Бенедикт делается как раз тем, о ком думает с максимальным напряжением и интенсивностью, – санитаром и кысью. Как и положено этому мифическому существу, герой

¹⁸ Говоря о «венке из роз», герой романа цитирует стихотворение А.А. Дельвига «Элегия» (*Дельвиг А.А. Сочинения*. М.: Художественная литература, 1986. С. 71), получившее широкую известность благодаря знаменитому романсу М.Л. Яковлева. Обильное чтение все же оставляет в душе Бенедикта некоторые следы. Однако в целом стихотворение Дельвига с его изысканной элитарной стилистикой слишком сложно для «мужицкого» восприятия персонажа.

¹⁹ *Толстая Т.Н.* Кысь. С. 250.

²⁰ *Толстая Т.Н.* Мюмзики и Нострадамус // *Толстая Н.Н., Толстая Т.Н.* Двое: разное. С. 433.

романа рвет крюком шейную жилу первого же убитого им голубчика²¹. В соответствии с по преимуществу языческими религиозными представлениями Татьяны Толстой, интенсивная мысленная концентрация на том или ином образе может «вызвать» его, сделать близким и опасным. Именно поэтому, согласно двусмысленному и отчасти лукавому утверждению Толстой, кысь придет «если о ней думать» не только к Бенедикту, но, возможно, и к любому вдумчивому читателю романа. Подобного рода агрессия метафизических существ характерна, например, для рассказов Толстой «Любишь – не любишь» и «Свидание с птицей». Миф по Толстой, мыслящей в этом плане во многом в духе А.Ф. Лосева [Лосев 2001] и К. Хюбнера [Хюбнер 1996], обладает онтологической силой *для того, кто ему доверяет*²². Среди прочего роман Татьяны Толстой и об этом.

В финале романа книги в тереме Кудеяра Кудеярыча сгорают, и это огромная потеря для будущих времен, когда прошедшие сложные круги культурного развития далекие потомки «нынешних» голубчиков окажутся в состоянии хоть сколько-нибудь адекватно воспринять книжную культуру. По мнению Толстой, в России между простым народом и интеллигенцией возможна лишь *имитация диалога*, в реальности же они совершенно не понимают друг друга, однако, замечает писательница, «любящее сердце» русского интеллигента «никак не хочет поверить в не встречу»²³, неудивительно поэтому, что идея передачи голубчикам культурной традиции, заимствованной от интеллигентов Пржежных, оказывается утопичной.

Фактически Толстая затрагивает здесь тему долговременных последствий культурной революции Петра I²⁴, попытавшегося бы-

²¹ Толстая Т.Н. Кысь. С. 256.

²² В интервью Ивану Давыдову под названием «Колдовство» (2013) писательница говорит о пронизанности всей русской жизни архаической языческой мистикой и, в частности, хтоническим началом. По мнению Толстой, это хорошо и выгодно отличает русского человека от крайне рационального западного (Толстая Т.Н. Легкие миры. АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. С. 431–476).

²³ Толстая Т.Н. Наоборот // Толстая Т.Н. Река. М.: Эксмо, 2007. С. 167.

²⁴ «...Реформа, скромная и ограниченная по своему первоначальному замыслу, направленная к перестройке военных сил и к расширению финансовых средств государства, постепенно превратилась в упорную внутреннюю борьбу, взбаламутила всю застоявшуюся плесень русской жизни, взволновала все классы общества. Начатая и веденная верховной властью, привычной руководительницей народа, она усвоила характер и приемы насильственного переворота, своего рода революции» (Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. С. 202).

стро и, что важно, насильственно навязать образованному российскому обществу своего времени западные культурные практики. Однако эти радикальные нововведения практически не коснулись крестьян, от которых не требовали даже бритья бороды.

В результате была создана русская культура западного типа, открытая к взаимодействию с культурой Европы, в значительной степени свободная от косности и изоляционизма прежней культурной традиции, но за появление этой культуры, новой и очень важной для России, пришлось заплатить почти полным ее непониманием со стороны крестьянства, чей культурный кругозор почти не изменился и после радикальных преобразований в умах образованного сообщества XVIII столетия. А крестьян даже перед Первой мировой войной в России было около 85% от всего населения Российской империи²⁵. По словам Георгия Федотова, «Петру удалось на века расколоть Россию: на два общества, два народа, переставших понимать друг друга. Разверзлась пропасть между дворянством (сначала одним дворянством) и народом (всеми остальными классами общества)...»²⁶. И эти два народа фактически стали говорить (в прямом и переносном смысле) на разных языках. В статье «Путешествие из Москвы в Петербург» А.С. Пушкин писал: «Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она за муж²⁷? “По страсти, – отвечала старуха, – я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь”. – Таковые страсти обыкновенны»²⁸, – меланхолично замечает автор. Вопрос о любовной страсти в сентименталистском или романтическом ее восприятии сталкивается с практикой грубого устрашения бесправной крестьянки, причем отсутствие взаимопонимания в этом диалоге обусловлено не только разницей в социальных возможностях и социальном опыте. Сам по себе «барский» культ любовной страсти для ультраконсервативного крестьянского сознания был глубоко чужд.

В результате петровской культурной революции радикально удаляются друг от друга не только дискурсивные практики об-

²⁵ «Сельское население значительно преобладает над городским. Из общего числа жителей 178 378 800 душ обоого пола, в городах живет 26 800 400 человек, т. е. всего лишь 15,0%» (Статистический ежегодник России 1914 г. (год одиннадцатый). Пг.: Изд. Центрального статистического комитета М.В.Д., 1915. С. 61).

²⁶ *Федотов Г.П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 4. М.: SAM & SAM, 2012. С. 39.

²⁷ У Пушкина это написано раздельно.

²⁸ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11: Критика и публицистика. С. 255–256.

разованного общества и простых крестьян, но и их понятийно-аксиологические системы. Как ни печально, Федотов оказывается прав: в России XVIII столетия под одной номинацией фактически сосуществовали два народа, диалог между которыми был весьма проблематичен, и, по мнению Толстой, с тех пор мало что переменялось. Неудивительно поэтому, что в финальной сцене романа «Кысь» надежды на понимание «здесь и сейчас» ни у Никиты Иваныча, ни у Льва Львовича, ни у автора романа «Кысь» не остается, потому, несмотря на почти вагнеровскую гибель всего «начальства», оба героя (а не только западник Лев Львович) отрываются от народной «почвы» и взлетают. Раньше Никита Иванович с пафосом заявлял: «В эти трудные годы, – каменный век, закат Европы, гибель богов и все то, что мы с вами пережили, друзья, – в эти годы инструкция к мясорубочке-то не менее ценна, чем папирус Александрийской библиотеки!»²⁹, однако аналог финала вагнеровской оперы «Сумерки богов»³⁰ (последней части тетралогии «Кольцо нибелунга») ждет Главного Истопника впереди. Гибель всего начальства у Толстой становится сниженным вариантом крушения Валгаллы и гибели всего пантеона древнегерманских богов, однако у Вагнера после этой сверхмасштабной катастрофы люди *de facto* становятся более независимыми и могут заново устроить свою жизнь так, как пожелают. Проблема, однако, в том, что даже без давления «сверху» мир социально беспомощных и этически невменяемых голубчиков обречен: новая несвобода здесь попросту безальтернативна.

Литература

- Липовецкий 2008 – *Липовецкий М.Н.* Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х гг. М.: Новое лит. обозрение, 2008. XXIX, 848 с.
- Лосев 2001 – *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа: Дополнения к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. 559 с.
- Хюбнер 1996 – *Хюбнер К.* Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
- Эпштейн 2001 – *Эпштейн М.Н.* Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.

²⁹ *Толстая Т.Н.* Кысь. С. 158.

³⁰ В романе Толстой используется широко распространенный и менее точный перевод немецкого названия финальной части вагнеровской тетралогии «Götterdämmerung» – «Гибель богов». Более точный вариант – «Сумерки богов».

References

- Lipovetskii, M.N. (2008), *Paralogii: Transformatsii (post)modernistskogo diskursa v russkoi kul'ture 1920–2000-kh godov* [Paralogies. Transformations of the (post) modernist discourse in Russian culture of the 1920^s – 2000^s], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Losev, A.F. (2001), *Dialektika mifa. Dopolneniya k «Dialektike mifa»* [The dialectics of myth. Additions to “The Dialectics of Myth”], Mysl', Moscow, Russia.
- Hübner, K. (1996), *Istina mifa* [The truth of myth], Respublika, Moscow, Russia.
- Epstein, M.N. (2001), *Filosofiya vozmozhnogo* [Philosophy of the possible], Aleteya, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Павел Е. Спиваковский, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; p.e.spiwakowsky@gmail.com

Information about the author

Pavel E. Spivakovskii, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; p.e.spiwakowsky@gmail.com

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
№ 9
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодичность 10 раз в год

Подписано в печать 15.10.2024
Выход в свет 22.10.2024
Формат 60×90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ. л. 11,8
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2056

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru